

СМЕНА

12
декабрь
2003

Молодой бульвар 35-89

"Тараканы" на бегах

68

Тихая авантюра и громкий шум

92

Актриса или "лицо" "Шанель № 5"

194

64

10

Две семьи: дети и родители
Бокс в Новогоднюю ночь

Признание и доверие сделали масло ЛУКОЙЛ
народной маркой

ЛУКОЙЛ Стандарт

ЛУКОЙЛ Супер

ЛУКОЙЛ Люкс

ЛУКОЙЛ Синтисик

ЛУКОЙЛ Ашэнгард

По вопросам приобретения фасованных масел "ЛУКОЙЛ" обращаться
по многоканальному телефону: (095) 973-7063 www.lukoil-masla.ru

ЛУКОЙЛ
ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

главный редактор

Михаил Кизилев

редакция

Николай Левичев

Виталий Федоров

главный художник

Тамара Чичина

зам. главного редактора

Сдано в набор 21.10.2003.
Подписано к печати 20.11.2003.
Печать офсетная.
Заказ № 6883
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2003.

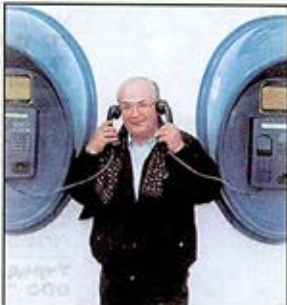
Круги жизни

- Алла Люден
4 Ах, карнавал!
Удивительный мир!
- Игорь Гамаюнов
186 Я погубил друга
- 212** Интервьюник
Совместный проект "Смены"
и интернет-портала Report.ru

Женщина и мужчина

- Ирина Путяева
90
- Сергей Мнацаканян
184 Поэзия
- издалека**
Любовь Русева
26 Защитник

▼ стр. 194

стр. 204 ►

стр. 217 ▼

стр. 10 ►

кинозал

Алла Люден
204 "Шок" — это по-нашему!

звезды мирового экрана

Владимир Кислов
194 Николь Кидман: "Для меня любовь главное лицевое действо"

зарубежный роман

Джозефина Тей
92 Приди и убей меня

наследие веков

Игорь Опарин
217 Замок Шенонсо
Ирина Олимах
10 Иероним Босх

▲ стр. 68

◀ стр. 4

молодой бульвар

Марина Фетисова
36 Не гори ясно, да скорей погасни...

Анастасия Пискунова
44 Три школы моей жизни

Елена Захарова
53 ...Падал прошлогодний снег

Анна Шеркунова
58 Из жизни русской студентки...

Полина Теслер
64 На тебе сошелся клином белый свет

Ольга Быстрых
68 "Тараканы!" не скрываются в подполье

Валентин Карягин
76 Шарик счастья

Елена Серебрянная
84 "Красная шапочка"
шуточный эспронт

Иосиф Гольман "ПАССАЖИР СОШЕЛ"

Повесть о человеческой жизни, о ее взлетах и падениях, о силе человеческой души, способной выстоять и победить в любых ситуациях и возродиться как феникс из пепла.

Пьер Вери УБИЙСТВО ДЕДА МОРОЗА

Как определил сам автор, это — "волшебная сказка для взрослых", роман человека, который всю свою жизнь сражался "за фей".

Карнавал!

Алла ЛЮДЕН

УДИВИ

■ Хочешь изменить жизнь — иди на маскарад и не забудь надеть костюм и маску. Перед Новым годом такой совет как нельзя кстати.

Ну, действительно, представьте себе: вот обычная женщина, вся жизнь ее проходит только дома и на работе — привычная рутина. А тут начальство решило очередной праздник в карнавалных костюмах отметить. Выбрала она наряд. Затянули ее в кор-

сет, поставили на каблучки, надели на нее яркое платье с воланами и пышную вуаль, в руки дали веер, и все изменилось в ней: осанка, манер, взгляд, походка, стала она первой красавицей, мечтой кавалеров и рыцарей...

А скромный менеджер наденет плащ, шляпу с пером, возьмет в руку шпагу мушкетера — и смело можно просить прибавления к зарплате.

Желание переодеваться в необычные костюмы у человечества проявилось еще в языческие времена. Славянские народы устраивали обрядовые праздники с переодеваниями в животных, отождествляя себя с ними и

МИР!

ТЕЛЬНЫЙ

веря, что так можно оградить себя от всяческих бед. Сохранились эти обычаи и с приходом христианства. Но здесь маски и костюмы выполняли уже роль отдушины, для выплеска эмоций. Особенно прижились они в средневековой Европе. Вспомним знаменитый Венецианский карнавал, доживший и до наших дней, очень красивый, таинственный, на воде, в которой отражаются костюмы, страшноватенькие, с клювами, маски, но от этого еще более притягивающий.

А бразильские карнавалы с их безудержным выплеском всего населения на улицы! Хотя их костюмы и тради-

ции носят другой характер, но народные истоки те же самые, идущие с древних времен.

Словом, можно еще раз убедиться, что весь мир — театр. Всем хочется лицедействовать. А зрелищность — одно из основополагающих начал любого театра, а уж карнавала тем более. Выбранный костюм и

маска — уже личный маленький театр. Шляпа, надетая набекрень, шарф, переброшенный через плечо, блеснувший из-под кружевной маски загадочный взгляд, выразительное покачивание веера — все это свидетельства психологической разрядки, приобретенной при трансформировании в того или иного персонажа.

И то, что сейчас в наших городах наблюдается настоящий бум карнавалов, психологически оправданно. Когда человек много работает, как это заведено в наших многочисленных фир-

мах, и общается с большим количеством людей, он испытывает сильное напряжение. И если руководство устраивает подобные корпоративные костюмированные вечеринки, оно заботится о психологическом состоянии своих сотрудников. А сами участники карнавала получают возможность воплотить свою скрытую мечту в другом облике. Костюм помогает проявиться в всплеске эмоций почти так же, как это происходит с болельщиками на спортивных соревнованиях или на рок-концерте. Так считают психологи.

Интересно, что некоторые наши сограждане пошли еще дальше: они устраивают маскарадные праздники в домашней обстановке, отмечают дни рождения, свадьбы. Как рассказывают, одна такая свадьба прошла в стиле Чикаго 30-х годов, а на другой — невеста, жених и все гости (такое было условие) оделись в костюмы и платья с кринолинами средних веков. Недавно какие-то шутники устроили улетающим надолго за границу друзьям «прикольный» сюрприз: приехали в Шереметьево в карнавалных костюмах. Такое запомнится надолго! А один счастливый папа решил встре-

тить свою новорожденную дочку у дверей роддома в костюме кавалера XVIII века со всеми полагающимися расшаркиваниями и поклонами...

Спрос на костюмы породил появление мастерских, где берут на прокат любой костюм. Но их можно придумать и сделать самим. В магазинах сегодня имеется большой выбор блессток, бисера, лент и перьев, большое разнообразие масок, особенно перед новогодними праздниками. А можно вытащить старые платья, брюки, пиджаки и куртки, переделать их в любое подобие нужного вида, пришить к туфлям банты, пряжки, блестящие, придумать что-нибудь еще.

Фантазируйте, ищите. Ведь так замечательно, что в огромном театре жизни можно сыграть разные роли в новогоднем праздничном спектакле! ■

ИЕРОНИМ
Б

Алтарь. Седьмые земные наслаждения (фрагмент).

Ирина ОПИМАХ

Мрачный фантаст, провозглашенный сюрреалистами XX века своим предшественником, духовным отцом и учителем, создатель тонких и лиричных пейзажей, глубокий знаток человеческой природы, сатирик, нравоописатель, философ и психолог, борец за чистоту религии и яростный критик церковных чинуш, которого многие считали еретиком, — этот поистине гениальный художник сумел и при жизни быть понятым, достичь уважения своих современников и намного опередить свое время.

В конце XIV века в небольшом голландском городке Хертогенбос поселился торговец пушниной и домовладелец Ян Ван Акен, прадед художника. Городок ему понравился, дела шли хорошо, и его потомкам и в голову не приходило уезжать куда-либо в поисках лучшей жизни. Они становились купцами, ремесленниками, художниками, строили и украшали Хертогенбос. В семье Акенов было много художников — дед, отец, два дяди и два брата Иеронима! (Деду Яну Ван Акену приписывается авторство сохранившейся до наших дней росписи в хертогенбосской церкви святого Иоанна).

Точная дата рождения Босха не известна, предполагают, что он появился на свет около 1450 года. Семья жила в достатке — отец-художник имел много заказов, а мать, дочь местного портного, наверняка получила неплохое приданое. Впоследствии их сын Иероним Ван Акен, большой патриот родного города, стал называть себя Иеронимом Босхом, взяв в качестве псевдонима укороченное название Хертогенбоса.

Хертогенбос в XV веке был процветающим торговым городом, однако он стоял в стороне от больших центров искусства. К югу от него находились богатейшие города Фландрии и Брабанта — Гент, Брюгге, Брюссель, где в начале XV века сложились великие школы нидерландского "золотого века" живописи. Могущественные бургундские герцоги, объединившие под своей властью голландские провинции, покровительствовали экономической и культурной жизни городов, где творили Ян Ван Эйк и Мастер из Флемалы. Во второй половине XV века в городах к северу от Хертогенбоса Дельфте, Гарлеме, Лейдене, Утрехте работали яркие мастера, и среди них гениальные Рогир Ван дер Вейден и Гуго Ван дер Гус, складывались новые, возрожденческие представления о мире и о месте человека в нем. Человек, утверждали философы нового времени, — венец творения, центр мироздания. Эти идеи блестяще воплощались в те годы в творчестве итальянских художников, великих современников Босха Боттичелли, Рафаэля, Леонардо да Винчи. Однако провинциальный Хертогенбос совсем не походил на Флоренцию, свободную и цветущую столицу Тосканы, и до некоторых пор его не касалась эта кардинальная ломка всех устоявшихся средневековых традиций и устоев. Так или иначе, Босх наверняка впитал в себя новые идеи, историки искусства предполагают, что он учился в Дельфте или в Гарлеме.

Жизнь Босха пришлось на переломный период в развитии Нидерландов, когда с бурным ростом промышленности, ремесел все большее значение приобретали науки, просвещение, и вместе с тем, как часто бывает, люди, даже самые образованные, искали прибежище и опору в темных средневековых суевериях, в астрологии, алхимии и магии. И Босх, свидетель этих кардинальных процессов перехода от темного

средневековья к светлому Возрождению, блестяще отразил в своем творчестве противоречивость своего времени.

В 1478 году Босх женился на Алейд Ван Мерверме, семья которой принадлежала к верхушке городской аристократии. Супруги Босх жили в небольшом поместье, принадлежавшем Алейд, недалеко от Хертогенбоса. Художник был материально обеспечен (о том, что он далеко не бедствовал, свидетельствуют высокие суммы уплаченных им налогов, записи о которых сохранились в архивных документах) и мог делать только то, что хотел. Он не зависел от заказов и расположения заказчиков и давал себе волю в выборе сюжетов и стиля своих картин.

Кем же он был, Иероним Босх, этот, пожалуй, самый загадочный художник в мировом искусстве? Страдающий еретик или верующий человек, но с ироническим складом ума, цинично издевающийся над человеческими слабостями? Мистик или гуманист, мрачный мизантроп или весельчак, почитатель прошлого или мудрый провидец? А может, просто одинокий чудака, отображающий на холсте плоды своего безумного воображения? Существует и такая точка зрения: Босх принимал наркотики, и его картины — результат наркотического транса...

Так мало известно о его жизни, что совершенно невозможно составить представление о личности художника. И только его картины могут рассказать о том, каким человеком был их автор...

Прежде всего поражает обширность интересов и глубина знаний художника. Сюжеты его картин разыгрываются на фоне зданий как современной ему, так и античной архитектуры. В его пейзажах — вся известная тогда флора и фауна: среди тропических растений обитают животные северных лесов, а слоны и жирафы пасутся на голландских полях. В росписи одного алтаря он воспроизводит последовательность возведения башни по всем правилам инженерного искусства того времени, а в другом месте изображает достижения техники XV века: водяные и ветряные мельницы, плавильные печи, кузнечные горны, мосты, повозки, корабли. На картинах, изображающих ад, художник показывает оружие, предметы кухонной утвари, музыкальные инструменты, причем последние выписаны так точно и подробно, что эти рисунки могли бы служить иллюстрацией к учебнику по истории музыкальной культуры.

Босх прекрасно знал и достижения современной ему науки. Врачи, астрологи, алхимики, математики — частые герои его картин. Представления художника о мире загробном, о том, как выглядит преисподня, основаны на глубоком знании богословских, теологических трактатов и житие святых. Но самое удивительное, что Босх имел понятие об учениях тайных еретических сект, об идеях средневековых еврейских учений, книги которых в то время еще не были переведены ни на один европейский язык! А кроме того, фольклор, мир сказок и легенд своего народа, тоже нашел отражение в его картинах. Несомненно, Босх был истинным человеком нового времени, человеком Возрождения, его волновало и интересовало все, что происходило в мире. Творчество Босха условно состоит из четырех уровней — буквального, сюжетного; иносказательного, аллегорического (выражавшегося в параллелях между событиями Ветхого и Нового Заветов); символического (с использованием символики средневековых, фольклорных представлений) и тайного, связанного, как полагают некоторые исследователи, с событиями его жизни или же с различными еретическими учениями. Играя символами и знаками, Босх сочиняет свои грандиозные живописные симфонии, в которых звучат то темы народной песенки, то величественные аккорды небесных сфер, то безумный грохот адской машины.

Во времена Босха художники писали в основном картины на религиозные сюжеты. Но уже в самых ранних своих работах Босх бунтует против установленных правил — ему гораздо интереснее живые люди, и он пишет жанровые картинки.

Представим себе маленький голландский городок с его узкими улочками, островерхими кривыми, черепичными крышами и непременной ратушей на рыночной площади. Конечно же приезд фокусника — огромное событие в жизни простых бюргеров, у которых особенных развлечений в общем-то и нет — может, только праздничная служба в церкви да вечер с приятелями в ближайшем кабаке. Сцена представления такого заезжего фокусника оживает на картине Босха. Вот он, этот артист, разложив на столе предметы своего ремесла, с большим наслаждением дурачит честной народ. Мы видим, как почтенная дама, увлеченная манипуляциями фокусника, наклонилась над столом, чтобы лучше видеть то, что он делает, а в это время стоящий за ее спиной человек вытаскивает у нее из кармана кошелек. Наверняка фокусник и ловкий вор — одна компания, и у того, и у другого столько лицемерия и ханжества на лице! Казалось бы, Босх пишет абсолютно реалистическую сценку, но вдруг мы видим, что изо рта любопытной дамы лезет лягушка! Известно, что в средневековых сказках лягушка символизировала наивность и доверчивость, граничащую с откровенной глупостью.

На картинах Босха — не герои Священного Писания, а люди его времени: бродячие фокусники, лекари, шуты, актеры, музыканты, нищие. Путешествуя по городам Европы, они не только дурачили доверчивых простофилю, но и развлекали почтенных бюргеров и крестьян, рассказывали, что происходило в мире. Без них, этих бродяг, отважных и хитроумных, не обходилась ни одна ярмарка, ни один карнавал или церковный праздник. И Босх пишет этих людей, сохраняя для потомков аромат своего времени.

Примерно в те же годы Босх создает грандиозное полотно "Семь смертных грехов". Из центра большого круга смотрит огромный зрачок — всевидящее Око Бога. А вокруг — картины грехов человеческих: гнев, гордыня, похоть, леность, скупость, зависть и злодейство. Каждому из смертных грехов художник посвящает отдельную сценку, а в результате получается история человеческой жизни. Молодая женщина смотрит в зеркало, которое держит не кто иной, как черт; на лоне природы компания молодых людей предается плотским утехам; в деревенской таверне грубые мужланы напиваются до свинского состояния и бросаются с ножом на своих жен; продажный судья, изображая сочувствие к истцу, принимает сторону ответчика, сующего ему в карман золотой. При этом сценки грехов выглядят как милые шутки на тему моральной низости человека, художник скорее шутит, чем порицает и возмущается. Да, признает Босх, в нашей жизни процветает глупость и порок, но в этом человеческая природа, и ничего тут не поделаешь. Люди из всех сословий, из всех слоев общества предстают на картине — аристократы, крестьяне, купечество, духовенство, бюргеры, судьи. По четырем сторонам этой большой композиции Босх изобразил "Смерть", "Страшный суд", "Рай" и "Ад" — то, что, как верили в его время, завершает жизнь каждого человека.

В 1494 году в Базеле вышла поэма Себастьяна Бранта "Корабль дураков" с иллюстрациями Дюрера. "В ночь и тьму мир погружен, отвергнут Богом — глупцы кишат по всем дорогам", — писал Брант.

Точно не известно, читал ли Босх творения своего гениального современника, но на его картине "Корабль дураков" мы видим всех персонажей поэмы Бранта: пьянчужки-гуляки, бездельники, шарлатаны, шуты и сварливые жены. Без руля и без ветрил плывет корабль с дураками. Его пассажиры предаются грубым плотским утехам. Никто не знает, когда и где закончится плавание, к каким берегам суждено им пристать, да их это и не волнует — они живут настоящим, забыв о прошлом и не думая о будущем. Лучшие места занимают монах и монахиня, горланящие непристойные песни; мачта превратилась в дерево с пышной кроной, в которой злобно ухмыляет-

ся Смерть, и над всем этим безумием развевается флаг с изображением звезды и полумесяца, мусульманскими символами, означающими отход от истинной веры, от христианства.

Шел к концу XV век. Наступали смутные времена. Новые правители Нидерландов Карл Смелый, а потом Максимилиан I огнем и мечом заставляли своих подданных повиноваться престолу. непокорные деревни сжигали дотла, всюду появились виселицы и колеса, на которых четвертовали мятежников. Да и инквизиция не дремала — в пламени костров заживо сжигали еретиков, осмелившихся хоть в чем-то не согласиться с могущественной церковью. На рыночных, центральных площадях голландских городов шли публичные казни и пытки преступников и еретиков. Не слу-

чайно, что в народе появились разговоры о конце мира. Ученые богословы называли даже точную дату Страшного суда — 1505 год. Во Флоренции публику заводили иступленные проповеди Саванаролы, предвещающего близость расплаты за человеческие грехи, а на севере Европы проповедники-ересiarхи призывали вернуться к истокам христианства, иначе, уверяли они свою паству, людям грозят страшные мучения ада.

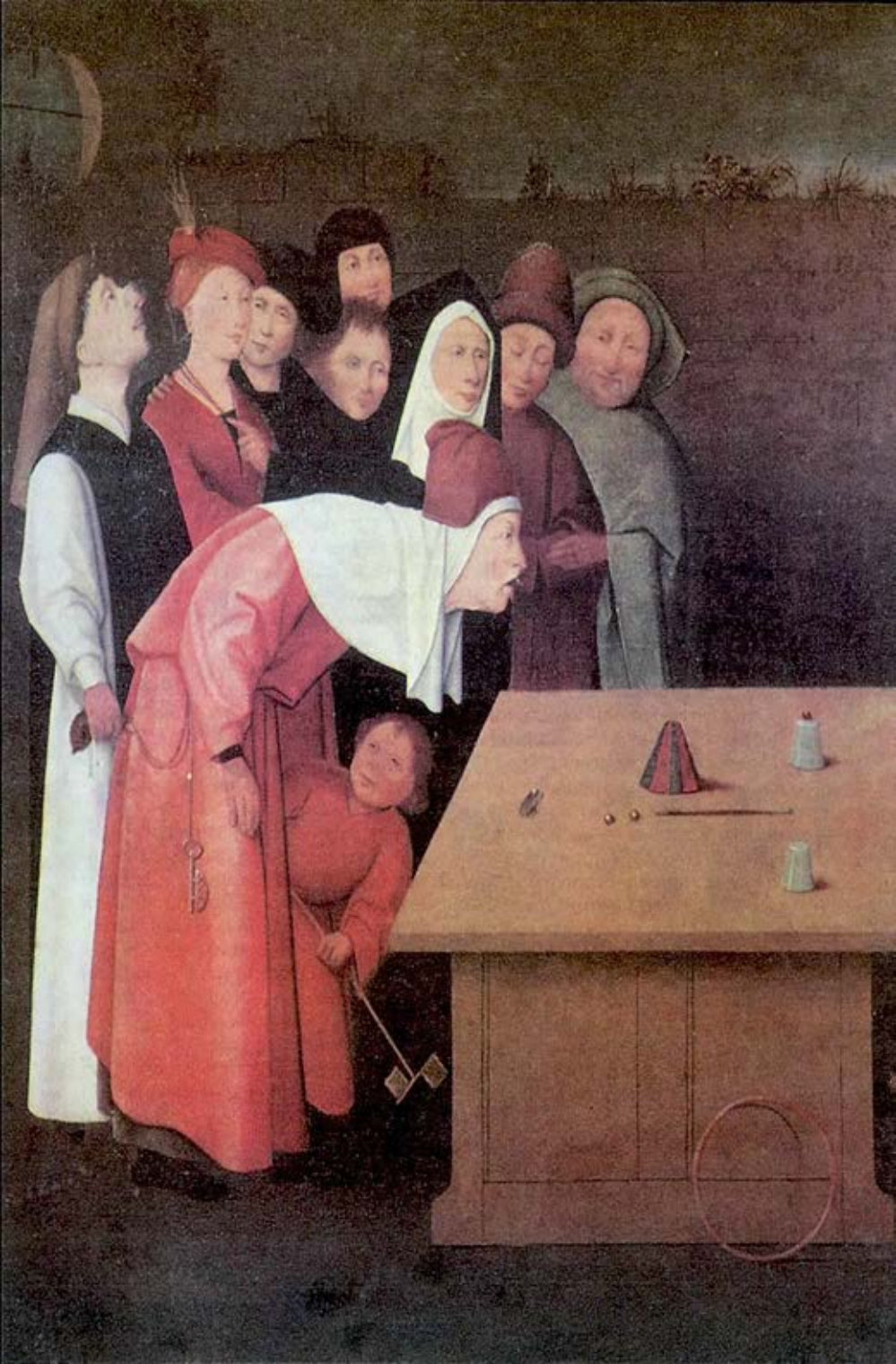
Эти настроения не могли не найти свое отражение в искусстве. И вот великий Дюрер создает серию гравюр на темы Апокалипсиса, а Боттичелли иллюстрирует Данте, рисуя безумный мир ада.

Вся Европа читает "Божественную комедию" Данте и "Откровения св. Иоанна" (Апокалипсис), а также появившуюся еще в XII веке книгу "Видение Тундгала", написанную якобы ирландским королем Тундгалом, о его посмертном путешествии по преисподней. В 1484 году эта книга вышла и в Хертогенбосе. Конечно же она попала и в дом Босха. Он читает и перечитывает этот мрачный средневековый опус, и постепенно образы ада, образы обитателей преисподней вытесняют из его сознания персонажей повседневной жизни, его глуповатых и жуликоватых земляков.

Итак, ад, как утверждают писатели средневековья, разделен на несколько частей, в каждой из которых подвергают наказанию за определенные грехи. Эти части ада отделены друг от друга ледяными реками или огненными стенами, а соединены — тонкими мостиками. Так представлял себе ад и Данте. А что касается обитателей ада, то представление о них складывается у Босха из изображений на старых фресках городских церквей и из масок чертей и оборотней, которые одевали жители его родного города во время праздников и карнавалов шествий.

Босх — настоящий философ, он мучительно размышляет о человеческой жизни, о ее смысле. Каким может быть финал существования человека на земле, человека, столь глупого, грешного, низкого, не способного противостоять своим слабостям? Только ад! И если раньше на его полотнах картины преисподней были строго отделены от картин земного бытия и служили скорее напоминанием о неизбежности наказания за прегрешения, то теперь ад для Босха становится частью истории человека.

И он пишет "Воз сена" — свой знаменитый алтарь. Как и большинство средневековых алтарей, "Воз сена" состоит из двух частей. По будням створки алтаря были закрыты, и люди могли видеть только изображения на наружных створках: бредет по дороге измученный, согнутый тяготами бытия человек. Голые холмы, почти никакой растительности, только два дерева изобразил художник, но под одним играет на волынке дурак, а под другим разбойник измывается над своей жертвой. И куча белых костей на переднем плане, и виселица, и колесо. Да, невеселый пейзаж изобразил Босх. Но ведь ничего веселого и не было в окружавшем его мире. По праздникам, во время торжественных служб створки алтаря открывались, и прихожане видели совсем иную картину: на левой части Босх написал рай, Эдем, сад, где поселил Бог перволюдей Адама и Еву. Вся история грехопадения отображена на этой картине. И вот уже Ева повернулась в сторону земной жизни, где — в центральной части триптиха — мечутся люди, страдающая и греша. В центре — огромный воз сена, вокруг которого идет человеческая жизнь. Все в средневековых Нидерландах знали поговорку: "Мир — это воз сена, и каждый старается урвать с него столько, сколько может". Художник изображает здесь и отвратительного жирного монаха, и сиятельных аристократов, и шутов и пройдох, и глупых, ограниченных бюргеров — все втянуто в безумную погоню за материальными благами, все бегут, не подозревая, что бегут к своей неминуемой гибели.

Но Босх осознавал, что мир не однозначен, он сложен и многосторонен; низкое и греховное соседствует с высоким и чистым. И на его картине появляется прекрасный пейзаж, на фоне которого вся эта свара мелких и бездушных людшек кажется явлением временным и преходящим, в то время как природа, прекрасная и совершенная, — вечна. Еще он пишет мать, обмывающую ребенка, и костер, на котором готовится пища, и двух женщин, одна из которых беременна, и они застыли, прислушиваясь к новой жизни.

А на правой створке триптиха Босх изобразил ад. Очень какой-то конкретный ад получился у художника. Тут все заняты своим делом: строители, грузчики, плотники, похожие на строителей огромных готических соборов, но с дьявольскими личинами, возводят новые сооружения для пыток несчастных грешников.

В этой работе Босх философски обобщает всю историю человечества — от сотворения Адама и Евы, от Эдема и райского блаженства до расплаты за прегрешения в страшном царстве Дьявола. Эта концепция — философская и нравственная — лежит в основе и других его алтарей и полотен (“Страшный суд”, “Всемирный потоп”). Он пишет многофигурные композиции, и иногда в изображении ада его обитатели становятся похожи не на строителей величественных соборов, как на триптихе “Воз сена”, а на гнусных старух, ведьм, с увлеченностью домашних хозяек готовящих свою отвратительнуюстряпню, при этом орудиями пыток им служат обычные предметы домашнего обихода — ножи, ложки, сковороды, поварешки, котлы... Именно благодаря этим картинам сложилось восприятие Босха как певца ада, кошмаров и пыток.

Босх, как человек своего времени, был убежден, что зло и добро не существуют одно без другого, и победить зло можно, лишь восстановив связь с добром, а добро — это Бог. Вот почему пра-

ведники Босха, окруженные исчадиями ада, часто читают священное писание или даже просто беседуют с Богом. Так они в конце концов находят в себе силы и с Божьей помощью побеждают зло.

Картины Босха — поистине грандиозный трактат о добре и зле. Средствами живописи художник излагает свои взгляды на причины зла, царящего в мире, говорит о том, как можно бороться со злом. До Босха ничего подобного в искусстве не было.

...Начался новый, XVI век, а обещанный конец света так и не наступил. Земные заботы вытеснили терзания по поводу спасения души. Росли и укреплялись торговые и культурные связи между городами. В Нидерланды попали картины итальянских художников, и их голландские собратья, знакомясь с достижениями итальянских коллег, воспринимали идеалы Рафаэля и Микеланджело. Все вокруг менялось быстро и неотвратимо, но не для Босха. Он по-прежнему жил в Хертогенбосе, в своем любимом поместье, размышлял о жизни и писал только тогда, когда хотелось взять в руки кисти. Между тем его имя стало известным. В 1504 году сам герцог бургундский Филипп Красивый заказал ему алтарь с изображением Страшного суда, а штатгалтерша Нидерландов Маргарита в 1516 году приобрела его "Искушение св. Антония". Огромным успехом пользовались гравюры с его работ.

Среди последних работ художника наиболее заметны "Блудный сын" и "Сад радостей земных".

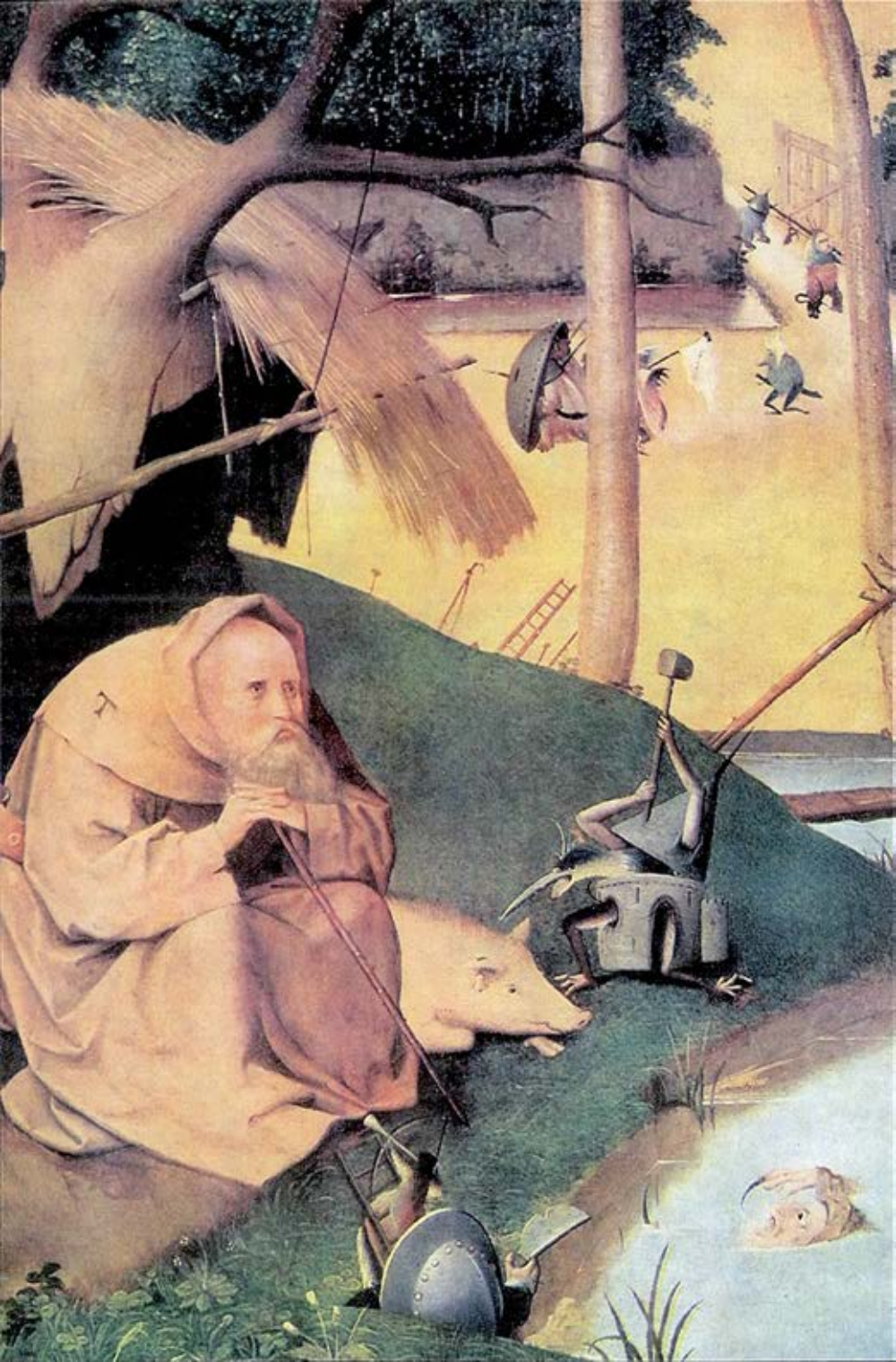
В известной библейской притче рассказывается о человеке, который, будучи молодым, оставил ради земных наслаждений отчий дом, растратил в разудалых утехх здоровье и состояние и на старости лет нищим и больным вернулся в отеческий дом. Босх рисует человека в момент решения — как дальше жить: перед ним — дорога, ведущая к отцовскому крову, позади — трактир, в дверях которого солдат обнимает продажную девуку, а за углом какой-то оборванец облегчает мочевой пузырь. Все персонажи картины, хотя, несомненно, и глубоко символичны, в то же время удивительно реальны, живы. Это, по сути, чисто жанровая картина, и только ее формат — круг, напоминающий о земной сфере и о зеркале ("В моем зеркале дураков дурак узрит, кто он таков", — писал С. Брант), — говорит о том, что это, как всегда, у Босха, обобщение, философское осмысление жизни человека.

Большой алтарь "Сады радостей земных" — пожалуй, одно из самых фантастических и загадочных произведений в мировой живописи.

На наружных створках художник изобразил некую сферу, внутри которой в виде плоского диска — земная твердь. Сквозь мрачные тучи пробиваются лучи солнца, освещающие земные горы, водоемы и растительность. Но ни животных, ни человека здесь еще нет — это ведь земля третьего дня творения. А на внутренних створках Босх представляет свое видение земной жизни, и как обычно, левая створка изображает сады Эдема. Босх волей своей кисти населяет райский сад всеми известными в его время животными: тут жираф и слон, утка и саламандра, северный медведь и египетский ибис. И все это живет на фоне экзотического парка, в котором растут пальмы, апельсины и другие деревья и кустарники. Казалось бы, полная гармония разлита в этом мире, но зло не дремлет, и вот уже кошка сжимает в зубах задущенную ею мышь, на заднем плане хищник терзает убитую лань, а в фонтане жизни засела коварная сова. Босх не показывает сцены грехопадения, он словно говорит, что зло родилось вместе с появлением самой жизни...

Центральная часть алтаря показывает, как зло, только зарождавшееся в Эдеме, пышно расцветает на Земле. Среди невиданных, фантастических растений, полумеханизмов, полуживотных сотни обнаженных, лишенных конкретных лиц людей вступают в какие-то ирреальные сношения с животными и с друг другом, прячутся в пустотельх скорлупах гигантских плодов, принимая какие-то безумные позы. И во всем

Искушение св. Антония (фрагмент)

Искушение св. Антония (фрагмент).

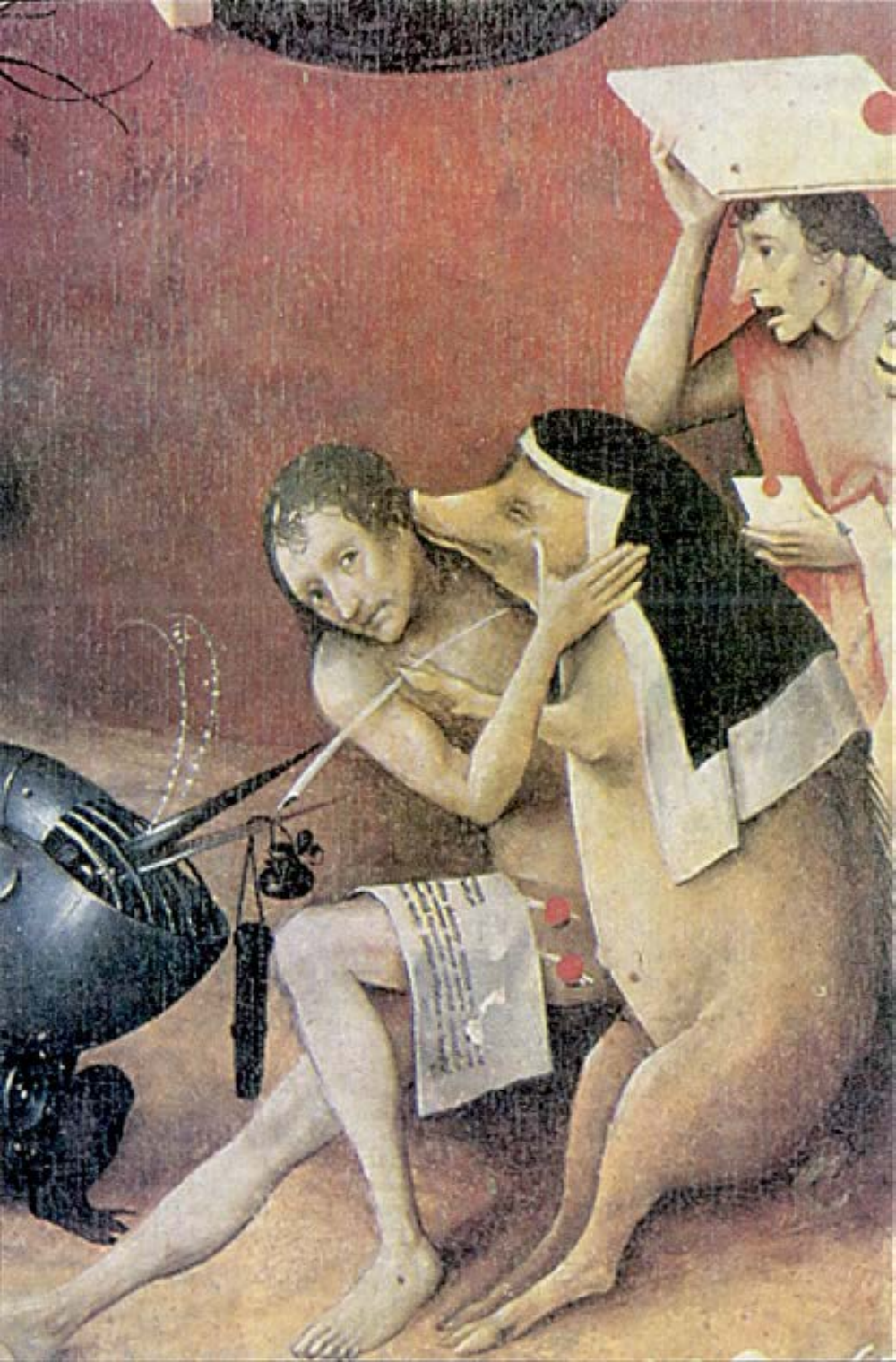
движении этой живой, суетящейся массы — греховность, похоть и порок. Босх не изменил свое понимание человеческой природы и сути человеческого существования, но в отличие от других его более ранних работ здесь нет бытовых зарисовок, ничто не напоминает жанровые сценки его прежних полотен — просто чистая философия, абстрактное осмысление жизни и смерти. Босх, как гениальный режиссер, строит мир, управляет огромной массой копошащихся людей, животных, механических и органических форм, организуя их в строгую систему. Все здесь связано и закономерно. Причудливые формы скал левой и центральной створок продолжают формами горящих сооружений на заднем плане преисподней; фонтану жизни в раю противопоставляется прогнившее “древо познания” в аду.

В 1516 году, 9 августа, как сообщают архивы Хертогенбоса, “знаменитый художник” Иероним Босх скончался. А между тем его имя приобрело известность не только в Голландии, но и в других странах Европы. Испанский король Филипп II собрал его лучшие произведения и даже поместил в своей спальне в Эскориале “Семь смертных грехов”, а над рабочим столом — “Воз сена”. На художественном рынке появилось огромное количество “шедевров” многочисленных последователей, копиистов, подражателей и просто мошенников, подделывавших произведения великого мастера. А в 1549 году в Антверпене молодой Питер Брейгель организовал “Мастерскую Иеронима Босха”, где вместе со своими друзьями изготавливал гравюры в стиле Босха и продавал их с большим успехом. Однако уже в конце XVI века жизнь людей поменялась столь кардинально, что символический язык художника стал непонятным. Издатели, печатая гравюры с его работ, вынуждены были сопровождать их пространными комментариями, при этом говоря лишь о нравоучительной стороне творчества художника. Алтари Босха исчезали из церкви, перекочевав в собрания высококолоных коллекционеров, которые с удовольствием упражнялись в их расшифровке. В XVII веке о Босхе практически забыли.

Шли годы, и конечно же в галантном XVIII и практичном XIX веках Босх и все оказался не нужен, более того, чужд. Горьковский герой Клим Самгин, разглядывая в старой мюнхенской пинакотеке картину Босха, поражен: “Странно, что эта раздражающая картина нашла место в одном из лучших музеев столицы немцев... Этот Босх поступил с действительностью, как ребенок с игрушкой, — изломал ее, а потом склеил куски, как ему хотелось. Чепуха. Это годится для фельетона провинциальной газеты”. Работы художника пылились в запасниках музеев, а искусствоведы лишь мельком упоминали в своих трудах об этом странном средневековом живописце, рисовавшем какие-то фантазмагии.

Но вот наступил век XX, с его страшными войнами, перевернувшими все понимание человека о человеке, век, принесший ужас Холокоста, безумие непрерывно налаженной работы печей Освенцима, кошмар атомного гриба. А потом были американский апокалипсис 11 сентября 2001 года и московский “Норд-Ост”... Творчество Иеронима Босха, художника тревожной, переломной эпохи, видевшего, как цивилизация, существовавшая много столетий, заканчивается, как церковь, которая до той поры была целостной, начинает разделяться, как прежние ценности развенчиваются и отбрасываются во имя каких-то новых и неизвестных, в наше время вновь стало поразительно современно и свежо. А его мучительные размышления и скорбные прозрения, итоги его дум об извечных проблемах добра и зла, человеческой природы, о жизни, смерти и вере, не оставляющей нас несмотря ни на что, становятся невероятно ценными и поистине необходимыми. Вот почему мы вновь и вновь вглядываемся в его гениальные, нестареющие полотна...

Алтарь. Сады земных наслаждений (фрагмент).

«Выше совести человека нет силы в мире»

А.И. Урусов

Любовь РУСЕВА

■ Москва, 1867 год. В здании окружного суда уже два дня идет процесс. Суть дела: в августе 1866 года в погребе дома крестьянина Алексея Волохова был обнаружен труп хозяина с многочисленными ранами, нанесенными разными орудиями. Подозрение сразу же пало на жену убитого — Марфу Волохову. Семья жила в нужде, Волохов страдал запоями, Марфа часто его ругала за пьянство, называла мошенником, жуликом и каторжником. По мнению свидетелей, она была злой и сердитой по натуре и ждала случая избавиться от мужа. Некоторые утверждали: жена изменяла неоднократно, однако конкретных фактов, подтверждающих это, не было. Волохова категорически отрицала свою вину. Защитником на процессе выступил двадцатичетырехлетний кандидат на должность по судебному ведомству князь Александр Иванович Урусов. В момент совершения преступления он только что распрощался со стенами университета.

— Господа судьи! Господа присяжные! Вашего приговора ожидает подсудимая, обвиняемая в самом тяжком преступлении, которое только можно себе представить. Я в своем возражении пойду шаг за шагом, вслед за товарищем прокурора... — начал свою речь защитник.

Заявление Урусова, что искусная речь обвинителя основана на предположениях, вызвало замечание со стороны председательствующего. Но сбить молодого юриста было трудно, он настойчиво гнул свое.

— ...Господин товарищ прокурора опирается преимущественно на косвенные улики. Первой уликой он представляет народную молву. Господин товарищ прокурора говорит, что народный голос редко ошибается. Я думаю наоборот. Народный голос есть воплощенное подозрение, которое нередко вредит крестьянину. Почему в настоящем случае народный голос является против подсудимой? Труп найден в погребе дома Волохова. Волохов жил несогласно со своей женой, после этого следует немедленное заключение — она виновата. Почему? Больше никому. Вот народная логика...

Князь Урусов шаг за шагом шел к намеченной цели. На данном процессе анализ косвенных доказательств, свидетельствующих в пользу обвиняемой, оказался решающим. Адвокат не только превосходно справился с этой задачей, но даже те улики, которые товарищ прокурора вменял в вину Волоховой, князь сумел обратить против него же.

Присутствовавший на процессе Анатолий Федорович Кони писал: «Посетители Московского суда того времени вспомнят, быть может, неслыханный восторг присутствующих после защитной речи по делу Волоховой, обвинявшейся в убийстве мужа, — речи, сломившей силою чувства и тонкостью разбора улик тяжкое и серьезное обвинение».

— Господа присяжные, я ожидаю от вас строгой правды, строгого анализа. Перед вами женщина, шесть месяцев томившаяся под тяжелым обвинением. Девять лет в горе прожила она с мужем, еще худший конец ожидает эту нравственную личность. Невольно преклоняешься под таким горем.

Защитник смолк, он сказал все, что хотел. Позже замечательный юрист Кони в книге «На жизненном пути» напишет об этой речи князя Урусова: «... она уподобилась звукам индийского гонга, которые растут и усиливаются по мере того, как расширяется объем их волнообразного движения. Впечатление от нее, вызываемые ею мысли о невиновности подсудимой, и страстное желание ее оправдания нарастали все более и более во время судебной процедуры, следовавшей за речью, и накоплялись как электрический заряд в огромной Лейденской банке. Слова: «нет, не виновна!» — разрядили эту банку в одном общем взрыве восторга и умиления. На другой день весь город говорил об успехе Урусова, и основание его славы было положено».

Успех Урусова был стремителен. Он не взбирался по крутому склону на Олимп ораторского искусства, он в мгновение ока взлетел на него. Вскоре после вступления в адвокатуру Урусов стал столь же известен и популярен как и Плевако.

Другой блестящий юрист того времени Сергей Аркадьевич Андреевский в «Драмах жизни» писал о мастерстве Александра Ивановича: «Каждая фраза, сказанная Урусовым, читалась в газетах как новое слово. Он был не из тех адвокатов, которые делают известными только тогда, когда попадают в громкое дело. Нет, он был из тех, которые самое заурядное дело обращали в знаменитое одним только прикосновением своего таланта. Оригинальный ум, изящное слово, дивный голос, природная ораторская сила, смелый, громкий протест за каждое нарушенное право защиты, пленительная шутливость, тонкое остроумие — все это были такие свойства, пе-

ред которыми сразу преклонялись и заурядная публика, и самые изысканные ценители».

Выдающийся судебный оратор князь Александр Иванович Урусов родился в Москве 2 апреля 1843 года. Окончив Первую московскую гимназию, он в 1861 году поступил в Московский университет на юридический факультет, из которого вылетел спустя полгода за участие в студенческих беспорядках. На следующий год Александр вновь сдает вступительные экзамены и вновь по конкурсу зачисляется на тот же факультет того же университета.

В 1866 году, окончив курс, князь поступил на службу кандидатом на должность по судебному ведомству. Сразу же после процесса Марфы Волоховой, в 1868 году, Александр Иванович перешел в помощники присяжного поверенного, а через три года — получил звание присяжного поверенного. В течение этих нескольких лет князь блестяще выступил в нескольких громких процессах, в том числе в известном Нечаевском деле (в 1871 году), в котором защищал Успенского, Волховского и некоторых других. Впечатление, произведенное речью Урусова в Петербурге, было очень сильным: "Полный юношеского пыла и вместе с тем опытный уже мастер формы, — писал "Вестник Европы" в 1900 году, — он увлекал и убеждал... являясь то политическим оратором... то тонким диалектиком... Демаркационная черта, проведенная им между разговором и тайным обществом, предопределила исход процесса».

Бунтарь по характеру, князь Урусов в этом походил на своего отца — Ивана Александровича, который за строптивый нрав, имея чин полковника, был сослан на Кавказ и заслужил солдатский Георгий. Открытая демонстрация неуважения властей серьезно осложняла жизнь Александру Ивановичу, он не раз подвергался гонениям и претерпевал немало горестных унижений и притеснений. Бунт против властей в студенческие годы — только начало. В январе 1868 года Урусов сцепился с заместителем председателя суда. Их стычка закончилась тем, что Александра Ивановича удалили из зала заседаний. Горячий князь тут же подал заявление об отставке в совет присяжных заседателей. Отставка принята, а уже в феврале Урусов снова зачислен в московскую адвокатуру.

Находясь в Швейцарии после окончания политического процесса по делу организации "Народная расправа", Урусов публично обратился к швейцарскому правительству с просьбой не выдавать России Нечаева как лицо, обвинявшееся в политическом преступлении. За это в 1872 году он пополнился многолетней административной ссылкой в Венден Лифляндской губернии.

Отрешенный от одного любимого дела, Александр Иванович предался другому. Еще будучи студентом второго курса, он опубликовал под псевдонимом "Александр Иванов" две большие статьи: "Заметки о московском театре" и "Московский театр и г-жа Позднякова", которые были встречены восторженно. Во время учебы Урусов усиленно изучал изобразительное искусство, часто посещал музеи и картинные галереи в России, Германии и Франции. Увлекался он и западной литературой, писал статьи о творчестве Бодлера и своего кумира Флобера.

Но самое большое пристрастие питал Александр Иванович к театру. В Вендене князь продолжает писать статьи о русской драматургии и становится одним из виднейших отечественных театральных критиков, отстаивавших свободу художественного творчества. Его перу принадлежат статьи о Щепкине, Федотовой, Ермоловой, Стрепетовой. Урусов печатался и вел театральные отделы в нескольких периодических изданиях: "Библиотеке для чтения", "Русских ведомостях", "Новостях" и "Порядке».

Но кабинетной литературно-критической работы князю Урусову мало, его бойцовская натура требует активной деятельности. Он просит Кони выхлопотать ему

хоть какую-нибудь работу. Наконец, спустя три года, он поступает в канцелярию местного генерал-губернатора, и лишь через 4 года благодаря тому же Кони его назначили товарищем прокурора варшавского окружного суда. Несмотря на его популярность как судебного оратора, условия жизни его были тяжелыми. «Болезнь, бездомность, порабощение способностей и — нужда, — пишет он Кони. — Я не могу выбиться из долгов. Если моя служба в министерстве юстиции признается полезной только для меня, в смысле реабилитации, то, конечно, я могу только радоваться своему положению, что после 6 лет удаления с поприща адвокатуры и проживания в царстве Польском, в среде самой жуткой администрации и самых жутких конфликтов... думаю, я могу сказать, что... полнейшая реабилитация совершилась или что таковой не существует».

Александр Иванович просит Кони помочь ему перевестись в Петербург. С большим трудом Анатолию Федоровичу это удалось. По возвращении из ссылки Урусова не допустили к работе в адвокатуре. Его назначили товарищем прокурора окружного суда, но и здесь ораторский талант князя проявился во всем блеске. На нескольких процессах, на которых Александр Иванович выступал обвинителем, судьей был Кони.

Как-то на одном заседании адвокат усиленно напирал на то, что его подзащитный зарезал своего спутника из-за безысходного финансового положения. Урусов возражал как всегда с убийственной логикой, но вдруг в разгаре своей речи остановился, оборвал свои соображения и перешел к другой стороне дела. Во время перерыва заседания Кони спросил Урусова:

— Александр Иванович, что значила внезапная пауза? Не почувствовали ли вы себя дурно?

— Нет! Не то. Мне вдруг чрезвычайно захотелось сказать, что я совершенно согласен с защитником в том, что подсудимому деньги были нужны до разреза. И я не сразу справился с собою, чтобы не допустить себя до этой неуместной игры слов.

Анатолий Федорович особо отмечал присущие речам Урусова-обвинителя блестящие характеристики действующих лиц и общественной среды. «Достаточно вспомнить чудесную картину гнилой и преступной обстановки, в которой действовали в Петербурге разные темные «проводители дел» в официальных сферах, изображенную им по делу Гулак-Артемовской, или характеристику дружелюбно-взаимного неисполнения долга при ревизии частного акционерного общества в ущерб доверчивым акционерам, данную им в деле общества взаимного поземельного кредита. Наряду с такими характеристиками блистал его живой и подчас ядовитый юмор, благодаря которому перед слушателями, как на экране волшебного фонаря, трагические и мрачные образы сменялись картинками, заставлявшими невольно улыбаться над человеческою глупостью и непоследовательностью. Остроумные выходы Урусова иногда кололи очень больно, хотя он всегда знал в этом отношении чувство меры. Логика доказательств, их генетическая связь увлекали его и оживляли его речь. Он был поэтому иногда очень горяч в своих возражениях, хотя всегда умел соблюсти вкус и порядочность в приемах».

Кроме того, большую популярность приобрел князь Урусов и своими выступлениями как гражданский истец. В этом качестве он выступал в 80-е годы во время еврейских погромов. Несмотря на преследования в печати, его выступления отличались мужеством и принципиальностью, в них он старался пробудить негодование передовой интеллигенции против этого позорного явления.

В 1881 году Александру Ивановичу, наконец, позволили вернуться в адвокатуру, и он стал присяжным поверенным в Петербурге, а спустя восемь лет — в любимой Москве. Снова в родном городе князя зазвучал его удивительный тембр голоса. Александр Иванович охотно проводил процессы в защиту лиц, привлекавшихся к уго-

ловной ответственности за религиозные убеждения. Он всегда спешил на помощь туда, где, по его мнению, грозила опасность справедливости. Урусов в своей адвокатской деятельности повиновался единственно голосу своей совести:

— Выше совести человека, — говорил он в речи по делу о беспорядках в деревне Хрущевке, — нет силы в мире.

В этом — общественное значение адвокатской деятельности Урусова, в этом же главная причина силы и убедительности его речей. Придерживаясь принципов резкой, но корректной полемики, о которых упоминал Кони, но которые не по нраву были судебным властям, Урусов не раз подвергался дисциплинарным взысканиям. Однако у граждан он пользовался большой любовью.

Популярен князь Урусов был не только в Петербурге, Москве и на периферии России. Его приглашали для участия в процессах и за границу. Так, в 1891 году он защищал в Парижском суде французского писателя Леона Блуа, обвинявшегося в диффамации, и одержал блестящую победу. Его речь (с хвалебными комментариями) французские газеты опубликовали полностью.

Урусов принадлежит к числу самых выдающихся из тех русских судебных ораторов, на долю которых выпало пережить лучшие годы судебного преобразования. Золотой век отечественной адвокатуры наступает в 60-е годы XIX столетия, в период всплеска общественной деятельности, когда ради живого судебного дела покинули свои кабинеты и библиотеки выдающиеся ученые и люди, наделенные литературным талантом. Не говоря уже о самом Урусове, вошедшего в историю отечественного театра как один из самых прогрессивных деятелей, вспомним в этой связи хотя бы Анатолия Федоровича Кони, или Сергея Аркадьевича Александровского, чьи произведения и сборники стихов выходили в то время большими тиражами. Сам Александровский, характеризуя ту плеяду, писал: «Эти первые образчики нашего красноречия создавали сообщца: профессорами, литераторами, светскими людьми с европейским образованием. А также даровитейшими самородками из демократии. Нечто веское, значительное и живое слышалось в каждом доводе. Адвокатура сразу выросла и вызвала невольное внимание суда. В это же время печать зорко следила за ее нравственным достоинством. Таким образом, даже самые зачатки пошлости и беспринципности вытравлились в приемах нашей трибуны с первых же лет ее существования».

Теперь уже трудно вспомнить и перечислить адвокатов, которые даже никогда более не попадут в историю нашего сословия, но которые говорили перед судом так интересно, благородно и культурно, что нынешние газетные знаменитости перед ними оказались бы совершенно ничтожными. Возьмите старые газеты, быть может, вам попадутся умные тексты этих позабытых защит.

И главное, что я хочу сказать, — ничего актерского в этих речах не было. Язык Спасовича ярок, но прост, и никаких мелодраматических приемов у него нет. В самых трогательных местах он робел, а не декламировал. Плевако — византиец и ритор по природе, но и он поднимает интонацию лишь в самые сильные моменты речи, как делал это и Урусов. И оба эти оратора увлекали аудиторию не внешними приемами, а внутренней прелестью своего дарования».

Александр Иванович до конца остался верен традициям своего времени, понимая обязанности адвоката как защиту личности, как правозащиту, в лучшем смысле слова. Обладая внешними ораторскими данными в высшей степени, он прекрасно владел богатыми голосовыми средствами, его дикция и жесты были безукоризненны, поэтому напечатанные его речи дают только бледное представление о том, чем они были в момент произнесения. Силой своего увлечения, блеском нападения и полемики, удачным раскрытием слабых мест противника Урусов захватывал слушателей, подчинял себе их мысли и чувства.

К своим выступлениям, по свидетельству современников, Александр Иванович готовился своеобразно. Он не писал тексты речей, а, изучая дело, выжимал из него самое важное, на чем и строил свою защиту. Урусов систематизировал и группировал по степени важности все обстоятельства. Перед выступлением он составлял особые таблицы, на которых concentрическими кругами изображал улики и доказательства. Александр Иванович, как прекрасный диалектик, блестяще оспаривал чужое доказательство, для доказательства же своего взгляда он собирал самый разнообразный материал и подкреплял аргументацию силой увлечения. Оратор умел и охотно шел на острую полемику с противниками. К тому же стиль его речей был безупречным и образцовым, отличался простотой изложения, последовательностью и ясностью. Андреевский по праву назвал Урусова создателем литературного языка защитительной речи.

Правда, в своих речах адвокат иногда позволял некоторые вольности с фактическим материалом, с их обрисовкой, за что его неоднократно упрекали коллеги. Уделяя большое внимание внешней отделке речи, Урусов не всегда заботился о фундаментальной подготовке дела. Поэтому он добивался блестящих успехов по делам, которые давали материал для воздействия на чувства слушателей. Там, где требовался глубокий анализ, он не всегда был на высоте. Однако пылкость, задорность не всегда помогали. Иногда, правда редко, погоня за столкновением с противником, из которого он рассчитывал красивой и звонкой фразой выйти победителем, вредила делу.

Примером тому может служить дело Дмитриевой и Кострубо-Карицкого. Этот громкий процесс привлек всеобщее внимание главным образом тем, что на нем одновременно выступили, являясь соперниками, почти все киты отечественной юриспруденции: Плевако, Урусов, Спасович, Городецкий и Киреевский. Не касаясь вопроса правильности позиции Урусова по делу Дмитриевой, отмечу лишь, что при всех ее хороших качествах она уступала глубине и обстоятельному разбору доказательства по этому же делу Федора Никифоровича Плевако. Заключительный довод речи Урусова как всегда был психологически очень сильный:

— Щадите слабых, склоняющих перед вами усталую голову, но когда перед вами становится человек, который, пользуясь своим положением, поддержкою, дерзает думать, что он может легко обмануть общественное правосудие, вы, представители суда общественного, заявите, что ваш суд действительно сила — сила разумения и совести, и согните ему голову под железное ярмо закона.

На что Плевако в своей речи возразил:

— Вы не дадите себя увлечь, правда, громким, сильным, но все-таки недостойным правосудию доводом, сказанным моим предшественником. Осудить Карицкого потому, что он сильный человек, обвинить потому, что он не склоняет головы, внушали вам. Вы сделаете честное дело, говорили вам, вы покажете, что русский суд — сила, что смеяться над ним нельзя. Господа, обществу нужно правосудие; правосудие же должно карать тех, чья вина доказана на суде. Обществу не нуждается, чтобы для потехи одних и на страх другим время от времени произносили обвинение против сильных мира, хотя бы за ними не было никакой вины. Теория, проповедующая, что изредка необходимо прозвучать цепями осужденных, изредка необходимо наполнять тюрьмы жертвами, недостойна нашего времени. Вы не поддадитесь ей! Подсудимый, вина которого не доказана, может ввериться смело суду вашему.

Когда Александру Ивановичу перевалило за пятьдесят, он тяжело заболел. Лечение во Франции и Германии не дали серьезного улучшения. Но даже в таком состоянии князь строил грандиозные планы. В 1897 году Урусова в Москве посетил Кони. Адвокат увлеченно рассказал другу о своих планах подготовки и издания Пушкинского словаря.

Спустя год Урусов известил Кони о своем приезде в Петербург. Анатолий Федорович, увидев Александра Ивановича, с трудом удержался от слез и "крика душевной боли" — настолько изменила и состарила болезнь князя. Кони вспоминал, что Урусов передвигался с большим трудом, слышал лишь одним ухом, да и то плохо, поэтому напряженно вглядывался в лицо собеседника и беспомощно озирался на свою преданную и заботливую жену — Марию-Анну, урожденную Юргенс.

Через год Анатолий Федорович получил письмо друга из Москвы, в котором Урусов писал: "Да, мои лучшие воспоминания связаны с Вами: как Вы меня выручили у Палена, как Вы меня поддерживали в прокуратуре... Симпатия — вот то главное, что ничем не может быть заменено... Я, признаться, всегда в Вас почитал старшего — но не по летам, а по серьезности жизненного опыта и глубокой мысли. Мое же легкомыслие Вы добродушно извиняли и до последней минуты были добры ко всем нам".

Чувствуя приближение конца, князь пишет за два месяца до этого своему близкому другу Сергею Аркадьевичу Андреевскому: "Дорогой и милый друг, я получил два твоих письма... и горячо благодарю тебя. Твои письма — единственные радостные события моей мнимой жизни. Все то же: глухота полная, полная потеря вкусовых ощущений".

Александр Иванович Урусов скончался в Москве 16 июля 1900 года. На похороны из Петербурга приехал Андреевский. Сергей Аркадьевич, прощаясь с другом, произнес над его могилой трогательную речь:

— Мы теряем лицо историческое — из тех, которые остаются жить среди людей и после своей смерти. В истекающем столетии Урусов оставил свое незабвенное имя как воплощение могучего русского дарования. Но история имеет свои непроходимые туманы, в которых всякая тропа может затеряться для потомства, если современники в данную минуту не осветят эти тропы факелами... Мы помним, каким действительно весенним громом пронеслось над Россиею это молодое, чудесное имя. Каждая фраза, сказанная Урусовым, читалась в газетах как новое слово. Слава твоему имени, Александр Иванович! Слава Москве, породившей тебя России!

Возьмем же и мы, потомки, факел в руки и спустя сто двадцать лет осветим тропу князя Урусова в непроходимых туманах истории.

Итак, с 25 апреля по 10 мая 1883 года в зал заседания Санкт-Петербургского окружного суда с участием присяжных заседателей слушалось дело о злоупотреблениях в Кронштадтском коммерческом банке. В обвинительном акте обстоятельства дела изложены следующим образом: "9 февраля 1879 года состоящие при правлении частного Кронштадтского коммерческого банка депутаты Казин, Мейер и Буртон заявили прокурору Петербургского окружного суда о том, что при внезапной ревизии банка, произведенной в Кронштадте 2-4 февраля, ими обнаружены в делах банка большие беспорядки и злоупотребления, а именно: неправильная выдача частным лицам ссуд и растрата как неприкосновенного капитала банка, так и принадлежащих частным лицам капиталов, отданных в банк на хранение".

Суду были преданы 10 человек, среди них и князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский. Александр Иванович выступал его присяжным поверенным. Войдем же в зал суда и послушаем всего лишь заключительные слова защитной речи князя Урусова:

— Служа правосудию в качестве присяжного поверенного по мере сил своих, я не могу не дорожить судебными учреждениями, и я спрашиваю себя: неужели обвинение будет соответствовать интересам и достоинству, если оно начинается с такого приема, который нельзя иначе назвать, как шельмованием подсудимого? Неужели князь Оболенский заслужил такое обращение? Неужели только потому, что князь Оболенский по своему положению, по своей карьере представляется лицом не-

сколько выдающимся, следует безнаказанно его позорить? Неужели это достойно и справедливо?! Тут, господа присяжные, невольно делается страшно за каждого из нас, за самого себя страшно. Ведь со всяким может случиться, что его по неверному пониманию закона предадут суду. И что же? Его доброе имя, репутация, родственники, знакомые, друзья, все, что никакого отношения к делу не имеет, все, чем живет человек, все, что любит, — все это считается представителем обвинительной власти удобным материалом для шельмования и злословия. Тут мы должны душевно, горячо протестовать! Мы молчали, выслушивая сравнения с мошенниками, разбойниками, приписывая все это оптическому обману, риторическим увлечениям обвинителя. Но мы не можем более молчать, когда дело касается нравственных интересов подсудимого, когда без всякой надобности начинают бить по лучшему, святым чувствам человека. Что для князя Оболенского как русского всего дороже, как не Родина? Чем утратил он право быть патриотом, любить свое Отечество? А прокурор считает возможным коснуться даже этой святыни человека!.. Это невозможная вещь! Против этого надо протестовать. Нельзя допустить, чтобы позорилось, топталось в грязи это священное для каждого человека чувство! И пока свободный голос защиты не заглушен, он протестует и будет протестовать против такого приема, и не только во имя поруганной человеческой личности, но и во имя самого правосудия. Да, господа присяжные заседатели, чувство действительности утрачивается, при одностороннем обвинении вещи принимают какие-то прозрачные очертания.

Вы слышали филиппику против спекуляции. Я согласен, что торговля банковыми билетами — некрасивая черта нашего времени, но что же делать? Все спекулирует. Что такое банк? Что такое биржа? Биржа — разве не большой игорный дом, где закон допускает коммерческие игры, а практика превращает их в азартные? Но как даже в картах разграничить коммерческую игру и азартную? Разве не спекулирует Государственный банк? Разве кредит не родной брат спекуляции? Развитие кредита, развитие предпримчивости влечет за собой спекуляцию. Удачная спекуляция одобряется всеми, а неудачная считается преступною; но как ни вредна спекуляция вообще, она необходимое зло нашего промышленного века. Но есть другая спекуляция, и она вреднее — это спекуляция на инстинкты, на зависть, на озлобление против подсудимого. Сидят несколько человек на скамье подсудимых: против двух-трех есть улики, против других совсем нет, а их всех обвиняют разом, говорят: спасите кредит, накажите расхитителей! А кто расхитители, в чем расхищение — этого и не объясняют. Авось, не разберут присяжные. Авось, возьмут да огулом и засудят. Может же попасться такой состав, который не будет особенно вникать в дело, и тогда обвинение пройдет. Вот это обвинение “на авось” есть тоже спекуляция, и самая нежелательная, самая опасная. И если бы этой спекуляции приходилось дать имя, я назвал бы ее игрою на повышение...

Но довольно. Я постарался доказать то, в чем вы, вероятно, убедились и без меня, то, что обвинение князя Оболенского в сбыте заведомо подложных будто бы билетов несостоятельно и сводится к расчетам, еще не оконченным в порядке гражданского судопроизводства. Ответственность за операцию со вкладными билетами ляжет всецело на администрацию банка и по закону составляет ее тайну. Князь же Оболенский как заемщик пристегнут к делу без всякого законного основания. Из обвинительного акта приходится вычеркнуть все то, что относится к князю Оболенскому. Приходится сделать это во избежание крупной судебной ошибки. Но в этом обвинительном акте есть эпитафия невидимый, но который чувствуется: “честным людям — угроза!”

Вердиктом присяжных заседателей князь Оболенский был признан невиновным, а по суду признан оправданным.

МОСТЫ БОЛЬШАЯ

35-89 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Министерства
Российской
Федерации
по делам печати,
телерадиовещания
и средств
массовых
коммуникаций

Марина ФЕТИСОВА

Пожары — это такая напасть, которая преследует человека еще с того времени, когда он даже добывать огонь не умел. В те незапамятные времена за него старалась стихия, к примеру, молния. Уже потом, развиваясь и совершенствуясь, человек изобрел различные способы, как сжечь свой дом, имущество, "нажитое непосильным трудом", да и самого себя, любимого.

А вы знаете, сколько раз горела Москва?

Наверное, нет, потому что этого никто не знает. Десятки, сотни пожаров вспыхивали по всему "деревянному" городу каждый месяц. Известно, что всего через 30 лет после первого упоминания о Москве в летописи, сгорел самый первый деревянный Московский Кремль, подожженный воинами рязанского князя Глеба. Конечно, от пожаров страдала не только Москва, а многие русские города. Огня боялись. Ему поклонялись. И считали Божьей карой, посланной людям за их прегрешения. А окон-

фото Владимира Чейшвили

Не зорки

РАСТО,
да скорее
ногачи...

чание пожара приписывали Божьей милости. И тем не менее с ними всегда боролись как могли. Во все времена пожарные жертвовали жизнью ради спасения попавших в беду людей. Только сегодня мы больше полагаемся на профессионализм и самоотверженность пожарных, чем на помощь свыше. И если методы тушения и техника значительно изменились, то профессия пожарного все так же пользуется уважением в обществе, а образ пожарного не утратил благородства.

На сегодняшний день в России работают около 850 000 профессиональных пожарных. Все они как солдаты принимают присягу и находятся на военной службе.

Но каждый ли человек может стать пожарным? В принципе, да, если имеет хорошее здоровье и физическую форму и если он мужчина (речь идет о непосредственном участии в тушении пожара). Женщины могут работать инспекторами пожарной безопасности или диспетчерами в частях. Их на тушение пожара не допускают. Не женское это дело...

Немецкий путешественник, автор "Описания путешествия в Московию" Адам Олеарий писал: "Не проходит и месяца или даже недели, чтобы несколько домов, а временами, если ветер силен, целые переулки не уничтожались огнем. Водю здесь никогда не тушат, а зато немедленно ломают ближайšie к пожару дома, чтобы огонь потерял свою силу и погас. Для этой надобности каждый солдат или стражник ночью должен иметь при себе топор..."

Крупнейшим в России учебным заведением по подготовке пожарных является Академия государственной противопожарной безопасности МЧС России, которой в этом году исполнилось 70 лет. Профессия пожарного во все времена была почетной и престижной. А престиж профессии, как известно, значительно сказывается на вступительном конкурсе соответствующих вузов. Так что поступить в Академию непросто. Абитуриенты, не имеющие среднего специального образования, сдают четыре экзамена: математика, физика, русский язык, физкультура.

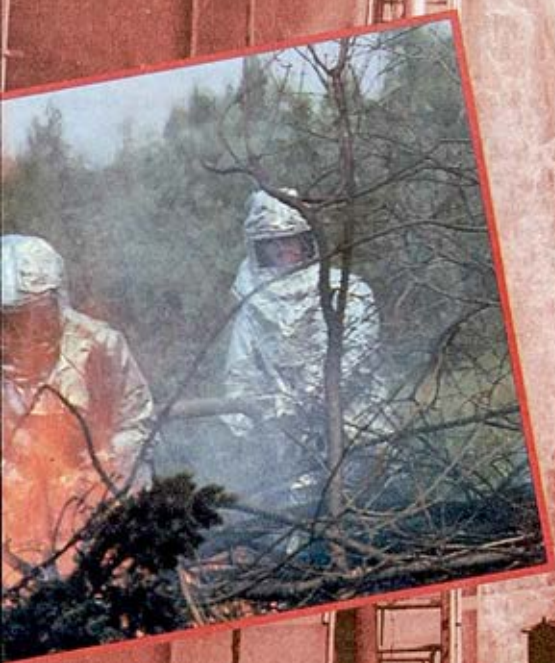
Сразу после поступления курсанты отправляются на закрытую загородную учебную базу "Нагорное", где и находятся первые два года учебы. Там же, в "Нагорном", в начале октября они принимают присягу. Присяга — это событие, которого с волнением ждут все ребята. Отглаженная, с иголочки, форма, натертая до блеска обувь, построение, вручение удостоверений — такое бывает только раз в жизни.

Но перед принятием присяги курсантам предстоит нелегкое испытание под названием "Курс Молодого Бойца" (КМБ). За две недели КМБ курсанты должны освоить основы строевой подготовки, в том числе строевую стойку, подход к начальству, выучить устав. Режим почти спартанский: подъем в 6 утра, построение, зарядка 40 минут, уборка и только потом завтрак. Каждый вечер — само — самостоятельная подготовка к сдаче нормативов. Когда курсанты говорят о КМБ,

на лицах у них появляется снисходительная улыбка, улыбка человека посвященного. Весь их вид как бы говорит: "Вам- то, журналистам, такое и не снилось..." В течение двух недель несчастные курсанты "не знают, что такое сесть на кровать". Да-да, в прямом смысле слова — во время прохождения КМБ на кровать разрешается садиться, вернее, ложиться не ранее 10 часов вечера. Так что, действительно, не стоит даже присаживаться — зачем постель мять?

После КМБ начинаются обыкновенные занятия. На первых двух курсах — в основ-

ном общеобразовательные предметы, обязательные для любого вуза, — каждый день три пары по 1.20. Сами курсанты говорят, что Академия ничем не отличается от других военных вузов — те же форма, устав, дисциплина. Впрочем, несмотря на строгую дисциплину, в "Нагорном" курсанты с удовольствием вспоминают время, проведенное здесь, рассказывают, как обустроили комнату психологической разгрузки (комнатка с аквариумными рыбками и попугаем), столовую (евроремонт), зал для бильярда, выращивали экзотические растения... в общем, неплохо проводили время. Хотя и сложности были. Например, зачет по пожарно-строевой подготовке. Но и тут главное — стремление. Рассуждают ребята примерно так: "Это надо лично мне и я это сделаю". Вот где воспитывается настоящий характер!

Противопожарное дело на Руси сильно осложнялось народными предрассудками. Например, пожар, начавшийся от молнии — "Божьего огня", по мнению простых крестьян, можно тушить только парным коровьим молоком — естественно, его на тушение не хватало. "Божьим гневом сие огненное пламя было" — напишет летописец о пожаре 1571 года. Служили молебны, просили защиты у святого Никиты Новгородского, которому православная церковь отвела роль пожаротушителя, шли крестным ходом с иконами. Существовали "народные методы" борьбы с огнем, например, полив молоком только что отелившейся коровы, перекидывание через горящее строение пасхальных яиц. Упоминается даже о "тушении яхонтом". По преданию, помещенный на горящие угли, он гасит их, сам же остается в целости.

В 1504 году издали указы, запрещающие в летнее время топить печи и бани без крайней необходимости, а по вечерам зажигать в домах огонь. Для обеспечения пожарной безопасности Москву разделили на 17 участков. На каждом из них был начальником обезжизной голова, в слободах на защиту от огня вставляли "братские дворы". С "черного люда" Земский приказ взимал подати на содержание ста человек ярыж-

ных, которые кроме тушения пожаров занимались благоустройством города и работали фонарщиками.

С целью охраны Москвы от пожаров указом царя Ивана III на городских улицах были организованы пожарные команды — особые заставы "Решетки", службу в которых несли "решеточные приказчики" и привлекаемые к ним в помощь жители города (по одному человеку от каждого десяти дворов).

Академия готовит универсальных пожарных. То есть даже если курсант уверен, что пойдет работать в Госпожнадзор и для него важнее разбираться в юридических документах, чем умение лазить по штурмовке, его все равно будут учить лазить. С одной стороны, это неплохо, как говорится, в жизни все бывает и лишние навыки никогда не помешают. Но с другой, обилие разнообразных дисциплин не позволяет подробнее изучить специализированные предметы.

Что касается остальных дисциплин, они делятся на технические, гуманитарные и физическую подготовку.

Преподавание технических дисциплин в АГПС такое же, как в других технических вузах, только с учетом специализации. А так, даже поговорки те же: "сдал сопромат — можно жениться". Только отношения между одногруппниками особенные. В каждой учебной группе есть командир, назначаемый начальником курса, как правило, за особые успехи в учении. Быть командиром, конечно, почетно, но нелегко. Например:

Физика, семинар, 3-й курс.

Профессор: А журналчик где у нас, командир?

Командир: Уехал в кадетский корпус.

Профессор: Тогда сам иди.

И командир идет к доске — что поделал, не подставлять же товарищей!

А вот гуманитарные предметы на факультете пожарной безопасности — статья особая.

Философия, 3-й курс.

Преподаватель рассказывает о моральном праве и моральном долге человека. Речь заходит об естественных потребностях.

Вопрос: Какие естественные потребности человека вы знаете?

Аудитория в один голос: Продолжение рода.

Вопрос: А сколько человек может прожить без пищи?

Робкое предположение голодных курсантов из зала: ...дней семь...

Преподаватель: Нет, дней сорок. А к вопросу о продолжении рода должен сказать, что инстинкт наш дремлет (должен дремать!) во имя формирования личности — получения образования и получения умения.

Литературу в Академии не изучают — это по желанию в виде самообразования. Спрашиваю курсанта, читает ли он книги. "Нет, — говорит, — не получается". "Что же, пожарному не нужно книги читать?" "Нужно. Люблю. Но не читаю" Знаем-знаем: "Море люблю, а воды боюсь..." Говорит, что будет читать, летом, и улыбается, так невинно-невинно... Кстати летний отпуск у курсантов — всего один месяц.

Физической подготовке в Академии уделяется большое внимание. Если в других (гражданских) вузах физкультура предназначена прежде всего для укрепления здоровья, то физическая подготовка в пожарной охране — профессиональная подготовка к оперативной работе. Особых проблем с выполнением нормативов, как говорят ребята, ни у кого не возникает — физически слабые сюда бы не поступили. На вступительном экзамене по физкультуре нужно подтягиваться как минимум 10 раз (это на "4", на "5" — 12 раз) Каждый курсант за время обучения должен научиться подниматься на четырехэтажную учебную башню при помощи лестницы-штурмовки. Такого понятия, как боязнь высоты, для пожарных не существует. Во всяком случае, к концу обучения не должно существовать. Каждый пожарный

обязан чувствовать себя спокойно даже на большой высоте. На Западе при приеме в пожарную охрану кандидаты проходят кожногальваническую пробу. На теле испытуемого крепятся электронные датчики, которые фиксируют потоотделение, неизбежное при сильном волнении, таким образом определяя, как человек чувствует себя на высоте. В нашей стране такие пробы пока не проводятся. Так что даже если курсант панически боится высоты, а его уже приняли в академию, то он просто обязан научиться ничего не бояться.

Для этого курсантов тренируют на стене психологической подготовки. Шестиметровая стена, выкрашенная в раздражающе красный цвет, имеет отверстия различной формы (по модели тренировочной стены для скалолазания) — пожарный должен уметь цепляться за любую поверхность и вертикальную качающуюся лестницу, имитирующую ситуацию работы на высоте при сильном ветре.

И наконец, знаменитое одевание пожарных. Одеть специальный костюм (боевку) каждый пожарный обязан за 23 секунды (это на "5"). Максимум через две минуты после поступления вызова пожарная команда выезжает на место пожара.

При Петре I пожары и поджоги стали сущим бедствием Москвы. В городе появились "воровские люди" — толпы разоренных крестьян, беглых и нищих ходили по улицам ночами, носили в тряпицах порох, серу, бересту, лучины, метали их на крыши и прятали между стен "для зажигательства". Городские власти должны были "смотреть накрепко, и буде кого усмотрят с таким воровством, велено иметь и приводить в Стрелецкий приказ, и по розыску тем зажигальщикам за их воровство быть в смертной казни". Великий преобразователь Петр не мог не ввести изменений и в пожарное дело. Царь выписал для Москвы из Голландии новые пожарные трубы конструкции знаменитого механика Ван ден Хейдена. На больших улицах было предписано иметь медные пожарные трубы с кожаными рукавами, а в специальных местах

хранить крюки, парусы и большие водоплинные трубы. На Спасской башне Кремля поставили особые колокола-набаты, "выбивавшие тревожные повестки на случай пожара".

Учеба в Академии — одновременно и служба. Прошедшие срочную службу в армии курсанты заметно отличаются от тех, кто поступил сразу после школы. Им и учеба легче дается. И если человек приходит в Академию с целью "откосить" от армии, то он ничего не выигрывает — муштра та же, да еще и учиться надо. К счастью, такие случаи — редкость. В Академию обычно идут по призванию. А многие поступают в продолжение пожарной династии. Дети пожарных хорошо знают все сложности и опасности профессии, у них уже нет никаких романтических заблуждений и все-таки выбирают ту же профессию, что их родители. К тому же ни для кого не секрет, сколько получают пожарные. На спасении людей не разбогатеешь! И тем не менее профессия очень популярна. Люди рискуют собственной жизнью по несколько раз за дежурство. Разве можно это делать за деньги? Нет, конечно. Тут есть другие ценности. В большей степени пожарная охрана держится на энтузиазме людей — лучший, а подчас единственный, стимул в нашей стране.

Взгляды на профессию пожарного непосвященных и самих курсантов значительно отличаются. Это для нас, людей, не связанных с пожарной охраной, образ пожарного овеян романтикой. Самопожертвование, благородный риск!

Действительно, риск — неотъемлемая часть работы пожарного, особенно в нашей стране. Только в России и других странах бывшего СССР пожарные проводят разведку внутри горящего помещения и, если это возможно, начинают работать изнутри. Во всем мире перед началом тушения горящее помещение проливают водой снаружи. Способ тушения, используемый в нашей стране, более эффективен и причиняет меньше вреда имуществу, но сопряжен с большим риском. Курсанты Академии философски относятся к риску: "Лоб проло-

мить и на гражданке можно, так надо рисковать, чтобы польза была". С другой стороны, надо и меру знать: "Нечего выставляться героем, если помойка горит!"

Первая регулярная пожарная команда появилась в Москве в 1823 году. В каждой части под началом брандмейстера было 75 рядовых, 6 кучеров, 4 трубчиста, а также 6 повозок. Для связи между частями служили несколько казаков, которые в нужный момент седлали лошадей и мчались с донесением. Начиная с 1905 года, вновь пришедшим рядовым пожарным платили 11 рублей 8 копеек в месяц, через год их оклад поднимали до 15 рублей. В частях организовывали артельное питание, пожарный получал по 4 копейки "приварочных денег" в день и 5 рублей 40 копеек в год "на капусту". Однако за эту сумму можно было "довольствоваться лишь весьма скудно". Каждая пожарная часть обслуживала 10 квадратных верст территории Москвы. Наблюдение велось с 16 каланчей.

Настоящей гордостью москвичей были пожарные лошади. Каждая часть получала лошадей одной масти, по ней узнавали, какая часть мчится на пожар. В. А. Гиляровский в книге "Москва и москвичи" писал: "...Тверская — все желто-пегие, Рогожская — вороно-пегие, Хамовническая — соловые с черными хвостами и огромными косматыми черными гривами, Сретенская — соловые с белыми хвостами и гривами, Пятницкая — вороны в белых чулках и с лысиной во весь лоб, Городская — белые без отметин, Якиманская — серые в яблоках, Мясницкая — рыжие".

Многие выпускники Академии становятся инспекторами Госпожнадзора. Со стороны кажется, что это совсем не так интересно, как непосредственное участие в тушении пожара. Но курсанты уверены, что пользы от их работы будет не меньше — не может быть хорошего тушения без качественной профилактики. Девиз МЧС России: "Ликвидировать. Спасти. Предупредить". Так вот, если предупредить, не придется ни спасать, ни ликвидировать.

Сложность работы пожарного связана не столько с физическими нагрузками и

персональным риском, сколько с огромной ответственностью перед людьми: и перед пострадавшими, и перед товарищами по команде. Работник Гидрометцентра может ошибаться в пятидесяти случаях из ста и остаться на работе. Сотрудник службы пожарной безопасности вообще не имеет права на ошибку: от него зависят жизни людей. При этом административное наказание не так страшно, как моральная ответственность.

Поэтому атмосфера товарищества — неотъемлемая часть работы пожарных. Они не работают в одиночку — от поведения одного часто зависит безопасность всей команды. Так что работать без полного взаимного доверия просто невозможно. Главным качеством для пожарного многие курсанты Академии считают умение ценить жизнь другого человека выше, чем свою.

О важности работы пожарных даже писать не нужно — это всем известно. А вообще, люди различных профессий давно спорят, какая профессия самая важная и нужная. Интересное решение спора предложил один из слушателей Академии: "Вспомните, по каким телефонам мы звоним в экстренных ситуациях. 03 — "Скорая помощь", врачи приезжают, когда несчастье уже произошло и надо исправлять последствия. 02 — милиция, которая действует только после того, как преступление совершено. Пожарные же всегда прибывают первыми, как только несчастье произошло. Потому и телефон пожарной службы — 01. Этим все сказано".

Дорогие сограждане! Ну сколько раз вам напоминают пожарные — не увлекайтесь петардами, хлопушками, шутихами и прочими фейерверками на Новый год. Пожалейте себя (от ожогов и пожаров), своих любимых собак (ведь от грохота и шума они сбегают и впадают в депрессию), а главное, пожалейте самих пожарных, ведь им тоже хочется встретить Новый год в лоне семьи, а не мчаться под звон бокалов и Курантов, спасая ваш дом, ваши пожитки и вас самих... ■

В № 9 этого года “Молодой бульвар” опубликовал две диаметрально противоположные статьи о наших школах. Одна об образцово-показательной гимназии, вторая — про обычную общеобразовательную. МБ оказал множество откликов на эти статьи. Оказалось, что они многих “задели за живое”. Мнения читателей неоднозначны, но главное — всех волнуют проблемы школьного образования и взаимоотношения педагогов и учеников. Поэтому редакция решила продолжить тему и ознакомить читателей с еще одним мнением о школе сегодняшнего дня.

Школа №1 — крутая гимназия

Репутация не бывает в прошлом

К поступлению в первый класс мы с родителями готовились заранее — за год. Решали всякие задачи, рисовали домики с заборами, читали, писали. Родители считали, что выбор школы — почти выбор жизненного пути, поэтому, как я сейчас понимаю, произвели крупное социологическое и маркетинговое исследование. Принималось в расчет: государственная или частная, обучение платное-бесплатное, кто преподает, какая у школы репутация, кто в ней учился и кто учится. В конце концов выбрали одну из первых гимназий Москвы, государственную и бесплатную. Находилась она с нами в одном округе, но далеко от дома. Утром папа на машине довозил меня за двадцать минут, а возвращались мы с мамой за час на метро и автобусе.

У гимназии до моего поступления было хорошее прошлое: директор, бессребреник,

энтузиаст, любящий детей, одним из первых в Москве организовал образование по направлениям — гуманитарное, математическое и биологическое. И, наверное, эта гимназия стала бы единственной в моей жизни, если бы не умер директор, а вместо него не встал бы у руля молодой учитель информатики, который использовал пост директора лишь для того, чтобы собрать необходимые средства для иммиграции в Австралию.

Конечно, когда я училась в младших классах, я многого не понимала, но в моей памяти осталась истерическая атмосфера угрозы закрытия школы. Родительский комитет все время собирался и писал в

Анастасия ПИСКУНОВА

Три школы М

разные инстанции какие-то письма в ее защиту.

Основной педагогический тезис в гимназии заключался в угрозе: "Будешь плохо учиться — выгоним, попадешь в обычную школу — там тебе покажут".

Учительница первая моя

Татьяна Николаевна, так звали мою первую учительницу, делила детей на лю-

бимчиков, чьи родители постоянно приносили подарки, шушукались с ней после уроков, и на остальных, с которыми можно быть принципиально строгой. Родители компенсировали маленькую зарплату учителей подарками к всевозможным праздникам. И эти подарки носили характер узаконенного рэкета.

В младших классах я мечтала перейти в среднюю школу, чтобы учиться не только у одной Татьяны Николаевны. Я не могла объ-

о ей жизни

яснить родителям, почему учительница мне не нравится, но чувствовала, что она тоже не питает ко мне каких-либо симпатий. До школы все взрослые казались мне хорошими, добрыми и ласковыми, наверное, потому, что я находилась под защитой родителей. А в гимназии я столкнулась с тем, что взрослые могут быть агрессивными и недоброжелательными, с каким-то отталкивающим, ненавидящим весь мир взглядом. Хотя при родителях они были нежнейшими и добрейшими

существами. Лицемерие и фарисейство — главное, что есть в школе.

А если у кого-то появлялись новые туфельки и кроссовки, то учительница всегда это с осуждением замечала, мол, родители покупают вам модные и дорогие вещи, а мы не можем себе позволить самого необходимого. Конечно, все правда, все так, но этого не может понять ребенок-младшеклассник, безумно радующийся обновке и которому просто в силу своего возраста еще не понятны некоторые житейские проблемы. У меня была одна надежда, что в средней школе окажутся другие учителя.

В средней школе на самом деле оказались другие учителя. Но, к сожалению, они были лишь различными вариациями все той же Татьяны Николаевны. Нет, конечно же, встречались и прекрасные педагоги, но именно плохие приносят так много боли детям и запоминаются навсегда.

Лимон-хохмач

Виктор Борисович, учитель математики, понравился необыкновенно. Мы прозвали его "Лимон", потому что он был блондин, со всклокоченными волосами, все время хохмил и по сравнению с предыдущей учительницей воспринимался как царь и Бог. Но, как говорится, не сотвори себе кумира. "Лимон" оказался никчемным преподавателем, так и продохмивший два года до экзамена в профилирующий класс. Удовлетворительные оценки получили лишь те, кто занимался с Виктором Борисовичем дополнительно, за деньги. Оказывается, хорош не тот с кем весело, а тот, кто умеет давать знания, бескорыстно. Кто строг, но открыт и справедлив.

В средней гимназии поучали еще больше, мол, не все поступят в седьмой, профилирующий класс. Но обучение на страхе основываться не может. Учителя и ученики должны быть объединены общим делом — образованием, объединены любовью к знаниям, тогда и дисциплинарные вопросы решатся сами по себе.

Конечно, учить детей из интеллигентных семей не сложно, но для того, чтобы самому привить любовь к знаниям и уважение к че-

ловческой личности, надо самому быть личностью другого масштаба.

До шестого класса я выглядела тихим, послушным, забитым ребенком, больше всего на свете хотевшим завоевать любовь и расположение учителя и боявшимся не соответствовать высокому уровню нашей заслуженной гимназии. К этому времени директор-взяточник собрал необходимые средства и укатил в Австралию. А его место заняла достаточно милая тетенька, "котик", с цветочным именем Роза Леонидовна. Из трех шестых классов она сделала только два, наметив "лишних" учеников, которые не попадали в профилирующий класс. Одна девочка, не написав контрольную по математике, упала в обморок. Никто не хотел быть изгоем, все хотели остаться.

На войне как на войне

Процесс взросления у каждого начинается по-разному, и каждая метода по-своему противна. Но у меня, к сожалению, подростковый период начался именно в шестом классе, и я была просто невыносима. Чего я только не творила! Сейчас, даже стыдно вспоминать, как я грозилась подать на несча-

стную учительницу по труду в суд за ущемление прав человека, вызывающе красилась, надевала безумные наряды и курила прямо напротив кабинета директора. И, естественно, своим эпатажным поведением добилась ответной реакции. А поскольку вся моя энергия пошла не в русло учебы, а в сопротивление учителям, школьным порядкам и отстаивании своих никчемных принципов, то учиться я, к сожалению, перестала, и учителям ничего не стоило меня "зацепить". Маму перед экзаменами вызвали в школу и предложили "полюбовно" взять документы, и тогда оценки выправят на хорошие. Но мама просила "дать шанс", на что завуч пообещала все равно поставить "два" по математике.

Как не устроил скандал мой папа

В день моего рождения в квартире раздался звонок, и злобный голос приказал маме срочно приехать и забрать мои документы из-за того, что мой папа устроил вечера скандал. Папа никогда не ходил на собрания и в гимназию старался даже не вхо-

дить, просто подвозил меня и быстро уезжал. Конечно, ему не нравилось мое поведение и моя успеваемость, но он довольно критично относился и к стилю обучения, и самим учителям. Неужели он втайне от нас устроил дебош в учительской? Маме пришлось поехать в гимназию разбираться. Папа же нам заявил, что если и пойдет в гимназию, то не орать, а просто тихо придушить всех завучей и директрису. В итоге оказалось, что позвонили нам, перепутав графу фамилий в школьном журнале. Обе начинались на букву "П". Надо сказать, что никто из завучей не извинился, ни если до этого мама очень хотела, чтобы я училась в этой "понтовой" гимназии, то теперь твердо решила меня забрать. Хотя и призывала хорошо учиться, утверждая, что это единственный способ быть недосягаемой для невежественных учителей — надо знать больше и лучше их, но и вести себя с достоинством, тогда если они любить и не будут, но и доставать не смогут.

Розы на прощание

Конечно, на экзаменах я провалилась, но как-то странно: "двойки" по математике я не получила, хотя и обещали. Просто оказалось, что другие написали еще хуже. Английский сдала на "хорошо", но иностранным я занималась еще с детского садика. А вот на русском за изложение мне поставили двойку, но не за орфографические ошибки, а что я его написала не от первого лица, а от третьего. Комиссия словесников была строга.

Директор, увидев шикарный букет роз, которые притащила мама, была готова вести переговоры. Но розы предназначались возложить на могилу надежд учиться именно в этой гимназии. Прощаться, решила мама, надо красиво и забрала документы. Мы еще не знали, куда пойдём, но решили, что в этой гимназии оставаться опасно. Да и держаться уже было не за что: претензий у преподавателей гимназии возникло множество, а тот дух, истинно гимназический, лицейский, Царскосельский, даже рядом не витал. Нельзя его создать

только понтами, амбициями, запугиваниями, презрительным отношением к детям и насаждения культуры себя, гениального, великого учителя.

Дети в гимназии учились хорошие, из нормальных семей, но не все выдержали псевдогимназической атмосферы — или их "ушли", или они ушли. Жаль. Настоящие гимназии в нашем обществе нужны, где же будут расти будущие великие деятели России? Стал бы Пушкин "нашим всем", если бы не вырастил его Царскосельский лицей, его дух, братство, в котором личностями были прежде всего директор, учителя и воспитатели, и они не душили своих воспитанников, а пестовали их. Потому что все крутилось вокруг знаний, этических ценностей, а не обиды "недолюбленных" в обществе учителей и такой изощренной мести обществу — путем гноения поколений.

Школа №2 — районная общеобразовательная, напротив дома (хуже не бывает)

Без понтов и без иллюзий

Ушли-то мы ушли, а куда пойти учиться? Разочаровавшись в элитном заведении, мы решили кинуться в другую крайность. Не выбирать вообще, пойти в первую попавшуюся — напротив, куда еще с детсадика пошли мои "колясочные" друзья. Вот к ним и отправились. По двору я их знала, не боялась влиться в новый коллектив, а про учителей, зачем что-то выяснять? Все они одним миром мазаны. Документы у нас взяли (ведь по месту жительства), но "чем вы можете помочь школе" началось с первого же визита. Мама, приученная, чем могла — тем и помогала, и всегда перманентно.

Директором оказалась милая тетечка, с приличным стажем работы в обычной школе с обычными учениками. Ее звали Бэлла Марковна, она мне понравилась тем, что разговаривала со мной на равных, не пуга-

ла, но предупредила, что в этой школе мне придется просто учиться. Это оказалась самая простая районная школа, и дети самые обыкновенные, дворовые. Я была счастлива!

Классным руководителем стала мама на "колясочная" приятельница и мать моего будущего одноклассника Миши. Назовем ее Ларисой Анатольевной, очень красивая, уверенная в себе женщина, с каким-то, до этого не понятным мне, педагогическим подходом. Она вела у нас историю. Мне почему-то запомнилось, как она взяла меня в свой класс и сказала с особой интонацией, что "в ее классе учатся очень хорошие ребята, вы подружитесь".

Колония нестрогого режима

До начала учебного года оставалось еще половина лета, и я решила познакомиться со своими будущими одноклассниками. Позвонила Насте, дачной подружке. Первое, что поведали мне будущие одноклассники, кличка школы — "местная колония". Я тогда не могла понять — почему.

Первого сентября в торжественной обстановке, под пионерские песенки, каждый класс со своим классным руководителем по очереди, после объявления Эллы Марковны, входил в школу. Там мы расселись за парты, и началось...

В этой школе почти никто не занимался учебой. Учителя не учили, а дети изо всех сил пытались выглядеть взрослыми — лица разрывовывали вызывающе, волосы красили в малиновый или синий цвета, томно курили в сортирах, всевозможные праздники отмечали в туалете выпиванием дешевых газированных алкогольных напитков.

Все повально бурно выясняли отношения: учителя с нами, а мы между собой — кто на кого как посмотрел, что кому сказал, кто в чем пришел, ушел, с кем пришел, куда ушел. А он? А она? А ты?

Период полового созревания и полное отсутствие какого-либо интереса к знаниям, учебе.

В гимназии я научилась хамить и перестала учиться, в общеобразовательной стала антилидером, заводилой. Здесь учиться оказалось просто невозможно: сам не хочешь, а учителя и не пытаются заинтересовать знаниями, они просто ненавидят своих учеников, опять жалуются на маленькую зарплату. Только в гимназии учителя жаловались не так часто и как-то интеллигентно, а здесь прямо, злобно и постоянно.

Жена полковника — сама полковник

На учебу ни у кого просто физически не оставалось времени: надо было обсудить что-нибудь актуальное, из вчерашнего, например, показанное по телевизору. Классный руководитель вечно устраивала разборки на целый урок, а затем быстро задавала домашнее задание. Но если не было "дисциплинарных вкраплений", тогда урок проходил — тоскливее не бывает. Она, не отрываясь, читала учебник или свой конспект. Единственно, что получалось у исторички — это рассказывать про Ленина, большевиков, про справедливость и прочее. Никто даже не вклинивался в ее лекцию, не спорил с ней, было ясно — задушит. Муж у нашей классной оказался полковником КГБ. Но жена его пребывала "кагэбешницей" в квадрате. Она постоянно выслеживала, высматривала, устраивала допросы с пристрастием, приглашала к себе на "задушевные беседы", смысл которых — настроить одного против другого. Мол, ты хороший, а с ним, пролим, не дружи и обязательно приди, расскажи мне, где и что замышляется. Все, конечно, из самых лучших побуждений. Бедная Лариса Анатольевна просто перепутала педагогические методы и методы разведки и борьбы с врагами. Она хотела контролировать и знать все. В конце концов сама стала заложницей своих методов. Ей уже стучали из желания насолить своему обидчику. Интриги окутали школу на разных уровнях, но все можно было приостановить, если бы учителя оказались не интриганями, а открытыми, благородными,

честными людьми, знающими свой предмет и любящими детей.

Как я стала воровкой

Если ты нарушаешь законы школы, то ты постоянно уязвим. У тебя вызывающий вид, ты слушаешь на перемене плеер. С этим плеером и была связана отвратительная история.

На дежурстве в столовой подружка дала мне свой плеер, классная отобрала и сказала, что отдаст только маме. Я пыталась уговорить вернуть, мол, не мой, дорогой, но она унесла чужой плеер в себе в кабинет и положила в стол. Я разъярилась и ничего лучше не придумала, как просто выкрасть его и отдать владелице. На завтра состоялось родительское собрание.

В Ларисе Анатольевне умерла великая актриса. На собрании она, держа в руках тезисы своего выступления, с пафосом и со слезой, тихим, но твердым голосом говорила о текущих проблемах, о жутких преступлениях, тактично не называя фамилии, но так, что все догадывались. Собрания — это бенефис нашей классной, только зрители не восторженные, а удрученные, некоторые раздраженные, но никогда никто с ней не спорит, потому что боится мести своему ребенку (прецеденты были).

Другой клан родителей — друзья по подъезду, они заранее знают, что предложить, что сказать, взамен получают — лояльное отношение к ребенку и лоббирование его интересов у других учителей. А это, согласитесь, дорогого стоит. Фиг с ней, с правдой. В конце собрания трагическим голосом Лариса сообщила о новом преступлении — воровстве, раньше этого не было, а теперь появилось. Совсем пришибленные родители сдали деньги на все что только можно и ушли обсуждать сказанное, но подалее от школы. "А вас, Штирлиц, я попрошу остаться", — примерно так прозвучало маме в спину. И с глазу на глаз "обрадовала", что воровка — ее дочь. Мама стала расспрашивать, допытываться, что да как. В конце концов спросила открыто, не спровоцировала ли меня, дуру,

сама классная. Приятельница оскорбилась. На этом дружба закончилась.

Репетитор — враг учителя

Мы решили ходить в школу номинально, тренироваться в послушании и терпении, не дразнить учителей, прекратить тусоваться с прежними друзьями, которые еще играют в игру "разозли учителя". Все проблемы решаются коммуникацией и деятельностью. Если я хочу стать журналистом, то должна быть для начала грамотной, прекрасно знать литературу и свободно владеть английским. Родители решили копнуть глубже: чтобы хорошо разбираться в текущих проблемах, надо еще изучать как следует историю, поэтому у меня появился репетитор. Милая Екатерина Иванова, преподаватель в вузе, автор учебников, тоже получает не миллионы, но "оттягивается" не на студентах, а репетиторствует, причем за большие деньги. Кстати, за такие же и наши школьные учителя занимались со своими учениками. История для меня превратилась из нелюбимого предмета, в очень любимый. Полтора часа пролетали мгновенно, за это время мы успевали и прочитать документы, и ответить на вопросы, записать в конспект, заполнить карту и всякие таблицы. Патриотизма у меня прибавилось не от нотаций классной, а от отечественной истории и иногда критического отношения к разным ее пластам. Да, историю я полюбила, а историчку-классную возненавидела еще больше. Однажды блеснула знаниями, и жизни в школе совсем не стало, а ведь мама предупреждала, не открывайся.

Английский я всегда любила, и репетиторы были с детства, а в школе всегда возникали проблемы. Но мама велела не "отстаивать справедливость", а просто спела дифирамб англичанке, мол, интереснее урока больше нет, учительница растаяла и перестала со мной бороться, а я перестала вредничать, принялась ей на уроке помогать и стала лучшей ученицей.

Чтобы зло пресечь — собрать бы всех словесников да сжечь

С литературой и русским в школе совсем кранты. По благу в свой класс, и для своего ребенка в том числе, Лариса взяла самую опытную и самую пожилую словесницу. Со взрослыми — ангел, агнец, сама кротость и интеллигентность. С нами на уроках орала благим матом, обзывала уродами (самое мягкое), могла дать линейкой по башке, всегда читала отрывки из сочинений и высмеивала наше невежество. Но сама никогда ничего толком не объясняла, видимо, думала, что у россиян должен быть врожденным грамотный русский язык, письменный и устный, а в генетической памяти — “золотой” век литературы, и очень удивлялась, когда при проверке оказывалось совсем наоборот. У многих поколений эта милая старушка отбила охоту читать и писать, многим привила комплекс неполноценности. Она сама не любила ни детей, ни людей вообще — как же могла научить других любить литературу? А наша русская литература потому и великая, что учит человека любить, всякого — и “маленького”, и глупенького, обиженного и оскорбленного.

В общем, знаниями мы пошли набираться на сторону: на подготовительные курсы в вуз, к репетиторам. Но жизнь в школе становилась от этого еще невыносимей. Я уже изменилась, а учителя и мои одноклассники все ловили кайф от игры в войнушку — между собой и учителями.

Маме понравилось забирать документы

Наступил 9-й учебный год. Впереди еще вечность. Как выдержать? Уже на самом деле хочется учиться, уже на самом деле хочется взрослой жизни, хочется подготовиться к ней заранее. Мы с мамой решили, что в десятом я иду в экстернат и закончу 10-й и 11-й за один календарный год. Можно сэкономить целый

год жизни! Ради этого я была готова продержаться без конфликтов в своей школе.

Но в сентябре классная опять вызвала маму в школу. Тогда мама решила поберечь и себя, и меня — и сэкономить не только мне год жизни, но и себе. Так в сентябре, в начале 9-го класса, я опять оказалась на улице, и опять мы не знали, куда пойдем учиться.

Стоп! Куда пойти учиться мы уже знали, мы не знали, где получить аттестат — без шанса, угрозы, унижений, припоминаний всех грехов, ошибок, без подкупов и подношений, без лишней нервозности детей, родителей! В выпускных классах учителя ведут себя как гаишники с пьяным водителем!

Школа №3, экстернат — колледж-“отстой”

Бэтмен — друг молодежи

Я не сразу поверила своему счастью, когда мама с безумным блеском в глазах, тортом в руках пришла домой. Моя революционная мама оказалась слишком крутой. За праздничным ужином был разработан план “взятия Бастилии”: обзвонить знакомых, кто учился в экстернате, пойти на подготовительные курсы не в следующем году, а в этом, активизировать занятия в фитнес-клубе. Для начала — достаточно.

Экстернат найти — не проблема, подвернулся более-менее недалеко от дома. Созвонились, нам назначили встречу — и мы пришли все втроем.

Завуч экстерната произвел на нас неизгладимое впечатление — мужчина в возрасте, с крашеными редкими волосами и бровями, в кожаных штанах и ярко-красным мобильником на шее. Он хромал на одну ногу и говорил громким, полукричащим голосом. Завуч, по кличке Бэтмен, походил на бандита и мента одновременно. Весь мой пыл “экономить школу” пропал, Лариска вспомнилась в пастельных тонах, но не возвращаться же к ней со слезами покаяния. Завуч учинил нам допрос с пристрастием:

— Мотивы поступления в экстернат?

— На курсы три раза в неделю хожу, хочу в университет подготовиться, а совместить с учебной в школе трудно.

— Осилишь? В экстернате тоже большая нагрузка, хотя и придется учиться всего три раза в неделю. И у нас охрана и администрация не позволяют никаких нарушений. Это вам не обычная школа — у нас не побалуешь. Ну, как?

— Смогу.

— Ладно, учишь. Надеюсь, что у тебя все получится.

Мама с папой остались, вручили традиционный пакет с чаем, конфетами. Здесь уже никто не просил "помочь школе", просто выписали квитанцию. Мама была настроена оптимистично, а папа помрачнел, назвал экстернат "отстойником", а увидев школьников, вздохнул горестно и сказал:

— Ниже падать некуда. Но со дна подниматься легче, доченька.

Беременные, спортсмены, переростки...

Папа был по-своему прав. У входа стояла группа курящих людей, которые никого не стеснялись и ни от кого не прятались. У некоторых девочек выпирал большой живот, а некоторые мальчики оказались явно не школьного возраста. Но это с первого взгляда. Потом я познакомилась и с другим контингентом. Здесь учатся спортсмены, у которых по две тренировки на день, беременные, которые хотят успеть закончить школу до рождения ребенка, юные модели и актрисы, у которых вообще нет свободного времени, а в перерывах между съемками они получают образование, "ботаники" — те, кто уже выбрал вуз и ходит на подготовительные курсы, занимаются с репетиторами, очень много мальчиков, которые хотят успеть поступить в институт и не попасть в армию.

Три дня в неделю, по 3 лекции в день, длятся по час двадцать, почти как в вузе. По окончании лекционного курса сдаешь экзамен — оценка сразу в аттестат. Сейчас я учусь в одиннадцатом классе, позади девятый и десятый, которые я закончила за полгода и на

"отлично". Никогда бы я в своей родной школе не получила положительных оценок. Здесь же просто: выучил — сдал, не нравится оценка — пересдал. Глубоких знаний, конечно, нет, но и рассусливаний школьных тоже нет.

Спасение утопающих — дело...

Экстернат включает в себя элемент другой, "взрослой" жизни. Он учит быть более ответственным, и каждый ученик в экстернате знает, кроме него аттестат никому не нужен. Здесь нет дневников, и никто не проверяет посещаемость. Каждый сам отвечает за свои прогулы и "пробелы" в знаниях. Экстернат учит работать на себя, а не на школу.

Лично меня экстернат научил быть более ответственной за себя, свое образование, научил различать учителей по сути: одних не дразнить, а у других учиться и быть благодарной за это. Для чего мне нужны были в моей школьной биографии "крутая" и "плебейская" школы? Чтобы понять, что по большому счету они не так уж друг от друга отличаются. Что от школы, к сожалению, нельзя ждать знаний и любви к ребенку, помощи в трудной ситуации. Ведь у учителей должен быть колоссальный опыт выведения подростков из кризиса, переориентации протеста подросткового из разрушительного в созидательный. Ведь они часто ввергают подростков в ситуацию тупика, бездарные учителя ломают детей, и из них вырастают несчастные взрослые, которые не знают, не умеют и не хотят. Не только школа виновата во всех бедах общества, конечно. Но почему у нас такая школа? Пока у меня нет детей... Может, за это время и школа, и общество изменятся к лучшему? Хорошо бы. А пока экстернат — наилучший компромисс. Один из путей вырваться из противной школы.

У меня появилось больше свободного времени, но я не трачу его на сидение во дворах и разгульный образ жизни, а занимаюсь на подготовительных курсах, готовлюсь к поступлению в университет. Я работаю на свое будущее, а от этого зависит то, как я буду жить и кем я стану.

A festive scene with a woman in a white fur hat and a group of people in winter clothing. The background is decorated with red and white streamers and a large red Christmas ornament.

...нада
прошлогодний
снег,
ИЛИ
маленькие
предновогодние

Елена ЗАХАРОВА
Радости

■ Что вы испытываете, когда смотрите на календарь и внезапно обнаруживаете, что до грандиозного праздника под названием Новый год осталась буквально одна неделя? Возможно, получаете заряд бодрости и радости, но, что наиболее вероятно, как и большинство других сограждан, ваши ощущения обостряются, начинается

легкий синдром паники... Знаете, как это называется? Правильно, новогодний ажиотаж. В России не принято активно и красочно праздновать Рождество, как, например, в Европе или в заморской Америке. Именно поэтому встречу Нового года можно считать настоящим российским праздником. Ожидание и подготовка его проходят, пожалуй, более бурно, чем непосредственно само празднование. Легкое помешательство начинается почти с начала декабря, когда магазины расцветаются гирляндами, продуктовые пахнут мандаринами, а на улицах из-за иллюминации светло как днем. А ведь это только начало, потому как ближе ко второй половине предновогоднего месяца воодушевление перерастает в настоящее сумасшествие. Дом забивается продуктами в огромных количествах, в поисках подарков совершаются поистине марафонские забеги по магазинам. А в темной зимней ночи мерещится персонаж из мультфильма "Падал прошлогодний снег": муж тащит плотно укутанную мохнатую елку. Правда, не из леса, а с елочного базара.

Однако некоторым празднование Нового года представляется в несколько ином свете: это развлечения, шутки и просто всеобщее массовое ликование, протяженностью ровно в размер выносливости собственного организма. Они способны начать праздник за две недели и ровно столько же продолжать после, и после, и после... Эта дружная братия зовется студентами. Разношерстные, неоднородные и часто враждующие из-за принадлежности к противоположным профессиям, именно в новогодние дни они ищут одного и того же — незабываемого времяпрепровождения. Итак, чем же развлекает себя эта компания в пред- и новогоднее время?

Проведем маленькое исследование среди крупных вузов. Для начала, женская вотчина — Педагогический

университет. Блондинки, брюнетки, красивые и очень красивые — для мужчин просто рай какой-то! На мой вопрос, что может их порадовать в это время, девушки перемигиваются и хихикают. Конечно, многократный поход по магазинам! Теперь Москва почти что Париж — только новинки, все стильно и вычурно, можно закрыть глаза и пожелать зеленое полосатое платье с золотым стаячим королевским воротником, усыпанным голубыми блестками. Думаете, бред? А вот будьте уверены, пару дней, чтобы оббежать несколько нужных местечек, и вы найдете и не такое сокровище! Процесс шопинга продуман девушками досконально — это ведь не просто процесс бессмысленного затаривания шмотками, а настоящее искусство получения положительных эмоций. И совершенно необязательно возвращаться домой нагруженной дурацкими покупками, чтобы потом оставить все висеть в шкафу и продолжать ходить в любимом мамином свитере. Как сказала одна из девушек, на их факультете преподают теорию брендизма и зависимости современного человека от логотипов. Nike, Chanel, Hugo Boss — всемирно известные бренды и торговые марки, которые, как принято считать, являются показателями, например, достатка или стиля. И вот, резюмируют девушки, мы словно бы проводили практику, так сказать, расследование на местности — то есть проверяли сию теорию на себе, а заодно и прекрасно проводили время. Пока идет разговор, одна из них молчит и только тихонько напевает: "Gucci, Gucci, Gucci, скидки, скидки..." И действительно — как не подарить себе, любимой, что-нибудь эдакое, красивенькое, да еще, чтобы потрясло воображение окружающих!

Следующий пункт на пути исследования — на сей раз по-настоящему мужской факультет математики и вычислительной техники. Все, казалось

бы, серьезно, четко и по-математически выверено... Не тут-то было! Эти товарищи оказались гораздо сумасброднее "женской половинки" — в их планы не только не входят походы по магазинам, но и вообще взрослое цивилизованное празднование им не свойственно. Предновогодняя суета обойдет их стороной — у студентов-математиков собственные планы. А именно — большой студенческий слет и... гонки на санях! Как мне объясняет молодой человек вполне академического вида по имени Паша, все очень просто: санки обычные — одна штука, одежда сменная в количестве двух экземпляров и хорошее настроение в неограниченных размерах. Выезд в ближайшее Подмосковье к одному из однокурсников, а там — уж гулять, так гулять! Основные заезды проходят три дня подряд — все довольно четко: есть старт, финишная прямая и ленточка на финише. Победителю в награду бутылка шампанского и специальный "кубок", а проигравшим — шляпа. Однако не просто шляпа, а настоящая ушанка с различными бумажками — каждый таянет по очереди и получает в напечатанном виде свое наказание за проигрыш. Кому-то придется наряжаться и в таком виде разгуливать, развлекая народ, с кого потребуются какой-нибудь розыгрыш с соседом-однотруппником.

Своих железных двухполосных коней берегут и лелеют — когда-то были обычные детские санки, а стали солидные и блестящие. Практически образовался отдельный культ санного общества наездников: ведь надо сменить убогие поперечные дощечки на что-нибудь агрессивное, как подобает настоящему гончику, покрасить в выразительный цвет и придать "коню" свой характер. Некоторые даже красят полозья, чтобы уж совсем быть приближенным к современным тенденциям. Студенты с гордостью хвастаются своими наборами для катания: небольшой ящичек со сменным "шнурком" для управления и подборкой смазки для полозьев, а то погода подведет, снег подтает, и будешь висеть почти на вертикальном склоне, не двигаясь с места. Как шутят студенты, это не игра, а самое насто-

ящее соревнование. Соревнование будующих Дедов Морозов — ведь не сразу же он сел в свои санки и вот так запросто полетел по небу раздаривать подарки! Тоже, наверное, в детстве хорошо на санках катался.

Подобные мероприятия вовсе не спонтанность, эта традиция длится гораздо дольше. Ведь в прошлом не было ни снегоходов, ни других крутых развлечений, а вот катания на санках — чуть ли не языческий обычай. Просто со временем поклонников вот такого сумасшествия осталось мало — да, вроде как, и возраст солидный — кому захочется в двадцать-двадцать два выглядеть посмешищем? Однако, видимо, не все страдают снобизмом и кому-то санные гонки приносят настоящее удовольствие. Вдобавок это еще много шуток, смеха и просто кайфа на свежем воздухе.

Теперь на очереди нейтральные гуманитарии. Чем радуют себя эстеты и философы? Гадают на картах таро или проникновенно смотрят на звезды, в надежде разгадать тайну мироздания? Ха, берите выше! Вот, например, компания из шестерых четверокурсников-философов по призванию. Никакой томности и всезнающего взгляда, все бодро, жизнерадостно и очень дружно. Их задумка отличается особой изощренностью. Один из них живет в новом районе вроде Митино, которые зимой выглядят особенно жутковато — высотки с четкой планировкой, мельенькие свежесаженные хилые деревца, сугробы, и только ветер носится туда и обратно, туда и обратно... Футуризм начала двадцатого века или что-то из романов Бредбери, скажете вы. Кому захочется в таком месте праздновать самый всенародный праздник?

Так вот, идея заключается в том, чтобы на бульваре с большой парковой клумбой посередине — а именно туда выходят окна парня по имени Леша — сделать настоящий Новый год: с елкой, фейерверком, музыкой и прочими атрибутами гуляния и веселья. Ну ладно, музыка не такая уж проблема, народ соберется, а вот как быть с елкой, где взять-то ее?

Пространство действительно огромное, но студенты — народец не шикующий, и

никто пока не может позволить себе заказать елочку как в Кремле. Были идеи обойтись скромной красавицей с местного елочного базара, а там уж украсить ее как подобает. Но при логичном размышлении стало ясно: елочка, воткнутая в сугроб вечером, не факт, что окажется там же следующим утром.

И тут родилась современная и своевременная идея — зачем идти по архаичному пути, когда на дворе уже три года как двадцать первый век! Поэтому самое лучшее решение — это, конечно же, елка, только не живая, а инсталляция.

И вот разгул воображения пошел такой, что пришлось все фиксировать в отдельный альбомчик и сортировать по выполнимости. Впрочем, победил совместный проект — простой и со вкусом. Елка будет высотой в десять метров, а материалом послужат — обычные картонные коробки! Мне сначала показалось, что итогом этого сумасбродства станет этакое чудище, которое скорее можно назвать в честь какой-нибудь акции по защите окружающей среды или, в худшем случае, рекламной бумажной промышленности. Однако по мере раскрытия замысла идея и вправду стала потрясать воображение!

Итак, в основе — коробки, тщательно отобранные, толстенные, чтобы при перемене погоды от ледникового периода к глобальному потеплению конструкция не развалилась. Роль основы выполняют картонки из-под крупногабаритных предметов — холодильников, кухонных плит и так далее, а самым филигранным, то есть ветками, станет нарезка из длинных или маленьких коробок — они будут распушены напоподобие "фонариков". Организаторы, они же выдумщики, подключили к затее половину района — кто таскает необходимые составляющие, кто делает из них же игрушки — ведь они не должны уступать размерами самой елочке.

Один из студентов-философов до поступления в университет увлекался графикой и достиг неплохих результатов, посему на его умелые руки полагается вся бригада. Именно ему поручили ответственное

задание раскрасить баллончиками заготовки и придать елке нужный цвет. Игрушки к такой махине решили сделать флюоресцентными, чтобы те сами светились в темноте желтым, голубым, фиолетовым, розовым...

Плюс последняя сложность — освещение. После долгих раздумий, шестерка организаторов собрала во дворе совет, и постановила — все сдают в общую казну гирлянд. После недельных сборов накопилось что-то около ста разноцветных гирлянд для соответствующей иллюминации, местные автомобилисты-любители собрались и наладили подачу электричества и одновременное включение. Репетиция прошла феерически! Похоже, никто изначально из выдумщиков этого действия не ожидал такой, вот уж действительно, масштабной и массовой реализации проекта. Студенты шутят, что раз уж так вышло после всех стараний, то неплохо бы и в Книгу рекордов Гиннеса заявить — вряд ли есть прецеденты картонной елки с игрушками и иллюминацией таких масштабов!

Как известно, в Новый год исполняются желания, совсем где-то рядом бродит сказка, и всем по-настоящему весело. Собственное настроение как-то очень органично вливается во всеобщее воодушевление и ожидание чего-то совершенно исключительного и необычного. Именно в эти дни по-настоящему приятно дарить подарки, тепло и хорошее настроение — себе, друзьям, любимым, да и просто встречным на улице. Улыбнитесь соседу по площадке или поздравьте с наступающим праздником водителя автобуса и продавца в магазине — душевное тепло не уменьшается, а напротив, только возвращается умноженным, если его дарить даже незнакомым людям. ■

С Новым

2004 годом,

дорогие

друзья!

Из жизни
русской студентки

Анна ШЕРКУНОВА

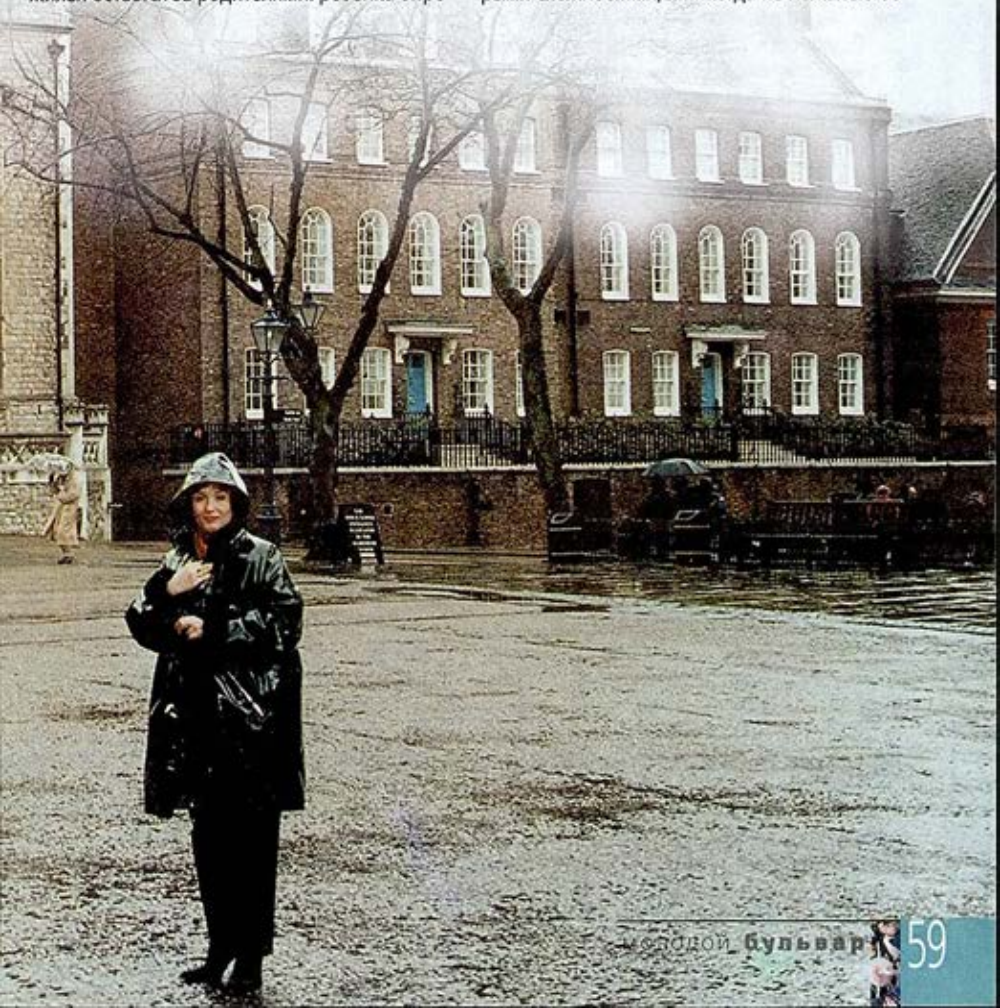
В такой странной
Англи...

Ежегодно тысячи детей и студентов со всей России едут изучать иностранные языки за границу. Причины разные. Во-первых, когда изо дня в день слышишь чужую речь, волей-неволей и сам заговоришь на этом языке. Во-вторых, приобретается самостоятельность. Ну и в-третьих, появляются знакомые и друзья во всех уголках мира.

Сейчас невозможно пересчитать, сколько компаний занимается отправкой студентов за границу. Каждая, уважающая себя фирма, дает множество гарантий, а главное — что ваш драгоценный ребенок вернется, даже если и без багажа знаний (все зависит от него самого), ну уж точно целым и невредимым. Выбор жилья остается за родителями: ребенка опре-

деляют или в общежитие, или в host family, то есть в семью, где за него будут нести полную ответственность. Последний вариант хоть и стоит дороже, но зато больше нравится студентам, что и понятно — контроля меньше. Так что, имея возможность, спокойно отправляйте своего ребенка в любую страну и на любые сроки. Кстати, о сроках. Если речь идет не о длительной учебе, то лучший вариант — три-четыре недели. Ребенок не устанет, и знания достигнут головы, а не пролетят мимо.

Моя история, наверное, ничем не отличается от историй тех, кто учился за границей. Меня отправили на учебу в Англию, в город Бормут. Несмотря на столкновение с некоторыми сложностями, я никогда не пожалею об

опыте, приобретенном благодаря этой поездке. Хотелось бы поделиться впечатлениями и, быть может, дать некоторые советы...

Решение о том, что мне придется ехать в другую страну, приняли родители. Дело в том, что иностранный язык в любом случае нужно знать, а тем более мне как будущему журналисту. Но эта новость повергла меня в шок. На дворе летние каникулы, а тут на тебе! Вместо отдыха поездка неизвестно куда!

Было страшновато, все-таки незнакомая страна, чужой язык. Но делать нечего... По прибытии в аэропорту меня встретил агент от школы, в которой я должна была учиться. Просидев в автобусе без малого два часа, дождалась остальных новоиспеченных студентов, и мы отправились в наши семьи.

По дороге я познакомилась с испанцами, парнем и девушкой, которые делились со всеми окружающими знанием русского мата. Позже я поняла, что это некая традиция среди студентов — обмен крепкими выражениями.

Host family

Мне повезло с семьей. Хозяйка — Mrs. Earth, молодая женщина, лет тридцати. Ее мужа я почти не видела, он всегда приходил поздно вечером. В семье было двое маленьких детей — Анна и Том. Знакомства с людьми, которых предстояло видеть каждый день на протяжении трех недель, боялась больше всего. Но поскольку я далеко не первая студентка, проживавшая у них, они сделали все, дабы избежать какого-либо дискомфорта в общении. Но все же я бы не осталась в этой семье на большой срок — из-за отвратительной еды. Да и вообще, как я поняла, эта страна не блещет хорошей кухней. Конечно, я люблю биг-маги и картошку фри, но не каждый же день! Даже натуральный сок у них напоминает какой-то пищевой краситель, разбавленный водой! Хорошие рестораны не было возможности часто посещать — все деньги тратились на магазины и развлечения во время вечерних прогулок, а в школе кормили практически тем же самым, что и в семье. Кстати, питание тоже зависит от хозяев. Например, у многих студентов с этим все было в порядке, но зато имелись проблемы в осталь-

ном. Еда — конечно, хорошо, а вот чрезмерный контроль — не очень. Почему-то все семьи, которые кормили своих зарубежных гостей отменно, до того заботились о них, что отпускали гулять только до девяти часов вечера! У меня таких проблем, слава Богу, не возникло! Mr. Earth выделила мне отдельные ключи и сказала, что, поскольку я уже достигла возраста, когда можно приходить в любое время, то и на ключи имею право.

Школа

Любая школа для иностранных учеников делится на две части — взрослый корпус и детский. Взрослый начинается с шестнадцати лет, а детский соответственно до шестнадцати. Я должна была учиться в старшем корпусе, но решила пойти в детский: боялась, что мой уровень языка недостаточен для старших групп. Потом пожалела о своем решении, так как убедилась, что многие старшие студенты знают язык гораздо хуже меня!

Здание практически ничем не отличалось от российской общеобразовательной школы. На территории располагалась спортивная площадка и несколько скамеек, на них мы с радостью отдыхали после уроков и во время перемен. Столовые у групп разные. Кстати, у старшего корпуса еда оказалась куда вкуснее, чем у нас. Возможно, потому что у них питание не входило в программу, и за него платили отдельно.

В первый день мы заполняли тест, по результатам которого распределялись в разные по уровню классы. Pre — Intermediate — низкий, Intermediate — средний и Upper Intermediate — высокий. Я попала на средний уровень. Кого-то могли перевести на более высокий позже, но из моей группы этого ни с кем не произошло.

До школы добиралась на такси или автобусе. Первую неделю ходила пешком, вторую позволяла себе роскошь — заказывала такси. Затем приходилось вновь ходить пешком, денег не то что на такси, даже на автобус не хватало! Основные расходы у меня, как у любой нормальной девушки, уходили на покупки в магазинах, о которых я еще упомяну! Вообще, Англия ужасно дорогая страна! Например, ес-

ли у нас проезд на автобусе стоит семь рублей, то у них все зависит от расстояния. Чем дальше, тем соответственно дороже. За мои три километра от дома до школы я платила пять фунтов, приблизительно десять долларов! Вот и считайте.

Новые знакомые

Посылая ребенка на учебу за границу, родители наверняка тешат себя надеждой, что русское общение, если и будет, то очень ограничено. И в этом есть своя логика. Ведь отправляют ребенка "на чужбину" именно для того, чтобы он как следует заговорил на чужом языке...Студенты же, особенно первый раз отправившиеся за пределы нашей необъятной Родины, наоборот, ищут, так сказать, "близких по духу", точнее "по родному языку". Я не была исключением. Мне в этом плане повезло. В моей группе из двенадцати человек оказалось четверо русских! И среди них мой будущий друг — Дима. Он приехал не один, а еще с двумя девушками — Галей и Юлей. С Галей мы подружились на три долгих недели.

Гаяля родом из Ухты, городка под Сыктывкаром. В начале мы учились в разных группах, но внемля нашим мольбам, ее-таки перевели в мою. Там же я познакомилась с девушкой из Казахстана — Маншук. Таким образом, у меня появились новые друзья!

Уроки проходили за мгновение! Система обучения в Англии как иностранных студентов, так и английских, весьма отличается от российской формы образования. Это не ежeminутная зубрежка, а своеобразная игра. У нас в день было два урока по полтора часа. Первый — грамматические задания, изучение азов. Естественно, он более сложный. На втором уроке мы смотрели фильмы, делали переводы и участвовали в конкурсах. Команды делили специально так, чтобы в каждой не было людей, говорящих на одном языке. Благодаря этому происходила языковая практика. Затем давали небольшое домашнее задание на повторение пройденного материала.

Группа у меня оказалась как на подбор. Парня из Турции Угура мы не иначе как Угаром не называли. Не поверите, такого, не то

что бы плохого, а просто смешного произношения в жизни не услышите! Каждый раз, когда до него доходила очередь чтения, весь класс замирал в предвкушении. Мы частенько просили Угура после уроков что-нибудь нам рассказать. Он ничего не понимал, с удовольствием произносил пламенные речи и смеялся вместе с нами!

Парень из Колумбии Дерик задавал учителям такие откровенные вопросы, что воспроизвести их у меня не хватит смелости! Он приходил на занятия в футболках с неприличными надписями, тем самым привлекая к своей персоне еще большее внимание.

Мы с Галей и Маншук не любили находиться после школы дома, каждый день уходили гулять. За три недели обошли почти все клубы города. Конечно, возвращалась я не в девять вечера, как моя соседка турчанка Селин. И мешала ей спать, зато утром Селин в шесть часов(!) включала музыку, надолго занимала ванную, из-за чего я опаздывала в школу. Но эту проблему мы вскоре решили. Просто стали просыпаться в одно и то же время.

Учителя

Во время учебного дня нас строго контролировали. Это, наверное, единственный минус обучения в младшей группе. После занятий обязательно ходили на всякие экскурсии и спортивные мероприятия. На экскурсии я ездила с удовольствием, а вот посещать всяческие игры после уроков у меня не было ни сил, ни желания. Но учителя настаивали до тех пор, пока родители не прислали свое разрешение, чтобы меня освободили от подобных мероприятий. Однако это кардинально не поменяло ситуацию, и на некоторые абсолютно ненужные соревнования все равно приходилось ходить.

Нашими преподавателями были Тэри и Бэн. С Тэри у меня никогда не возникало проблем в отличие от Бэна. Поскольку в группе мы с Галей, Димой и Маншук оказались самыми старшими, с нас и требовали больше. Бэн был преподавателем со слишком "хорошим чувством юмора", мог подшутить над нами, придумав какое-нибудь непостижимое зада-

ние. На все возмущения отвечал такими фразами, которые понять не мог никто. Видимо, делал это специально. Но я не осталась в долгу...

Как-то вечером встретила наших учителей, в том числе и Бэна. Это была пятница, и шли они из какого-то бара. Бэн начал кричать мне какие-то нецензурные слова, только одно из которых я поняла — "студенты". Я посмеялась, сказав, что завтра ему при всем классе напомню об этом. И сдержала свое слово!

Каждый урок мы начинали со своеобразного приветствия, целиком состоящего из слов Бэна, произнесенных при той роковой для него встречи. Он краснел, мялся, вызывая еще больший смех. В общем, ему ничего не оставалось, как извиниться передо мной.

Но в школе работали люди, из-за которых я и Галя с особым удовольствием посещали ее. В младшей группе на переменах и экскурсиях за детьми следили воспитатели. В основном студенты, в частности Пол и Шон. Пол — англичанин, учится в Кембридже и летом таким образом подрабатывает. Шон, его лучший друг, решил тоже подзаработать в свободное время, а заодно помочь приятелю. И мы с Галей дружно влюбились в них. Ну сами посудите, не с тринадцатилетними же одноклассниками кокетничать! Мы, как пятиклашки, улучали любую минутку, чтобы "случайно" оказаться рядом с Полом и Шоном, но старались всем видом показать, что абсолютно к ним равнодушны! Наверное, со стороны это выглядело смешно — две великовозрастные дуры бегают за воспитателями! Как-то раз на школьной дискотеке Шон даже пригласил меня потанцевать, и даже не знаю, почему отказалась? Позже Маншук договорилась с ними о встрече, но не пошла. Видимо, каждая из нас прекрасно понимала, что не имеет смысла начинать отношения, когда до отъезда остается две недели, и этого человека ты больше никогда не увидишь. Мы, конечно, расстраивались, но и без них проводили время неплохо!

Английские клубы

Я в Москве практически не хожу в клубы. Просто не люблю. Гораздо интереснее

пообщаться со знакомыми в каком-нибудь уютном кафе или отдохнуть на природе. Но в Англии грех было не посетить подобные заведения и сравнить с нашими. Обновка в английских практически не отличается от московских клубов. Цены, кстати, тоже. Но есть одна весомая разница — за всегдатаи не осматривают тебя с ног до головы в отличие от московских клубных персонажей. Особого фэйс-контроля тоже нет. Можно прийти в кроссовках, и никто слова против не скажет. Музыка соответствующая, как и полагается, — рэив, транс и техно. Я не поклонница таких стилей...

Любопытно, но существует мнение, что в английские клубы не пускают до двадцати одного года. Уверю вас — полная чушь. Англия, возможно, куда более демократичная страна, чем Россия. Например, полицейские, патрулируя на улицах, ни разу к нам не подошли, и документами на ночных дискотеках тоже никто не интересовался. Что касается публики в таких заведениях — она весьма разношерстная. Так, однажды посетив знаменитый клуб Бормута — Opera House, мы пришли в тихий ужас.

Девицы в немьслимо коротких юбках и топах плясали под какую-то дикую музыку. Молодые люди от них не отставали. Вот уж поистине — Англия абсолютно не закомплексованная страна. Такое безобразие можно увидеть не только в клубах, но и среди белого дня на оживленных улицах!

Но не подумайте, что мы не встретили ни одного нормального человека за все пребывание в этой стране. Знакомились и с приличными молодыми людьми. Вообще англичане очень любят русских девушек. Они засыпали нас комплиментами и предложениями встретиться еще. Вот стереотипы, сложившиеся у англичан по поводу России: 1. Русские пьют не просто много, а ОЧЕНЬ много; 2. В России жуткий холод; и 3. Русские разговаривают исключительно матом. Я вначале думала, что все это просто дикие предубеждения, но, к сожалению, некоторые слухи об отношении к России подтвердились.

Наконец мы нашли заведение, которое пришлось нам по душе — клуб Albatross,

небольшой, но очень уютный. Три танцпола с разнообразной музыкой, первый этаж — рэив, второй — латино и третий — зарубежная попса. Мы проводили большую часть времени на третьем этаже, где бывало почему-то меньше всего народа, постоянно танцевали на сцене. Менеджер нас хорошо запомнил и начал пускать в клуб бесплатно. У нас появилось много знакомых, так что мне пребывание в Англии стало даже нравится!

Шоппинг

Самой главной нашей “болезнью” были, конечно, магазины. В любое свободное время мы старались забежать в какой-нибудь магазинчик. Обычно это происходило после школы. Было забавно, потому что Диме тоже приходилось таскаться по женским магазинам вместе с нами. Поначалу он пытался контролировать процесс, но тщетно. Увы, все деньги, которые мне дали родители на три недели, я потратила в первую же! Затем сэкономила даже на прогулках, чтобы после школьного дня обязательно заглянуть куда-нибудь! Я поражала Селин, возвращаясь чуть не каждый день с охапкой пакетов! И хотелось бы посоветовать — если вы будете в Англии, обязательно уделите хотя бы день шоппингу. Уверяю, это неизбежно! Улицы просто пестрят огромными магазинами! Можно найти все, начиная от детских отделов и заканчивая роскошными бутиками. В Москве я ни разу не видела таких магазинов, как в Англии. Цены высокие, но опять же смотря где. Поначалу мы тратили деньги в первых же точках, куда заходили, а затем поняли, что есть довольно дешевые и более интересные магазины. Поэтому в следующий раз, если поеду в Англию, покупки буду делать выборочно, да и вам советую.

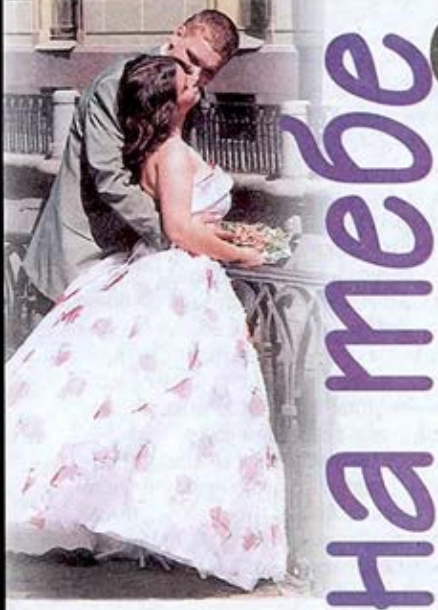
Мы заметили, что молодежная мода в Англии резко отличается от нашей российской. Среди девушек популярны максимально короткие юбки. При этом англичанки, видимо, считают, что хорошую фигуру для мини не обязательно иметь. Они, кажется, вообще не имеют комплексов. Ну подумайте сами, как в России посмотрят на

девушку с огромными, мягко говоря, порциями, втиснутую в крохотную маечку? По меньшей мере странно. А парня в юбке и зеленом парике? Думаю, не лучше.

Мы любили сидеть в арабской закускойной. Ели шаурму и пили натуральные соки. Пожалуй, это было единственное место в городе, где можно вкусно поесть. На нас с легким удивлением посматривали длиннородые арабы, ведь по их обычаям в подобные места девушкам заходить не принято. Но нас это не смущало, и мы с удовольствием уплетали свежие салаты и уйсо, сделанное в домашнем соусе.

Мы так и не привыкли к внешнему виду прохожих и частенько впадали почти в шоковое состояние. Сейчас я иногда задумываюсь, может, мы какие-то не такие? Может, в нас скрыты комплексы, которые мы не в состоянии преодолеть? Но я так и не смогла понять эту страну, как ни старалась. Россию не понять умом, а вот Англию, в особенности ее молодежь, не только умом, а всеми органами, которые имеются у нормального человека, уж точно не поймешь...

Я провела в Англии незабываемые дни. Наверное, во многом благодаря моим друзьям. С Маншук мы переписываемся по электронной почте, а Галя скоро придет ко мне в гости на каникулы. Иногда, проходя мимо арабских закусовых, я погружаюсь в воспоминания. Мне действительно тяжело без тех людей, с которыми тогда дружила. Скучаю даже по Селин. Помимо языковой практики я обрела и самостоятельность. Ведь учеба за границей — это не только зубрежка грамматики, а прежде всего расширение кругозора, преодоление своих внутренних барьеров. Я перестала бояться сделать что-то неправильно, узнала, как живет молодежь в далекой от нас стране, какие различия существуют между Россией и Англией. Я безгранично благодарна родителям за то, что они дали мне такую возможность. Но одно я поняла совершенно точно — жить где-нибудь, кроме как в России, я никогда не смогу. Я люблю свою страну, люблю совершенно искренне, и еще больше в этом убедилась, побывав в Англии! ■

на тебе сошел

■ За последние два года несколько моих знакомых-ровесников вступили в брак и начали рутинную семейную жизнь. Молодые жены, как правило, штудируют книги "О вкусной и здоровой пище", рассекая авоськами продуктовые рынки. А юные мужья делают жалкие попытки найти работу, что весьма затруднительно, так как приличного места с "незаконченным высшим" да еще при полном отсутствии какого-либо опыта не сыщешь. И вообще думать о работе так не хочется, потому что не остыло желание потусоваться, погулять.

Лично на меня семейный образ жизни пока нагоняет тоску.

Поездив по гостям и вдоволь наглядевшись на "женатиков", я смело могу охарактеризовать их жизнь гениальной фразой пролетарского поэта Владимира Маяковского: "Любовь была убита бытом".

Свидетельницей этого преступления я оказалась, посетив семью, по этическим соображениям назову их — Агафоновыми.

Маша — моя школьная подруга, полтора года назад вышла замуж за моего соседа по даче. После чего наше общение резко пошло на спад. Перед майскими праздниками я случайно встретила ее на улице.

— Здорово, Машка, как дела? Что на праздники? Может, ходим куда-нибудь вместе? — радостно вопила я. Но восторг мой быстро улетучился, когда услышала в ответ:

— Да, праздники — это, конечно, круто, наконец-то будет время сделать генеральную уборку в квартире.

Мне стало ужасно интересно узнать, что же это за квартира, в которой уборка делается в течение семи дней. И чтобы утолить любопытство, напросилась в гости на чай.

Двухкомнатная клетушка в бетонном доме. В одной комнате обосновались Маша и Вадим, а в другой — Машины папа и мама. За время моего общения с молодоженами, мама, все время мелькала в коридоре с лицом, на котором бегущей строкой было написано: "И так места мало, дел до черта, еще ты приперлась".

Потом она вломилась в кухню, где мы мирно пили чай, со словами: "Вадим, стиральная машинка остановилась, иди, выгрузи белье". Вадим, непроизвольно скорчив кислую мину, поплелся в ванную, а Маша взахлеб начала рассказывать мне, как часто у ее мужа рвутся носки на большом пальце и что на их покупке можно просто разориться.

— Представляешь, — говорила она, — ну нигде не протираются, везде целехонькие, а на пальце дыра.

Вот классический вариант сварливой, злобной тещи, занудной жены, — подумала я и усмехнулась.

Маша, кстати, жутко растолстела и была в какой-то драной рубашке, то ли с папиного, то ли с Вадимова плеча. Раньше она гонялась за модой, как сумасшедшая...

После носков мы поговорили об урожае кабачков, собранном в этом году на их даче, и в каком магазине дешевле покупать продукты.

Господи! Куда исчезла моя девятнадцатилетняя подруга? Полное ощущение, что беседую с умудренной хозяйственным опы-

СЯ КЛИНОМ

Полина ТЕСЛЕР

том сорокалетней женщиной! Что за странное превращение?

Тут еще раздался щелчок замка и скрип входной двери. Маша почти истерично вскрикнула:

— Куда поперся?

— Курить, — угрюмо ответил Вадим.

— Это уже третья сигарета за день, сколько можно! Мне надоело, что от тебя воняет табачищем, — блажила Маша. Я попыталась ее успокоить.

Белый свет

— Машка, ты же сама совсем недавно дымила, как паровоз?

— Бросила, — отрезала подруга. — А если я не курю, то и он обязан не курить. А то вечно выйдет на лестничную клетку, да еще встретит этого придурочного соседа Мишку, и пойдут с ним на качелях сидеть во двор, пиво сосать. А я, между прочим, работаю, преподаю английский первокурсникам, на собственную учебу времени совсем мало остается. Вадим, вот, окончил в этом году институт, но на другую, более высокооплачиваемую работу переводиться не спешит. Его, видите ли, это устраивает — 250 долларов в месяц. Уже привык, если что, мои предки подбросят. Вчера прихожу после учебы, усталая, — продолжаю свой монолог Машка, — еще надо позаниматься, а Вадимчик за компотом сидит, уплетает. Курица, которую я с утра положила размораживаться, намекая на то, что ее надо пожарить, так и лежит в раковине. Мне пришлось ее, естественно, жарить.

Ладно, поели, я села готовиться к экзамену. Вадим начал разбираться в шкафу, ходит, гремит каким-то барахлом, я не могу сосредоточиться. Потом пошел спать. И зачем мне эта семейная жизнь, к которой я так стремилась?

Да, и вправду зачем, подумала я, решив, что пора раскланиваться, пока Машина мама не высказала своего недовольства вслух. К тому же семейная скука начала меня окутывать, как осенний туман в низинах окутывает деревья. Хотелось зевать, и надо было срочно встряхнуться.

И тогда я отправилась к Артему и Лене. Живут они у Лены. Папа Артема бизнесмен, поэтому с деньгами особых проблем нет. Он даже снимает Лениной маме квартиру, во-первых, чтобы было поближе к ее работе, во-вторых, хотя это, наверное, во-первых, чтобы не мешала молодым.

Артем — человек деятельный, все время пытается урвать какую-нибудь денежную работенку. Постоянного заработка у него, правда, нет. Ночную, клубную жизнь он пока не хочет менять на "посиделки" в солидном офисе, где строго с дисциплиной

и куда папа грозит отправить его со дня на день.

Бедняга Лена жалуется, что приходится часто ходить в магазины, а продавцы, словно чувствуя, что она неопытная хозяйка, то гнилого винограда подсунут, то картошку старую, то заветренную ветчину. Артем ворчит, говорит, что, из-за того, что она не умеет готовить, приходится много тратить на продукты. Потому и на шмотки денег почти не остается, из того, что папа выделяет.

Ссоры у них, слава Богу, пока невинные, больше подтрунивают друг над другом. Но намеки на скандалы были. То Лена на грузина какого-то в клубе слишком долго смотрела. Артем потом два дня дома отсуствовал. То "сам" на дне рождении у друга загулял и не вернулся ночевать. Лена выставила пакеты с его шмотьем за дверь, которые, кстати, чуть не сперли, пока Артем пять часов вокруг дома ходил. На радости и помирились.

В целом семья живет счастливо, чувствуется, что ребята испытывают друг к другу неподдельную любовь, заботятся друг о друге.

Правда, сначала с Лениной родительницей возникли проблемы. Мама категорически восстала против их гражданского брака, а жениться ребята не хотели. Всячески осмеивали свадебную церемонию: масовика-затейника с дебильными шутками и дурными конкурсами, ежесекундные крики "горько, горько"; лучшего друга семьи, тайно влюбленного в невесту, напившегося гостя, уронившего голову в салат, нелепое платье немного беременной невесты с воланами на припухлом животе, сцену из гусарской жизни с выпиванием шампанского из дамской туфельки тридцать девятого размера и тщедушного жениха, пытающегося поднять невесту на руки. Смех, да и только.

А Лена и Артем ПЕРЕД ТЕМ, как поучаствовать в этом спектакле, а НЕ ПОСЛЕ него, хотели понять, готовы ли они прожить всю жизнь вместе, любить друг друга, понимать, прощать, иметь детей. Когда они поймут, то, наверное, одной счастливой

семьей станет больше или... одной несчастной меньше. Очевидно, это поняла и Лелина мама. Она смирилась.

Мой университетский друг Олег тоже имеет опыт гражданского брака и на вопрос, с какими он сталкивался проблемами в этот нелегкий период жизни, отвечает коротко и ясно:

— Каждое утро, например в течение двух лет, просыпаться и видеть одно и то же лицо рядом, для меня просто невозможно. Это быстро надоедает, немедленно требуется смена декорации, вот и приходится расставаться.

Квартиру, в которой живет Олег, ему снимают родители. И каждый раз именно Олег должен своей надоевшей подруге указывать на дверь. А это так неприятно...

Кстати, о родителях. Во всех этих историях они присутствуют зримо или незримо. Именно они оплачивают удачные и неудачные эксперименты, гражданские и негражданские браки, уплотняются в своих квартирах или платят за чужие.

Тем же молодым парам, у которых родители не столь обеспечены и покладисты, приходится туго. Вынуждены встречаться где-нибудь на стороне или ждать, пока мама и папа уедут на выходные на дачу, а лучше в отпуск. И только тогда могут урывками испытывать свое семейное счастье.

— У меня родители уехали в отпуск, — рассказывает Катя, — ну и, конечно, я Сережке сразу к себе позвала. Первые дни прожили замечательно, полный кайф. Не считая, правда, звонков Сережиных родителей, которые еще не привыкли к его ночному отсутствию дома. Мои тоже звонили, все спрашивали, почему я не тем тоном разговариваю, да что у меня тембр голоса изменился. В общем, по каким-то, только им хорошо знакомым деталям, понимали, что я не одна. Потом соседка стала довольно часто заходить. То за солью, то за сахаром. И бежит, главное, прямо в комнаты, посмотреть одна я или нет, чтобы потом предкам доложить. Но мы тоже не лыком шиты. Сережка в стенном шкафу отсиживался. Ну прожили мы так десять дней. Вроде все ничего. Только безумно скучно

стало. Ждешь вроде бы от Сергея какого-то праздника, а праздник не наступает. Разговаривать тоже особо не о чем. Обо всем уже переговорили. Сидим перед телевизором и скучаем. В общем, разъехались мы с ним еще до приезда моих родителей. Он сказал, что мама его приболела, а я соврала, что предки раньше вернутся, так как папу на работу срочно вызывают.

Как ни крути, но и в этой истории "помогли" родители, никуда от них не деться.

Но у меня есть подруга, которая в своем счастье никак не зависима от родителей. Ольга окончила высшее учебное заведение с красным дипломом, удачно устроилась работать на преуспевающую фирму, купила машину, сняла квартиру и зажила там самостоятельной жизнью. Правда, молодой человек у нее — проходящий по вызову, то есть появляется, когда она его видеть захочет. Он ее бывшей сокурсник. Ольга не хочет обременять свою высокую заработную плату домашними хлопотами. Недавно купила себе мотоцикл и гоняет на нем по Москве, чтобы ощутить особую остроту чувств и сбросить адреналин. Если что, она сама укажет молодому человеку на дверь, а о семейной жизни пока не помышляет. Вполне довольна холостой.

Как сложится дальнейшая личная жизнь моих друзей, не знаю. Возможно, Олег станет любящим отцом и верным мужем, и мы будем гулять на его золотой свадьбе. Вадик бросит курить и устроится на высокооплачиваемую работу, тем самым успокоив Машу. А Ольга уйдет из офиса и засядет дома с малышом. Лена научится хорошо готовить, бросит Артема, потому что свет клином у нее сойдется совершенно на другом мужчине, для которого неважно будет, как она готовит, а важно просыпаться с ней в одной кровати долгие-предолгие годы и т.д. и т.п.

Все это, конечно, домыслы и фантазии. Не стоит их развивать. Наверное, каждому из нас лучше позабиться о своей личной жизни и пожелать себе удачи в поисках того, кто хоть однажды в жизни станет самым единственным, желанным и неповторимым.

Не скрываются

■ Группа "Тараканы!" существует уже 14 лет, периодически меняя то название, то участников, но неизменно играя в стиле панк-рока.

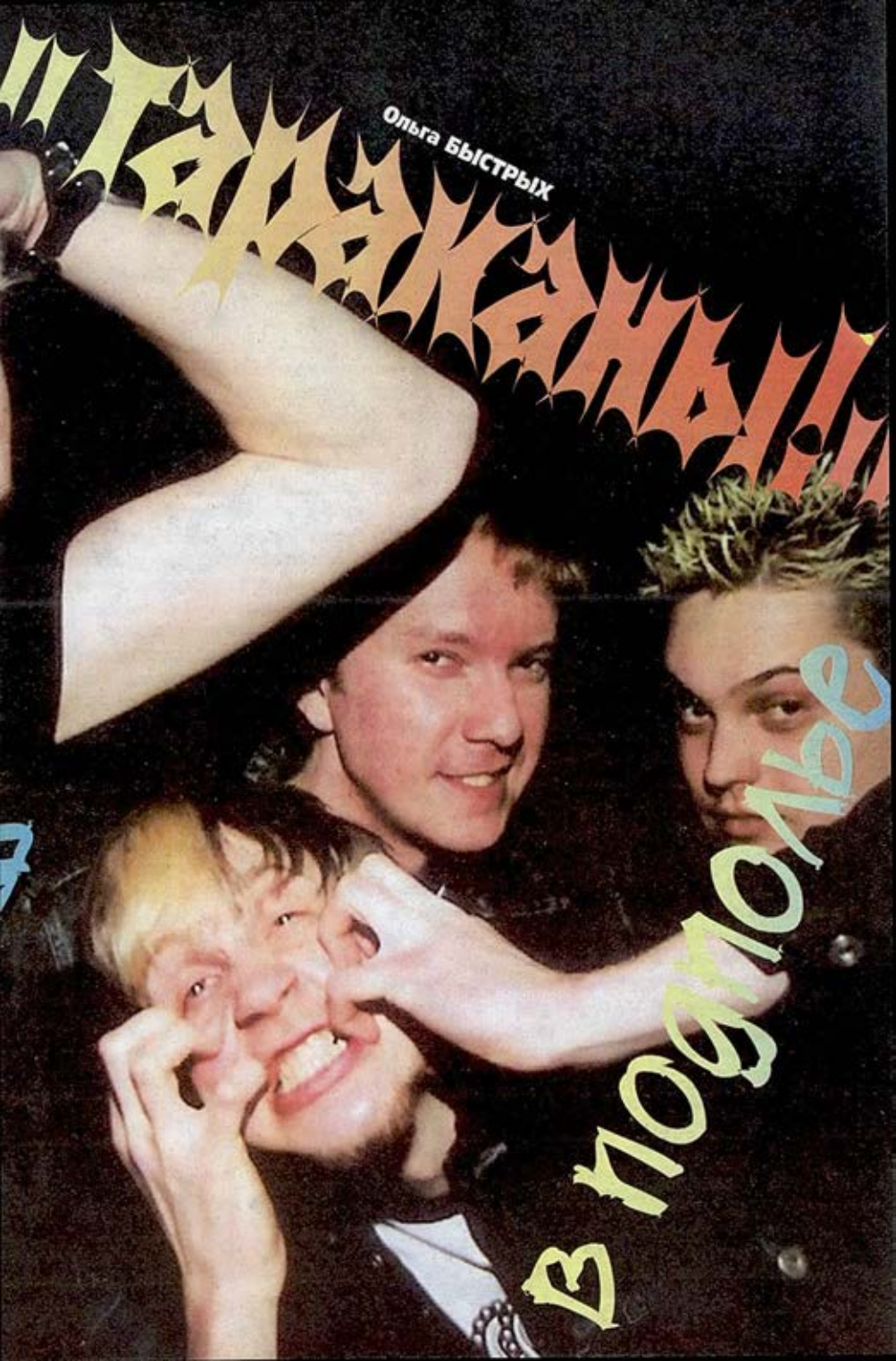
Кстати, панк-рок когда-то, несмотря на популярность, считался безнадежно некоммерческим течением, однако в последнее время вернулся в клубы, начав свое триумфальное восхождение. Сегодня это роковое направление, и его многочисленные разновидности занимают довольно большой объем в общей массе выпускаемых записей. Большинство панк-групп имеют контракты с индифирмами и сохраняют радикально-критический взгляд на окружающую действительность.

На данный момент коллектив "Тараканы!" состоит из четырех человек: Дмитрия Спирина, вокалиста, когда-то игравшего на бас-гитаре, Сергея Прокофьева, барабанщика, гитаристов Алексея Соловьева и Дмитрия Кежватова. Вначале, около года с момента своего образования, они назывались

Ольга БЫСТРЫХ

В ПОСМОТРЕ

"Кузузовский проспект", а затем превратились в "Четыре Таракана", ориентируясь в манере исполнения на легендарный "Sex Pistols" (их звук, манера, имидж, построение композиций, мелодика стали основным ориентиром для группы как в построении композиций, так и в звуке, и в имидже), но при этом "Тараканы!" не забывали петь и на родном русском. Жизнь группы проходит в постоянных концертах по московским клубам и в гастрольях по нашей стране и за рубежом.

Они участвовали в 3-м панк-фестивале, а также провели беспрецедентный антинаркотический концертный тур по московским школам, абсолютно бесплатно играя для старшеклассников в актовых залах школ.

Первый альбом "Duty Free Songs" включал в себя одиннадцать оригинальных песен на русском и английском языках, в стиле "мелодик панк-рока".

Самый известный широкой аудитории новый альбом "Тараканов!" — "Посадки нет", на песню "Поезд в сторону Арбатской" был снят клип, показанный на всех музыкальных телеканалах, включая MTV-Россия.

"Тараканы!" участвовали в проекте "Депеша для "Depeche Mode", на котором представили свою версию песни этой легендарной группы "Personal Jesus", и также сняли клип. Одновременно одна из песен с альбома "Посадки нет" — "Панк рок песня" — оказалась использованной в рекламном ролике корпорации "MARS".

У коллектива есть сплит-альбом, совместный с японской группой "Sobut". После выхода, его мгновенно признали лучшим альбомом "Тараканов!".

Рецензии на пластинку группы появились во множестве крупных панк-зинов по всей планете.

— Дима, вас часто называют Сидом. Имеется в виду бас-гитарист из группы "Sex Pistols"?

— Сидом меня называют поклонники, которые не знают, как меня зовут на самом деле.

Но если говорить о возникновении у меня такого нэйма, то корни нужно искать в нашем общем панк-детстве-отрочестве. В начале 90-х группа "Sex Pistols" была очень попу-

лярна, да и до сих пор остается таковой в узких кругах. Их легендарного бас-гитариста действительно звали Сид Вишес, а я в то же самое время играл на бас-гитаре и, видимо, внешне походил на него.

— А сколько лет вы играете панк?

— Начал играть, когда мне было лет пятнадцать.

— Это довольно ранний возраст! И уже тогда были профи?

— Панк-музыка не подразумевает виртуозного владения инструментами. Она и хороша тем, что любой парень, приняв на вооружение 2-3 традиционных хода и подковавшись технически, может играть в панк-группе. Но если хочешь долго существовать и быть серьезной группой, то должен совершенствоваться и накапливать опыт.

— А без слуха можно играть?

— В принципе да! Только будет сложно с духовыми, скрипкой — в общем, с теми инструментами, где музыкальный слух необходим. А в панк-музыке в основном присутствуют клавишные, где нужно только кнопки нажимать, и гитары, где струны поделены ладами и легко запомнить расположение нот на грифе. А чтобы петь, я ничего специально не заканчивал, мне достаточно было взять несколько уроков вокала.

— Вас часто сравнивают с группой "Наив"... Как к этому относитесь?

— Мы не последователи "Наива". Но когда-то они были для нас кумирами на российской панк-сцене, и мы на них равнялись. А то, что нас сравнивают до сих пор — пусть сравнивают: панк-рока не так много в нашей стране, чтобы провести нормальный культурологический анализ.

— Вы панки только в музыке или это стиль жизни?

— Я теперь вообще не знаю, что такое образ жизни панка. Те стереотипы, что сложились у обывателей в России, в корне не верны! А тот стиль жизни, принятый в панк-сообществе в Европе и Америке, у нас не прижился: Россия — страна совсем другая.

— Но вы же не садитесь на пол в автобусе со словами "кто панкует, тот поймет"?

— Мы сочиняем песни, выступаем на концертах, делая это максимально неординарно,

по возможности вызывающе и агрессивно. Не потому, что хотим такими казаться, а потому, что эта музыка так "вставляет"! А слово "панкует" мне не нравится с детства. Тот, кто панкует, пойдет дальше в техникум учиться.

— Чем хиппи отличаются от панков?

— Внешне понятно как, хотя в панк-имидже четких законов нет.

— То есть в зеленый цвет краситься не обязательно?

— Абсолютно не обязательно! Человек может выглядеть как угодно, даже как самый затрапезный хиппи, и чувствовать себя

панком. А конкретная разница в идеологии. Хиппи, в классическом варианте, это "делать любовь, а не войну", расслабиться — некий бродяжнический уход от социума. В панк-роке все по-другому, иногда вплоть до наоборот. Панк — музыка действия, а не созерцания, альтернатива социума.

— Панк можно назвать андеграундом?

— Андеграундом может быть любая музыка, которая не находит места в современных средствах массовой информации. Даже попсу, если она исполняется для ограниченного числа людей и не представлена на теле-

видении и радио, и то можно считать андеграундом.

Ведь андеграунд, дословно с английского: "подпольный", в конце шестидесятых — экспериментальная, часто экстравагантная (внутренне и внешне) клубная сцена крупных городов. Он породил многие, ставшие популярными в последующие десятилетия стили — от электронного рока до новой волны. Формы рок-музыки — как правило, лишённые коммерческой поддержки и широкой аудитории.

В Советском Союзе андеграундом считался практически весь самодельный рок: обычным делом были "запретительные" списки и репрессивные акции со стороны властей, что делало советский рок действительно подпольным. В современных условиях термин "андеграунд" может быть отнесен либо к исполнителям, существующим вне легальных (рок-клубы и т.п.) структур, либо к радикальному авангарду.

— А вы в андеграунде?

— Нет! Мы не подполье, вот они мы — пожалуйста!

— Но многие ваши песни в эфире отсутствуют!

— Это шоу-бизнес. Песню никогда не поставят на ТВ, пока на нее не снимут клип, а клип никто не снимет, потому что такого сорта видео на ТВ не пройдет. Клипы делаются на более спокойные вещи.

— Песня "Поезд в сторону Арбатской" для вас случайна или нет?

— Она достаточно типична, хотя есть и другие. Приблизительно за 30 лет существования панк-рока образовалось много подстилей разных по звучанию. "Поезд в сторону Арбатской" — мягкая лирика, аранжированная в панк-роке. Есть такой стиль — поп-панк.

— С вами случались забавные истории?

— Прошлым летом на алтайском фестивале в разгар нашего выступления у меня вылетели передние зубы. А вышло так. Мы любим устраивать экшн на сцене — вот я и засунул микрофон себе в рот по самую рукоятку. Благодаря этому освобождаются обе руки и появляется великолепная возможность производить различные телодвижения. Еще прикольно гудеть, когда микрофон во рту. Звук ужасный! Так вот, я потянул микрофон обратно, и значительная часть верхней челюсти выпала. Зрители на первых рядах — в шоке. Мне-то не больно — зубы вставные. Но ведь не все об этом знают! Я подал знак ребятам и ушел за кулисы. Хорошо, что несколько песен исполняю не я, а наш гитарист, поэтому группа "Тараканы!" продолжала зажигать, но уже без моего вокала. Недавно "Тараканы!" выпустили сборник лучших своих песен под названием "Лучшее. Враг Хорошего", среди которых имеются новые версии давно известных песен, и одна новая вещь — антивоенная "Причина для ненависти". Пять песен с этого альбома попали в ротацию американской FM — радиостанции "KSFS Radio", принадлежащей государственному университету Сан-Франциско.

Сейчас "Тараканы!" планируют большое европейское турне по четырем странам Центральной Европы. А немецкий панк лейбл "OffenzeLine recordings" собирается выпускать их альбом в Германии.

Беседовала **Ольга БЫСТРЫХ**

МОСКОВСКИЙ ДНЕВНИК

Бертрана
Вьедливого,
нижкоземля
и экстрамала

По неумолимым законам психологического естества, настроенного на генетическую память наших предков, декабрь пробуждает в нас тоску по Рождеству Христову, Новому, с зацепом Старого года. Нужно подчеркнуть. Мы воспринимаем Новый год, почти точно так же как алкоголь воспринимает еще неоткупоренную бутылку водки — с чувством радостного предвкушения...

Дед Мороз придет к нам на "мерседесе" с мешком денег. Он будет их не раздавать, а всего лишь демонстрировать. Мы увидим по телевизору и поймем, как хорошо иметь мешок денег. Наш новорусский Дед Мороз в санта-клаусном гриме вздохнет, нальет рюмочку водки, поздравит нас, намажет сердечный бутербродик с икрой, выпьет, закусит и, помахав ручкой, вновь уедет туда, где все в белых фраках и "верхом на белых лошадях", то есть к чертовой матери, туда, где нас нет и где ему хорошо и комфортно...

Все, что выше, — пафос в чистом виде. На самом деле российский Новый год вот уже более десяти лет проходит под одним, фундаментальным, лозунгом: "Да пошли

они все на... Наливай! Выпьем!" Я говорю не об интеллигенции, она пуглива как синица в Благовещенье и склонна к рефлексивной, опережающей разум, панике. Я говорю об огромной, пугающей интеллигенцию своим аморфным большинством массе народа...

Электричка:
"Москва — Александров"

■ — Не знаю как ты, Колек, а мне что секщщоп с фаллоимитаторами, что коммунисты с их гнутыми наганами по балде, я природу люблю...

— Ты, Васильевич, хотя бы иногда думал, что говоришь, то есть говори что хочешь, но посмотри, как ты "шпроты" открыл, это же не сгущенка, из дырочки пить не будешь.

— Выковыряем, не бойсь. Ты видел у нашего нового директора морда аж трескается?

— Да она у них всегда и везде трескается, наливай...

Слово "Наливай!" основное предновогоднее, новогоднее и посленовогоднее слово Москвы и ее ближнего Подмосковья и дальнего — России, зарубежья.

— Между прочим, Васильевич, у тебя тоже морда от широты трескается.

— Не от широты, Коля, от задумчивости... Задумчив народ России.

— Тебе хорошо, Валентина, у тебя муж татарин, он везде денег достанет, а мой дурак дураком.

— Татарин-то он, татарин, а по ночам храпит, сил моих нет. Лучше бы дураком был...

Женщина — это загадка, которая даже в разгаданном виде — Загадка.

— Ну, что сегодня?

— А хрен его знает, но деньги заплатили хорошие, пас я.

— Это хорошо, я тоже пас.

— Черви...

— Короли, мать их так!..

"Мать их так!" Это великий русский возглас.

— Хоть бы заварушка какая-нибудь началась, что ли.

— Зачем?

— Может, украду что под шумок на Новый год...

Электричка: "Москва — Монино"

■ С "глухоманью" у нас можно встретиться всегда и в самом неожиданном месте. Особенно уютно она чувствует себя в "двух шагах" от Москвы. Подмосковье по своей структуре — нечто среднее между Тверской улицей в столице, Хьюстоновским космическим центром в США, непроходимыми джунглями реки Амазонки в Латинской Америке и заброшенной деревушкой без электричества в глубинах сибирской тайги восемнадцатого века. Перед Новым 2004 годом я решил убедиться в этом, взяв исходной точкой Ярославский вокзал, исследовав маршруты электричек в двух направлениях...

Остановочная платформа "Болшево". Если вы пойдете направо от платформы, то попадете в город Королев и почувствуете, что Москвы вы как бы и не покидали. Современный, красивый и щедрый рынок, автобусы каждое мгновение и в любом направлении, все современно и удобно. Невольно ищешь глазами большую букву "М". Направо от платформы, дальше четырехсот метров, лучше не уходить; грязь, тоска, длинноты однообразия и неохотно появляющийся, "невежливый" транспорт...

Следующая, после Болшево, остановка "Валентиновка", а за ней "Загоряновская". Если вас занесло в эти места после 20.00 без мобильного и вам захотелось позвонить в Москву или еще куда-нибудь, то забудьте об этом. Почта с мини-переговорным пунктом закрыта и свет не горит. К вашим услугам лишь магазин с непонятного качества водкой и напитками да зацеллофанованными продуктами всем известного качества. В час ночи, чтобы встретить современность, нужно возвращаться в Москву. От "Загоряновской" до центра Москвы дорога (электричка-метро) займет сорок минут...

На следующей остановке "Соколовская" не сходите без нужды ни днем, ни ночью. Полная безнадега и глухомань вокруг...

На остановке "Воронок", вплоть до остановки "Чкаловская" (Щелково-9, Щелково-8, Щелково-7) резкое и какое-то конвульсивное проявление современного мира, но с таким мощным и недвусмысленным присутствием духа глубинки и "тмутараканности", что где-то в глубине души чувствуешь себя оторванным от цивилизации...

Конечная остановка электрички — Монино. Вокзальчик, базарчик, местная братва у ресторана в центре. В темное время суток опасайтесь встречи с хулиганами и пьяными солдатами...

Электричка: "Москва — Софрино"

■ После Мытищ последний форпост цивилизации на этом направлении — город Пушкино, но только до 22.00. В темное время суток близость столицы перестает ощущаться и нужно, по возможности, быть дома. Опасны встречи с группами молодежи и нарядами милиции.

Если вы приехали в Софрино, то вы приехали в глушь, несмотря на то, что это всего лишь в пятидесяти минутах езды от Москвы. При сильном ветре прерывается телефонная связь с миром, гаснет свет на уличных фонарях. В ночное время там тишина и нервный покой, ни людей, ни милиции на улицах. Редкие огоньки мелькают в окнах, иногда в тишину врывается чья-то одинокая пьяная песня, и вновь все тихо. Россия спящая и неизвестно о чем думающая...

Новый год уже близко

■ Скоро Новый год, а я все должен ездить в метро на работу. Еду на остановке "Проспект Мира" в первый вагон переполненного поезда и во второй, конечно же тоже не пустой, вагон, вошли и милиция и служащие метро со словами: "Просьба к гражданам немедленно освободить первый и второй вагоны по..." Дальше можно было не продолжать, вагоны освободили с такой скоростью, что я,

влекомый потоком, оказался на другой стороне станции, хотя мне это было совсем не нужно. Вот ведь как бородастые, полуграмотные террористы с гор запугали современный, космически-компьютерный мир России и всех остальных, суперразвитых стран Земного шара. Но лучше, как говорят в одном знаменитом городе у моря, "лучше перепугаться, чем недопугаться, а потом всю жизнь с костылями ходить". Шутка еще та, конечно... На самом деле на следующей остановке после "Прспекта Мира" на перроне производили какой-то ремонт в скоростном режиме и требовалось в течение получаса сохранять первые два головных вагона в безлюдье. После осознания своей безопасности весь поток рвущихся к своим рабочим местам рванулся обратно. "А не пройти ли мне пешочком", мелькнула во мне паническая мысль, но я уже был внесен в вагон, придавлен, впрессован в противоположную от входа дверь. Само собой на своей, следующей, остановке я не вышел, а лишь пробился к двери, но зато на следующей — не моей — остановке меня грубо вытолкнули. Хотя, конечно, трудно понять, как это в метро, в час пик, могут "вытолкнуть нежно?.." Мастерского вида мужичок, русской, второсортно-иногородней, немосковской национальности, с большой сумкой, очень не понравился какой-то крикливой "теткодаме" и троиц "широкоплечим" в жилоте мужичинам.

— Вы почему в час пик с такой сумкой втискиваетесь, переждать надо! — закричала "даматетка" на мужичика.

— Да я же вот, — робко начал оправдываться мужичок, — на работу, вот тут рубанки и шпатлеватели...

Он даже хотел показать содержимое своей сумки, но "широкоплечие" быстро выставили его из вагона, а один даже снизошел до тумака в зад пролетарию.

— Совсем очумели, человеку на работу надо! — Не выдержал и громко возмутился я. Но меня энергично вытолкнули животом на перрон, двери закрылись, и поезд уехал. Как хорошо, что это была моя остановка, и вообще, думал я, глядя на рукав своей куртки с пятном от сумки "пролетария", надо было ему не один, а штук десять тумаков залепить.

Валентин КАРЯГИН

■ Я украл шарик счастья, когда мне было двенадцать лет. Случилось это вскоре после того, как пошел в школу после очередного месячного перерыва: сломал ногу. Причем во второй раз. Не могу сказать, что тогда радовал своим присутствием учителей. Простой эксперимент со спичками привел к ожогу правой руки, а попытка проехаться на велосипеде — к первому перелому. Второй раз я сломал ногу, когда просто вышел погулять. Сделал шаг и...

— Если с неба будет падать один камешек, то он упадет на моего сына, — говорила моя мать своим знакомым. — И обязательно нанесет самый большой урон. — Тут она всегда смотрела на потолок и добавляла: — Слава Господу, что он еще живой у меня.

А шарик счастья мне показал Серега, мой единственный друг. После математики, на большой перемене, он отвел меня под лестницу, тихо прошептал:

— Глянь, что у меня есть, — и заговорищи подмигнул.

BC

Сергей оглянулся, хотя в подлестничном закутке почти никогда никого не было, — старшеклассники курили в туалете, а драться мешало наличие рядом кабинета завуча, — сунул руку в карман и вытащил ЕГО.

Я сразу понял, что это шарик счастья. Он был прозрачным, а внутри, даже при почти полном отсутствии света, переливались разноцветные блестки.

— Ну как?

— Здорово! — восхищенно проговорил я. — Откуда он у тебя?

— Нашел. Как раз перед диктантом по русскому. — Сергей повертел шарик в ладони. — Я тогда первую пятерку получил.

Сергей по русскому языку выше тройки не получал, да и по остальным предметам тоже, но, когда я пришел в школу, оказалось, что, как говорят учителя, «Капитонов взялся за ум». Его даже начали приводить в пример другим ученикам. И, конечно, мне.

Я смотрел на шарик счастья и знал, что хочу его. Он просто должен быть моим, а не Сергея. Почему именно он его нашел?

— Пошли, — встрепенулся Сергей и убрал шарик. — На физру опоздаем.

Я чуть было не набросился на него за то, что он убрал шарик, но еле сдержался. И мы побежали в спортзал.

Просидев половину урока на скамейке как освобожденный от занятий по физкультуре, я пробрался в раздевалку. Посмотрел на Сережкин портфель, на его висящую одежду.

— Просто проверю, — сказал я громко. — Посмотрю и положу обратно.

И вытащил шарик счастья. Он светился, переливался и, казалось, пел в моих руках. А маленькое темно-красное пятнышко в центре, которое я не рассмотрел под лестницей, просто притягивало.

Помотав головой, потянулся обратно, но словно что-то не давало мне положить его назад, и я почувствовал, как рука сама засовывает шарик счастья в карман моих брюк.

После физкультуры я подождал Сергея, и мы пошли вместе домой. Вышли из шко-

лы, завернули за угол здания, и тут он сунул руку в карман.

— Стой!

Я посмотрел на него. Он лихорадочно шарил по карманам, его покрасневшее лицо скривилось, как будто он собирался заплакать.

— Не может быть, — выдавил Серега.

Мне стало стыдно и жалко его. Я уже собрался спросить: «Ты это ищешь?» и отдать ему шарик счастья, но не успел.

Сергей стоял под окнами нашего класса, и в этот момент с одного из подоконников свалился кирпич. Я успел услышать хруст и увидеть, как Сергей начал падать, и тут что-то темное и жидкое залепило мне глаза.

Еще ничего не поняв, я вытер кровь (Серегину кровь) с лица и посмотрел вниз. Увидел почти целый кирпич, Сергея, его голову. Потом перевел взгляд на свои ноги. В полной тишине раздался ЗВУК! Пальцы его левой руки царапнули мой правый ботинок — раз, другой. Потом сжались и ослабли.

Я понял, что Сергей умер.

И закричал.

У меня до сих пор сохранилась пожелтевшая, протертая в сгибах вырезка из газеты. В ней мало, что написано про Сергея. В основном про состояние городских школ и всей системы образования. А сам несчастный случай был только поводом для ее написания.

Но я-то знаю, что это не был несчастный случай. Из того дня запомнилась еще одна деталь: я лежу вечером в постели, смотрю на шарик у меня в руках и замечаю, как красная точка внутри становится больше и напоминает уже булавоочную головку.

Больше школу я не пропускал. Мама научилась спокойно отпускать меня на улицу: со мною ничего не происходило. Оценки в школе выправились, хотя больших, чем раньше, усилий я не прилагал. Я смотрел, как спотыкаются на ровном месте другие, как кто-то, но не я, проваливаются на экзаменах, как те или иные мелочи, так любимые Госпожой Неудачей, обходят меня

стороной, и радовался. До вступительных экзаменов в университет.

В центре моего шарика счастья пятнышко увеличивалось, но не беспокоило меня. Тогда еще не беспокоило.

Курить я начал в середине десятого класса. Началось с баловства в школьном туалете, а к лету (мама уехала к родственникам) я уже выкуривал полторы пачки в день и перестал шараться с сигаретой в руке от соседней. Жили мы достаточно замкнуто, и вряд ли кто-нибудь из них настолько обеспокоился моим поведением, чтобы сообщить об этом матери.

Выпускной учебный год пролетел быстро, шарик счастья был всегда со мной. Что бы я ни надевал, и для него всегда находилось место. И все шло как по маслу.

С приближением экзаменов обстановка в классе стала напряженной. Мои одноклассники нервничали, я же, наоборот, — расслабился, стал пропускать занятия. Нет, не подумайте, я не попал в дурную компанию, да и друзей у меня больше не было. Просто я просыпался, смотрел на улицу и шел гулять. Или оставался дома. Может быть, именно поэтому я обратил внимание на маму. Она сильно похудела, а по ночам я стал слышать натужный кашель. В одно утро, не выдержав, я спросил ее, все ли у нее в порядке со здоровьем.

— Не беспокойся, дорогой, — ответила она. — Просто слегка простудилась.

Весна закончилась, наступили выпускные экзамены. Лотерея выдала нам самый легкий вариант сочинения и не подвела с математикой. Единственной загвоздкой оказался мой последний экзамен по биологии. Вела этот предмет строгая завуч, у которой был бзик на посещаемость. Мне предрекали скорую гибель, и, как мне казалось, некоторым одноклассникам это бы понравилось. Уж больно все хорошо у меня складывалось.

На экзамен зашел первым, рассудив, что, если терять все, то сразу. Взял билет и сел готовиться.

Прошло всего несколько минут, и в кабинет вбежала наша классная руководи-

тельница. Она что-то прошептала биологичке, и та вышла. А «классная» уставилась на меня не мигая, как будто видела в первый раз.

Мне сильно захотелось курить. Биологичка скоро вернулась.

— Иди, — проговорила она мягким голосом, что было совершенно несвойственно ей. — И не беспокойся из-за экзамена.

— А в чем дело?

— Я тебе в коридоре скажу. — «Классная» взяла меня под руку и вывела из кабинета. В коридоре она развернула меня к себе: — Твоя мама в больнице.

— Что?!

— Нам позвонили, она в больнице.

— А что случилось?

— Не знаю, нам не сказали, — затараторила учительница. — Только то, что она в больнице, просила, чтобы тебе передали. Ты не беспокойся, оценку за экзамен тебе поставят, все же понимают...

Когда я приехал в больницу, меня к матери не пустили, заставив долго ждать в приемной. Потом ко мне вышел врач.

— Ты ее сын? — спросил он.

— Да. А что с ней?

— У нее рак легких. Она курит?

Меня качнуло.

— Нет, — пролепетал я. — Не курит.

— Странно, — доктор пожал плечами.

— На снимке у нее такие легкие, будто она в день полторы пачки мусолит.

— Можно к ней?

— Сейчас да, — он остановил меня. — Только излишне не волновать. И ненадолго. Хорошо?

— Ага.

Мать смотрела на меня запавшими глазами и улыбалась.

— Извини, — прошептала она, когда я ее обнял. — Я не хотела тебя беспокоить.

— Ничего, — я присел на койку. — Все в порядке. Экзамен я сдал.

Тут слезы полились у меня из глаз, и она прижала меня как маленького к себе, поглаживая по голове.

— Все будет хорошо.

— Прости, — вырвалось у меня. — Это я виноват.

— Глупости, — отрезала мама. — Все будет хорошо.

Уйдя от нее, я вышел на улицу и присел на скамейку. Вокруг тихими маленькими шажками прогуливались пациенты. Я достал сигарету и под их неодобрительными взглядами начал рыться в карманах в поисках зажигалки. Достал ворох всякой всячины, а в ней на ладони лежал шарик счастья.

Темно-красное пятно увеличилось. Теперь оно напоминало маленький злобный глаз.

И этот глаз смотрел прямо на меня.

Мама умерла перед вступительными экзаменами. Председатель экзаменационной комиссии оказался ее однокурсником и присутствовал на похоронах.

— Не беспокойся, сынок, — сказал он мне напоследок. — Проблем у тебя не будет.

И у меня не было проблем с поступлением в университет. Ко мне подходили, жали мне руку, говорили «Держись» и засчитывали экзамен за экзаменом.

Три года прошли серо и незаметно. Сегодня почти не отличалось от вчера, дни летели, сессии сдавались, все было нормально. Я подрабатывал то там, то сям, в общем, жил.

Потом я встретил Свету.

Нам было очень хорошо вместе, мы много гуляли и разговаривали почти обо всем. Она познакомила меня со своими родителями, которые не возражали против моих визитов к ним домой. Правда, инициатива всегда исходила от нее. Именно она звонила мне, и мы договаривались, когда и где встретимся. Время от времени наступали перерывы. На неделю, иногда на две. Один раз мы не виделись целый месяц, и я с ума сходил в ожидании ее звонка, а позвонить самому или прийти к ней домой не хватало смелости.

Я бросил курить, что мы старательно отметили небольшим ужином на двоих, а позже, когда провожал домой, в первый раз поцеловал ее.

Прошел счастливый, наполненный смыслом год. И я совсем забыл про шарик

счастья. До вчерашнего вечера. До звонка ее мамы.

— Она в больнице, — устало проговорила Светина мама. — Ее увезли на «скорой».

— Что-нибудь серьезное?

— Врачи пока не знают. — Я понял, что она плачет. — Последний год как будто ее сглазили. То простудится, то порежется. Вывихи, ушибы. Даже и не знаю, за что напаста такая...

Едва найдя в себе силы, я закончил разговор, пообещав, что приеду в больницу. «Только у них приемные часы в обед», — предупредила она напоследок, и я обессиленно опустился на стул у окна. Потом достал свой шарик счастья.

Сердцевина польхала красным светом, занимая почти половину шарика. Я смотрел на него и смотрел, пытаюсь найти какой-нибудь выход.

Потом положил шарик на подоконник, достал из кладовки картонный ящик и вытащил из него молоток и скотч. Крепко затолтал шарик скотчем и прилепил к подоконнику. Потом поднял молоток, приговаривая при этом:

— Ты больше никого не убьешь! Понял? Никого! — И ударил по нему.

Во мне все взорвалось: я бил и бил по шарик, растирая осколки в порошок. Наконец, успокоился, уронил молоток на пол и отлепил скотч. Собрал мусор, последний раз сверкнувший в свете ночника, выкинул все в унитаз и спустил воду.

Я пишу этот текст фломастером, потому что так безопаснее: у фломастера мягкий кончик. Ночью на меня упала полка с книгами и разбила нос. Сегодня утром делал себе бутерброд и порезался, потом уронил бутерброд на пол.

Знаю, что мне надо пойти на занятия и навещать Свету. Мне хочется верить, что у нее все будет в порядке. Но я боюсь.

Я смотрю на бутерброд, лежащий на полу маслом вниз, и боюсь, что уж теперь получу по полной программе. За все.

Мне страшно...

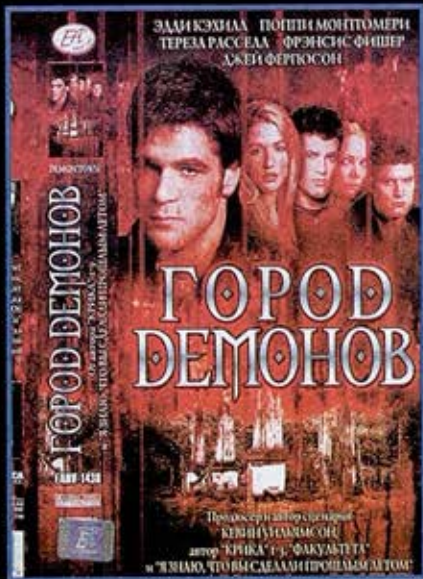

МОРСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

комедия для взрослых
США-Германия, 1 час 40 мин.
Режиссер Морт Натан.
В ролях: Кьюба Гудин-мл., Горацио Санз,
Роджер Мур.
"СОЮЗ-ВИДЕО", ПУ № 121005003

Если вас бросила девушка, отказавшись выйти замуж, самое лучшее средство развеять тоску-печаль — вместе с лучшим другом отправиться в морской круиз на атлантическом красавце-лайнере куда-нибудь подальше от грустных воспоминаний.

Джерри так и поступил, вот только досадное недоразумение — зловредная шутка работника турагентства, подсунувшего ничего не подозревавшим парням билеты на "голубой" круиз чуть было не испортила все дело. Ведь вместо аппетитных красоток друзей ждала разношерстная компания геев. Но видно Бог сжалился над бедолагами, если послал на судно двенадцать, терпящих бедствие, прекрасных созданий...

ГОРОД ДЕМОНОВ фильм ужасов

США, 1 час 58 мин.
Режиссер Рэнди Зиск.
В ролях: Эдди Кэхилл, Поппи Монтгомери,
Джей Фергюсон, Тереза Расселл.
ЗАО "ФИРМА ВДВ", ПУ № 221262803

Автор сценария и продюсер фильма Кевин Уильямсон — большой мастер этого жанра. Ему принадлежат такие хиты, как "Крик 1-3", "Факультет", "Я знаю, что вы сделали прошлым летом". Новый фильм просто фонтанирует сюжетами, которых вполне бы хватило на несколько самостоятельных историй.

...Молодой писатель Майк после четырехлетнего отсутствия возвращается на родную Глорию, прозванную кем-то Островом Счастья. Но как выяснилось, его скорее можно было бы назвать Островом Странностей — в последнее время на нем участились непонятные происшествия, дурацкие и злые розыгрыши. Среди подростков "ходит" странная игра "Черный жнец", проигравший должен исполнить все желания. События отягощаются с появлением заезжих клоунов...

«Бульвар» — ВИДЕО

КОРОНАДО приключенческий боевик США-Германия, 1 час 30 мин.
Режиссер Клайдио Фа.
В ролях: Кристин Даттило, Джон Рис-Дэвис, Клейтон Ронер.
"СОЮЗ-ВИДЕО", ПУ № 221262403

Этот фильм рассчитан на любителей опасных приключений, его героиня Клэр — настоящая Индиана Джонс в юбке! Не каждая девушка в поисках пропавшего жениха отважится отправиться в таинственную страну Коронадо, в самые дебри Центральной Америки.

Ведь кругом идет война, а похищение иностранцев там обычное дело. Подкупив репортера, Клэр проникает в лагерь повстанцев, обнаруживая там ничего не подозревающего женишка. Оказывается, он промышляет продажей оружия, а заодно и шпионажем. Разочарованию обманутой невесты нет конца — стоило ли ради такого "мачо" блуждать в непроходимых джунглях, рискуя жизнью, отражать перестрелки с бандитами, тонуть в горной стремнине, томиться в плену... Может, надо было просто отсидеться дома?..

Сегодня, кроме всего прочего, мы представим полную трилогию легендарных японских фильмов ужасов — «Звонок», «Звонок — 2» и «Звонок — 0». Смотреть их рекомендуется в той последовательности, в какой мы их представляем, ведь первые два были созданы известным режиссером Хидео Накатой, а «нулевой» — это приквел, снятый на волне популярности предыдущих фильмов последователем Накаты — Норио Тсурутой.

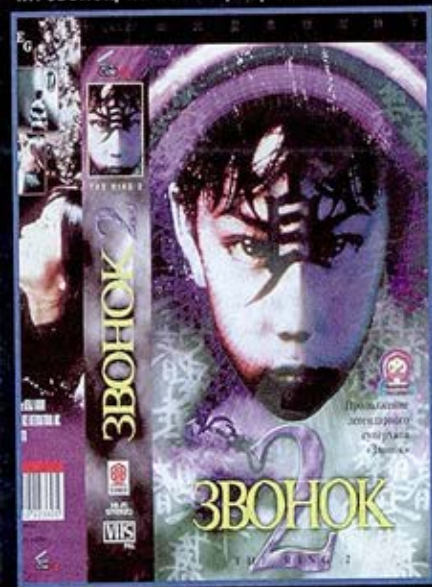
ЗВОНОК фильм ужасов Япония, 1 час 35 мин.
Режиссер Хидео Наката.
В ролях: Нанако Мацусима, Мики Накатани, Хироюки Санада.
"СОЮЗ-ВИДЕО", ПУ № 221246701

Готический стиль, страшный, завораживающий сюжет этого фильма произвели настоящий фурор, в одночасье превратив

его в культовый феномен, породивший серию подражаний как в кино, так и на ТВ. "Звонок" стал родоначальником целого жанра — джей-хоррора. После столь шумного успеха, Стивен Спилберг не приминул тут же приобрести права на ремейк в Голливуде.

В этом году он с успехом демонстрировался и у нас, только жаль, что это был лишь слабый слепок, сделанный японцами.

...Молодая журналистка берется за расследование загадочных смертей, будто бы следующих после просмотра некой загадочной видеокассеты, после чего и звучит звонок, начинающий роковой отсчет...

ЗВОНОК-2 фильм ужасов

Япония, 1 час 35 мин.

Режиссер Хайдео Наката.

В ролях: Нанако Мацусима, Мики Накатани, Хироюки Санада.

"СОЮЗ-ВИДЕО", ПУ № 221029802

Сенсационный успех первой части побудил создателей взяться за продолжение. Героем его стал мальчик, сын героини первого

"Звонка", наделенный теми же зловещими паранормальными способностями, что и призрак, живущий в кассете. Этот мистический дар стал теперь проклятием...

ЗВОНОК-0 фильм ужасов

Япония, 1 час 38 мин.

Режиссер Норио Тсурута.

В ролях: Юки Накама, Сииси Танабе, Камико Асо.

"СОЮЗ-ВИДЕО", ПУ № 221029902

Предыстория "Звонка", снятая другим режиссером, пытается приоткрыть завесу тайны: что же превратило после смерти некогда скромную девушку по имени Садако в того устрашающего монстра, сеющего смерть и не оставляющего ни единого шанса на жизнь, особенно тем, кто когда-то, ненавидя несчастную, мучал и насмехался над ней. Теперь зло вернулось, помноженное тысячекратно...

Видеогид Наталья Тендора

Красная шапочка

ш у т о ч н ы й э к с п р о м т

Новогодняя ночь всегда волшебна. А волшебство обычно ассоциируется со сказками. И хотя наши студенты давно уже вышли из детского возраста, сказки, как ожидание чуда, все равно остались с ними. В предновогодние дни им захотелось пошутить, и они попытались представить себе, как одну из любимых сказок про "Красную Шапочку" рассказали бы известные писатели:

Эдгар По:

На опушке старого, мрачного, обвитого в таинственно-жесткую вуаль леса, над которым носились темные облака зловещих испарений и будто слышался фатальный звук оков, в мистическом ужасе жила Красная Шапочка.

Эрнест Хемингуэй:

Мать вошла, она поставила на стол шелку. В кошелке было молоко, белый хлеб и яйца.

— Вот, — сказала мать.

— Что? — спросила ее Красная Шапочка.

— Вот это, — сказала мать, — отнесешь своей бабушке.

— Ладно, — сказала Красная Шапочка.

— И смотри в оба, — сказала мать, — Волк.

— Да.

Мать смотрела, как ее дочь, которую все называли Красной Шапочкой, потому что она всегда ходила в красной шапочке, вышла, и, глядя на свою уходящую дочь, подумала, что очень опасно пускать ее одну в лес; и, кроме того, она подумала, что Волк снова стал там появляться; и, подумав это, она почувствовала, что начинает тревожиться.

Ги де Мопассан:

Волк ее встретил. Он осмотрел ее тем особенным взглядом, который опытный парижский развратник бросает на провинциальную кокетку, которая все еще старается выдать себя за невинную. Но он верит в ее невинность не более ее самой и будто видит уже, как она раздевается, как ее юбки падают одна за другой и она остается только в рубаше, под которой очерчиваются сладостные формы ее тела.

Виктор Гюго:

Красная Шапочка задрожала. Она была одна. Она была одна, как иголка в пустыне, как песчинка среди звезд, как глади-

иллюстрация **Наталья Алексеева**

атор среди ядовитых змей, как сомнамбула в печке...

Джек Лондон:

Но она была достойной дочерью своей расы; в ее жилах текла сильная кровь белых покорителей Севера. Поэтому, и не моргнув глазом, она бросилась на Волка, нанесла ему сокрушительный удар и сразу же подкрепила его одним классическим апперкотом. Волк в страхе побежал. Она смотрела ему вслед, улыбаясь своей очаровательной женственной улыбкой.

Ярослав Гашек:

— Эх, и что же я наделал? — бормотал Волк, прихлебывая пиво. — Одним словом, обделался.

Оноре де Бальзак:

Волк достиг домика бабушки и постучал в дверь. Эта дверь была сделана в середине XVII века неизвестным мастером. Он вырезал ее из модного в то время канадского дуба, придал ей классическую форму и повесил ее на железные петли, которые в свое время, может быть, и были хороши, но ужасно сейчас скрипели. На двери не было никаких орнаментов и узоров, только в правом нижнем углу виднелась одна царапина, о которой говорили, что ее сделала собственной шпорой Селестен де Шавард — фаворит Марии Антуанетты и двоюродный брат по материнской линии бабушкиного дедушки Красной Шапочки. В остальном же дверь была обыкновенной, и поэтому не следует останавливаться на ней более подробно.

Оскар Уайльд:

Волк. Извините, вы не знаете моего имени, но...

Бабушка. О, не имеет значения. В современном обществе добрым именем пользуется тот, кто его не имеет. Чем могу служить?

Волк. Видите ли... Очень сожалею, но я пришел, чтобы вас съесть.

Бабушка. Как это мило. Вы очень остроумный джентльмен.

Волк. Но я говорю серьезно.

Бабушка. И это придает особый блеск вашему остроумию.

Волк. Я рад, что вы не относитесь серьезно к факту, который я только что вам сообщил.

Бабушка. Нынче относиться серьезно к серьезным вещам — это проявление дурного вкуса.

Волк. А к чему мы должны относиться серьезно?

Бабушка. Разумеется к глупостям. Но вы невыносимы.

Волк. Когда же Волк бывает несносным?

Бабушка. Когда надоедает вопросами.

Волк. А женщина?

Бабушка. Когда никто не может поставить ее на место.

Волк. Вы очень строги к себе.

Бабушка. Рассчитываю на вашу скромность.

Волк. Можете верить. Я не скажу никому ни слова (съедает ее).

Бабушка. (Из брюха Волка). Жалко, что вы поспешили. Я только что собиралась рассказать вам одну поучительную историю.

Эрих Мария Ремарк:

Иди ко мне, — сказал Волк.

— Красная Шапочка налила две рюмки коньяка и села к нему на кровать. Они вдыхали знакомый аромат коньяка. В этом коньяке была тоска и усталость — тоска и усталость гаснущих сумерек. Коньяк был самой жизнью.

— Конечно, — сказала она. — Нам не на что надеяться. У меня нет будущего.

Волк молчал. Он был с ней согласен. ■

Красна изба пирогами...

Впереди у нас — самый любимый, самый красивый и самый долгожданный праздник — Новый год! Уже за 2 недели до него хозяйки начинают бегать по рынкам и магазинам, закупать массу продуктов и спрашивать друг у друга — а под каким знаком пройдет этот год, что должно быть на столе: мясо или рыба, овощи или фрукты, холодное или горячее? Но что бы вы ни готовили к праздничному столу, под каким бы знаком ни проходила встреча Нового года, неизменным остается одно — десерт и его главный компонент — торт или пирог. Конечно, можно в последний декабрьский день забежать по дороге в магазин и купить традиционные “Птичье молоко”, “Бисквитно-фруктовый” или “Марику”.

Но насколько приятнее для близких, да и для себя самой, когда под мерцание горящих на столе свечей вы подадите на стол вкусное и красивое изделие собственного приготовления!

Хочу помочь вам в этом и предложить несколько оригинальных рецептов, чтобы вы могли удивить и порадовать тех, с кем пройдет встреча Нового года и кому будут посвящены ваши предпраздничные хлопоты!

Для начала — пару рецептов хозяйкам, которые “не дружат” с тестом или не имеют времени возиться с ним. Оказывается, можно “смастерить” торт и без теста — были бы желание и фантазия.

■ Торт “Лакомка”

Полкило шоколадных конфет (лучше “Мишка косолапый”), 1 стакан очищенных грецких орехов, пачка сливочного масла, 1 банка сгущенки и 1 маленькая шоколадка (любая).

Конфеты мелко порубить, также измельчить и орехи. Из сгущенки и размягченного масла приготовить крем (тщательно их перемешать и, если есть миксер, не-

много взбить). 4 столовых ложки полученного крема отложить, остальную массу тщательно перемешать с конфетами и орехами и выложить на блюдо (желаемой формы и высоты). Сверху размазать оставшимся кремом и сделать вилкой бороздки. Эти бороздки посыпать орехами и тертой шоколадкой. На 40 минут приготовленный торт оставить на столе (для пропитки), затем поставить в холодильник.

По такому же принципу готовится торт “Зефирный”:

1 кг зефира (белого или розового, можно и того, и другого — для красоты), 1 стакан очищенных грецких орехов, 1 банка сгущенки, 1 пачка сливочного масла, 1 шоколадка.

Вначале из сгущенки и масла приготовить крем смешать его с грецкими орехами. Каждую зефиринку разделить пополам и выкладывать слоями на плоское блюдо. Уложенный слой из одних половинок смазать кремом и закрыть вторыми половинками. Повторить эту процедуру, пока не выложится весь зефир.

Полученную красивую бело-розовую горку аккуратно обмазать оставшимся кремом, посыпать сверху тертый шоколад и поставить блюдо в холодильник.

■ Торт из печенья

Полкило печенья, 1 стакан сахарного песка, 3 яйца, пачка сливочного масла, 2 чайные ложки какао, ванилин (по вкусу), сладкий черный кофе.

В смазанный маслом противень уложить несколько слоев смоченного черным

кофе печенье, при этом каждый слой смазать кремом, который готовится так: размешать сахар, яйца, какао и ваниль на пару. Когда масса остынет, добавить размягченное сливочное масло и тщательно растереть до однородной массы.

Поставить противень в холодное место на 12 часов, а за полчаса до подачи на стол торт промазать сверху оставшимся кремом.

Особенно вкусный торт получится, если вы используете для него печенье "Овсяное".

А теперь рецепты блюд, приготовленных с помощью муки.

■ Печенье лимонное

1 яйцо, 1 стакан песка, 3 неполных стакана муки, 1 пачка маргарина, соль, сода (на кончике ножа погасить уксусом), 2 лимона.

Приготовить тесто: яйцо растереть с 6 ст. ложками песка, добавить муку, маргарин, соль и соду. Отделить от готового теста 1/3 часть и убрать в холодильник, а 2/3 раскатать на смазанном маргарином противне, посыпать натертой на мелкой терке цедрой лимонов и положить лимонную начинку: лимоны натереть на терке и смешать с 3/4 стакана сахарного песка. Вытащить тесто из холодильника и потереть его на крупной терке равномерным слоем на начинку. Выпекать в горячей духовке 20 минут. Когда готовый лимонный пирог остынет, разрезать его на печенье любой (по вашему желанию) формы.

■ Печенье творожное

2 яйца, 1 стакан сахарного песка, пачка творога, 2 стакана муки, пачка маргарина, сода.

Яйца разбить, отделить белки от желтков, в белки добавить стакан песка, взбить и поставить в холодильник.

Приготовить тесто: в творог добавить муку, 2 желтка, пачку маргарина и гашеную на кончике ножа соду. Разделить тесто на 2 лепешки, раскатать их, смазать взбитым

белком, закатать затем в рулетики и разрезать их на куски.

Готовится печенье 20 минут в предварительно разогретой духовке.

■ Торт "Зебра"

3 яйца, 1 стакан сахарного песка, полпачки растопленного масла, 1 корыто сметаны, 1 стакан муки, 1 чайная ложка негашеной соды, 4 ст. ложки какао.

Из указанных продуктов приготовить тесто (не крутое), разделить его на 2 части, и в одну часть добавить 3 ст. ложки какао. Затем постепенно объединить эти части в одно целое (у вас получится неоднородная масса из теста с коричневыми от какао разводами), вылить в форму и выпекать в духовке, нагретой до 170°, 30-40 минут.

Пока торт печется, приготовьте глазурь: столовая ложка какао, полстакана песка, 2 ст. ложки масла и 2 ст. ложки молока.

Эту массу, постоянно помешивая, довести до кипения и, пока она не застынет, залить ею готовый торт. Сверху облитый глазурью торт можно украсить орешками или цукатами.

Можно в домашних условиях испечь почти настоящий "Наполеон".

1 пачка маргарина, 2 стакана муки, полстакана воды, 1 яйцо, 2 ст. ложки уксуса, 1 банка сгущенки и 1 пачка сливочного масла.

Маргарин натереть на крупной терке, смешать с мукой, добавить яйцо, уксус и тщательно размесить тесто. Полученную

массу разделить на 6 частей, скатать в шарики и убрать в морозилку на 20 минут. Затем вытащить их и раскатать на 6 тонких коржей. Каждый корж выпекать в духовке, разогретой до 200°. (Обязательно во время выпекания проткнуть коржи вилкой в нескольких местах). Каждый готовый корж выложить с противня на подготовленную форму (это может быть овальное, плоское, большое блюдо или прямоугольный поднос, как вам захочется). Так как коржи в духовке выпекаются все же неправильной формы, после того, как каждый выкладывается на блюдо, края аккуратно срезаются ножом, придавая коржу правильные линии. Отрезанные куски испеченного теста не выбрасывайте, а соберите в тарелку и измельчите руками. Заранее подготовьте крем из сгущенки с маслом и смазывайте им густо все 6 коржей, накладывая их друг

на друга. А самый верхний слой посыпьте измельченным заранее тестом из тарелки. "Наполеон" — готов! (Можно коржи смазать не сгущенкой, а заварным кремом. Он готовится так: в 2 стакана молока добавить ст. ложку муки и ст. ложку крахмала, кипятить при постоянном помешивании. Когда масса загустеет, добавить 2 желтка, стакан песка, полпачки масла и еще раз, размешивая, прокипятить. Полуостывшим заварным кремом и смазать все 6 коржей).

С наступающим Новым годом, милые хозяйюшки! Пусть никогда не угаснут ваша фантазия и ваше желание творить во всем, за что бы вы ни брались. Дарите своим близким и друзьям радость и удовольствие и делайте это с доброй улыбкой!

Приятного аппетита!

Ваш Поваренок

* * *
Я на суженого гадала,
Я кольцо на блюде кидала,
И лихая нечистая сила
Над землею в экстазе носилась.
Трепетали кокетливо ели
В кисее январской метели
Под Рождественские морозы,
Подтверждающие прогнозы.
И глухим рыданьем рояля
Отзывалась электричка,
А на Млечном Пути стояли
Две хрустальные черевички.

* * *
Ах, зачем эти старые раны
мы с тобой опрометчиво вскрыли?
Нюют плечи, стесненные рамой,
мастихинов, подрезаны крылья.
Не галантен рассеянный вечер
и стыдлив в одеянье неброском...
И дрожаще возносятся свечи,
точно руки Венеры Милосской.

* * *
Мне тебя не понять, не обнять —
мы с тобой почти не знакомы...
Может, прячет ажурная прядь
сход в гробницу Тутанхамона.
Лишь тоска —
как по горлу лезвие...
Это чувство —
всегда вне закона.
О неведомая болезнь моя! —
как проклятие фараонов.

* * *
Готические губы.
Ночь.
Луна.
Под сводами бровей —
Иконостас
из глаз.
Стою и верую,
изверившись
сто раз,
в тебя,
черемуху,
цветущую сейчас.
Желанная.
Вся в белом
как свеча.
Слегка коснулась твоего плеча.

Любимый мой,
я также горяча.
Мы будем просыпаться по ночам.
Мы будем осыпаться,
как цветы!
Все кончится еще до темноты!
Вложили бубен
в руки
палача.

* * *

Память моя живая,
смилуйся и прости:
я за собой сжигаю
бездны,
а не мосты.
С грустью перебираю
письма в своем столе.
Боже! —
не понимаю —
или прошло

сто

лет?

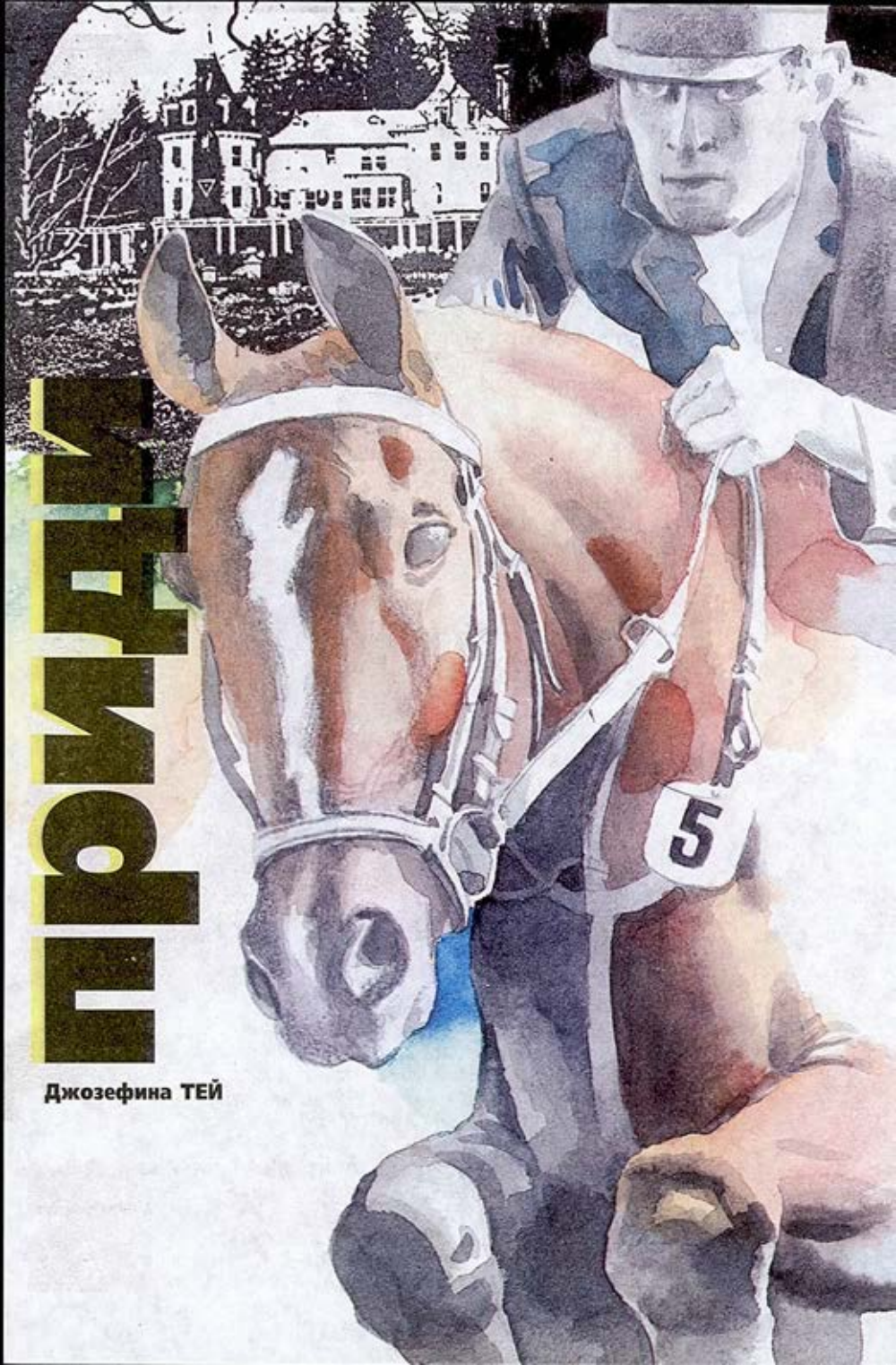
Наши мечты —
заплаты
на лоскутах дней.
В кельях

закатов

пламя седых огней.
В месте безлюдном самом,
что это —
Божий дар?!
Я на песке замок,
ты мой Земной —
шар!

* * *

И червь без разбору подводит под жизнь
черту.
Сумрак метели — он белый.
Он сводит с ума.
Снова ты карту выбрал не ту.
Смерть тасовала колоду сама.
Снова без слова оставят нас боги.
В небе погаснут бенгальские звезды.
Свалят на землю зарю лесорубы.
И почернеют березы.
Синий троллейбус примчится без стекол.
Седла останутся.
Кони погибнут.
Вверх упадет окровавленный сокол...
Хватит!..
Напишем же реквием гимнам!

ГОНКИ

Джозефина ТЕЙ

иллюстрация Алексея Остроменцкого

ВНЕШНИЙ МЕНЯ

Глава 1

— Тетя Би, а кто был хитромудрее — Ной или Одиссей? — спросила Джейн и изо всех сил подула на свой суп.

— Не ешь с узкого конца ложки, Джейн.

— У меня макароны обратно в тарелку сваливаются, когда я держу ложку боком.

— Рут же как-то с этим справляется.

Джейн посмотрела через стол на свою сестру-близнеца, которая ловко и с удовольствием орудовала ложкой.

— Она умеет всасывать сильнее, чем я.

— У тети Би лицо, как у очень дорогой кошки, — заметила Рут, искоса взглянув на тету.

Би подумала, что это чрезвычайно удачное определение, но ей не нравилось, когда Рут пыталась быть оригинальной.

— Так кто же был более хитромудрее? — домогалась Джейн, никогда не сходявшая с тропинки, на которую однажды ступила.

— Более хитроумным, — поправила Рут.

— Ной или Одиссей? Саймон, как ты думаешь, который?

— Одиссей, — ответил брат, не поднимая взгляда от газеты.

— Почему, Саймон? Почему Одиссей?

— У него не было таких благоприятных метеорологических условий, как у Ноя.

“О Боже, — подумала Би, — есть же, наверное, где-то на свете семьи, в которых во время еды нормально беседуют, но я не знаю, как им это удается. Наверное, все-таки я была недостаточной требовательной”.

Она посмотрела на три склоненные над столом головы и на все еще пустующее место Элеанор и задала себе вопрос, правильно ли она с ними поступала? Были бы Билл и Нора довольны тем, как она воспитала их детей? Если бы произошло чудо, и они сейчас вошли, молодые, красивые и радостные — такие, какими она видела их в последний раз накануне их смерти, — сказали бы они: “Да, мы именно так себе их и представляли; даже этого маленького оборванца Джейн?”

Глаза Би засияли улыбкой, когда ее взгляд остановился на Джейн.

Близняшкам шел десятый год, и они были совершенно одинаковые. То есть одинаковые в смысле внешности. Несмотря на их внешнее сходство, никогда не возникало ни малейшего сомнения, кто из них — Джейн, а кто — Рут. Одинаковые прямые светлые волосы, одинаковые маленькие лица и бледная кожа, одинаковый искренний, прямой, вызывающий взгляд; но на этом сходство кончалось. Джейн носила грязноватые бриджи и шерстяной растянутый свитер с фестонами свисающих ниток. Волосы зачесаны назад без единого взгляда в зеркало и небрежно стянуты заколкой, настолько вытертой, что к ней вернулся первоначальный стальной цвет, как это обычно бывает со старыми заколками. Джейн страдала слабым астигматизмом и в присутствии официальных лиц носила очки в роговой оправе.

Зато Рут была одета в розовое ситцевое платье, такое же свежее, как и утром, когда она села на свой велосипед, чтобы поехать в приходскую школу. К тому же она где-то нашла розовую ленту и перевязала спадающие с двух сторон волосы на макушке.

“Восемь лет”, — думала Би. Восемь лет обдумывания, забот и планирования. Через шесть недель ее правление закончится. Через месяц с небольшим Саймону исполнится двадцать один год, и он унаследует имение своей матери, — кончатся годы бедности. Семья Эшби никогда не имела большого состояния, но пока ее брат был жив, хватало денег на то, чтобы содержать имение Лэтчетт — дом и три

фермы, входившие в его состав, — на соответствующем уровне. Только его внезапная смерть привела к тому, что последние восемь лет прошли почти в бедности. И только решительность Би привела к тому, что деньги ее золовки в нетрунотом состоянии должен был унаследовать ее сын. Они не брали займы даже в расчете на это наследство в будущем. С согласия мистера Сэндала из юридической фирмы “Коссет, Тринг и Ноубл”. “Имение Лэтчетт должно само зарабатывать на свое содержание”, — говорила Би.

— Что-то Элеанор задерживается, да? — с беспокойством заметила она.

— С кем она поехала — с Ла Парслоу? — поинтересовался Саймон.

— Да, с этой девушкой.

Саймон встал, чтобы собрать тарелки из-под супа и подать второе блюдо, которое стояло на буфете, и Би приглядывалась к нему с одобрением. По крайней мере, ей удалось не испортить Саймона, а это, принимая во внимание его обаяние и самолюбие, уже было немалым достижением. Саймон обычно производил впечатление симпатичного и покладистого, и все без исключения впадали в это заблуждение. Би наблюдала за ним со смешанным чувством изумления и невольного обожания. Она чувствовала, что, если бы сама была наделена хоть малой частицей того особого шарма, каким обладал Саймон, скорее всего и она применяла бы его в свою пользу, именно так, как и делал Саймон.

— А хорошо бы было, если бы на торжестве совершеннолетия в церемонии принимал участие кто-нибудь вроде свидетелей, как на свадьбе, — произнесла Рут, капризно ковыряя вилкой в тарелке.

Ее замечание осталось без ответа, потому что в комнату вошла Элеанор и, как обычно, не говоря ни слова, взяла себе еду с буфета.

— Фу! — возмутилась Рут. — Ужасно пахнет конюшней!

— Ты опоздала, Нелл, в чем дело? — спросила Би.

— Она никогда не научится ездить верхом. Она даже не умеет приподниматься в седле.

— Должно быть, психом невозможно обучить ездить верхом, — предположила Рут.

— Рут! — энергично запротестовала Би. — Ученики интерната в поместье — вовсе не психи. Они даже не умственно отсталые. Они просто “трудные”.

— Научное определение звучит как “плохо приспособленные”, — добавил Саймон.

— Хорошо, они ведут себя как психи. Если кто-то ведет себя как псих, то почему нельзя называть его психом?

Над столом, за которым обедала семья Эшби, повисло молчание. Элеанор ела быстро и была полностью поглощена едой, не поднимая взгляда от тарелки. Саймон вынул карандаш и принялся делать заметки на полях газеты, подсчитывая шансы выигрыша отдельных лошадей в скачках. Рут, которая в доме пастора стащила три бисквита из жестяной банки на буфете и съела их в ванной, сделала из остатков еды на тарелке замок и облила его соусом. Джейн ела с огромным удовольствием. А Би сидела, вглядываясь в вид за окном. Пейзаж в своем сиянии и покое казался чудом.

Прекрасное наследство, прекрасное, богатое наследство. Она надеялась, что у Саймона все будет хорошо. Бывали минуты, когда она... нет, не боялась — просто задумывалась. Саймон — человек слишком сложный, характер изменчивый, как ртуть, не слишком подходил наследнику поместья. Из всех окрестных имений только Лэтчетт оставался домом хозяев, и Би надеялась, что на протяжении ближайших веков оно так и останется убежищем рода Эшби. Светловолосых, узколицих, миниатюрных Эшби — таких, как те, кто сейчас собрался вокруг стола.

— Джейн, тебе обязательно надо расплескивать компот?

— Я не люблю ревеня, нарезанный кусочками, тетя Би, мне он нравится в протертом виде.

— Саймон, дорогой, займись, пожалуйста, десертом.

Может быть, это поместье спасла его простота, когда нет никаких претензий и притязаний. С другой стороны долины, в Клэр, стоял в парке длинный белый дом, полный королевского очарования, но там уже не жили Ледингхэмы. Эта семья разглагольствовала свои таланты и богатства, используя Клэр как фон, источник дохода, декорацию, убежище, но не как дом. Столетиями они триумфально шествовали по свету как проконсулы, открыватели, придворные шуты, повесы и бунтовщики, а поместье Клэр обеспечивало им эту экстравагантность. Сейчас о них напоминали только портреты. А большой дом в парке стал школой-интернатом для неуправляемых детей, чьи родители имели прогрессивные взгляды и большие банковские счета.

Но семья Эшби осталась в Лэтчетт.

Глава 2

Пока Би наливала кофе, близнецы исчезли, занятые собственными делами, этот день был для них наполовину праздничным. Элеанор поспешно выпила свою чашку и вернулась в конюшню.

— Сегодня после обеда тебе нужна машина? — спросил Саймон. — Я хочу посмотреть в "Эмпайр" новую картину Джун Кей.

Обезоруживающая искренность этих слов удовлетворила бы кого угодно, кроме Беатрис Эшби, которой хорошо был известен метод племянника: он бросал один мяч, чтобы отвлечь внимание от другого.

— Тебе что-нибудь привезти?

— Если у тебя будет время, купи, пожалуйста, новое расписание автобусов. Элеанор сказала, что есть новый автобус в Клэр через Гессгейт.

— Би, — послышался голос из холла. — Ты там, Би?

— Миссис Пек! — Саймон встал и пошел встретить ее.

— Входи же, Нэнси! — позвала Би. — Иди сюда, выпьем вместе кофе. Все остальные уже пили.

Жена пастора вошла в комнату, поставила пустую корзинку на буфет и села с довольным вздохом.

Когда люди упоминали фамилию миссис Пек, они тут же уточняли: "Знаешь, это бывшая Нэнси Ледингхэм, та самая...", хотя прошло уже десять лет с тех пор, когда она, к изумлению высших светских кругов, вышла замуж за Джорджа Пека и похоронила себя в деревенском приходе. Нэнси Ледингхэм тогда была чуть ли не национальным достоянием и отличалась той несомненной, безмятежной красотой, которая обезоруживает самых злобных сплетников.

А потом совершенно неожиданно — между одной сплетней и другой, если можно так выразиться, она вышла замуж за Джорджа Пека. Потрясенная пресса начала рассуждать о романтической любви, но Джордж разрушил эту надежду. Это был высокий, худой мужчина с лицом очень умной и довольно милой обезьяны. Кроме того, как выразился редактор рубрики "Клэриона", посвященной светской жизни: "Пастор! Вот это дела! Да я бы смог извлечь больше романтики из бетономешалки!"

Итак, общественность позволила ей погрузиться в избранное ею забвение. Тетка Нэнси, которая несла ответственность за ее светскую карьеру, лишила ее наследства. Отец умер в долгах и в печали. А их старый дом, большой белый дом в парке, превратили в школу.

Но после тринадцати лет жизни в доме священника Нэнси Пек по-прежнему была безмятежной и, несомненно, прекрасной, и люди по-прежнему говорили: "Знаешь, это та самая Нэнси Ледингхэм".

— Я пришла за яйцами, — сказала она, — но не спешу. Какое счастье — сидеть и ничего не делать!

Би взглянула на нее с улыбкой.

— Какое у тебя милое лицо, Би.

— Спасибо. Рут говорит, что у меня лицо дорогого кота. Как продвигается подготовка к вашему торжеству?

— Текст приглашений не сегодня-завтра отправим в типографию. Обед для самых близких людей будет здесь. А танцы для всех остальных — в амбаре. Кстати, какой сейчас адрес у Алека?

— Я не могу вот так сразу припомнить последний его адрес. Надо будет поискать, ведь почти на каждом его письме — другой адрес. Я предполагаю, что его вышвыривают из квартир каждый раз, когда он перестает платить за жилье. Разумеется, он редко пишет. Так и не смог простить мне, что я не вышла замуж по расчету, чтобы иметь возможность содержать своего единственного брата на том уровне, к которому он привык.

— Он по-прежнему играет в театре?

— Не знаю. У него была какая-то роль в глупой комедии в "Савое", но спектакль шел всего несколько недель. Роли его весьма ограничены из-за характерной внешности.

— Я тоже так думаю.

— Никто не в состоянии превратить Алека в полное ничтожество так, как это делает сам Алек. Ты даже не знаешь, Би, какое счастье иметь дело с семьей Эшби. В этой семье довольно редко рождаются шалопаи.

— У нас был Уолтер.

— Исключение из правил. Что с ним случилось?

— Он умер.

— Упокоился со святым духом?

— Нет, среди запаха карболки. Насколько мне известно, в приюте.

— Знаешь, Уолтер был неплохим человеком. Только слишком любил выпить, а голова у него была слабая. Но уж если шалопаем оказывается кто-то из Ледингхэмов, то он превращается в настоящего злодея.

Они сидели рядом в уютной тишине и размышляли о своих семьях. Би была на несколько лет старше своей подруги, но дети Ледингхэмов приходили в Лэтчетт как в свой дом, так же хорошо знакомый им, как поместье Клэр было знакомо детям Эшби.

— В последнее время я часто думала о Билле и Норе, — произнесла Нэнси. — Как бы они сейчас радовались!

— Да, — задумчиво подтвердила Би, вглядываясь в окно. У нее перед глазами был этот же вид, когда она узнала о том, что случилось. В день, очень похожий на этот, и в эту же пору года. Стоя тогда у окна, она думала о том, как прекрасен окружающий пейзаж, и размышляла, будет ли Нора выглядеть более посвежевшей: она очень исхудала после рождения близняшек. Би надеялась, что хорошо справилась со своими обязанностями, заменяя им мать, но уже радовалась, что на завтра сможет вернуться к собственной жизни в Лондоне.

Близняшки уже спали, а старшие дети наверху готовились к встрече родителей и праздничному ужину, на который им разрешили остаться вместе со взрослыми. Примерно через полчаса автомобиль вынырнет из липовой аллеи и остановится перед

дверью. Из него выйдут Нора и Билл, будет много волнения, смеха, объятий, радости и, конечно, подарков.

Она машинально включила радио и, почти не осознавая, услышала: "Самолет в два часа дня вылетевший из Парижа в Лондон, — произносил бесстрастный голос, — с девятью пассажирами и тремя членами экипажа разбился, миновав побережье Кента. Никого не осталось в живых".

Да. В живых никого не осталось.

— Они так любили детей, — продолжала Нэнси. — Я много думаю о них сейчас, когда Саймон вот-вот станет совершеннолетним.

— А я думаю о Патрике.

— О Патрике? — повторила Нэнси. — О да, конечно. Бедный Пат.

Би с любопытством взглянула на нее.

— Ты, должно быть, уже почти забыла о нем?

— Это было так давно, Би. Мне кажется, что человеческая память избавляется от вещей, помнить которые не в силах. Билл и Нора — это было страшно, но такое с людьми случается. То есть, я имею в виду, риск — одна из составных частей человеческой жизни. Но то, что случилось с Патом, — совсем другое. — Она с минуту помолчала. — Я так глубоко похоронила его в своей памяти, что даже не помню, как он выглядел. Они с Саймоном были так же похожи, как Рут и Джейн?

— О нет! Но странная вещь — при внешнем несходстве они были друг другу ближе, чем Рут и Джейн.

— Саймон, видимо, уже со всем этим справился. Как ты думаешь, он вспоминает Патрика хоть иногда?

— В последнее время довольно часто.

— Да. Но от тринадцати до двадцати одного года — дорога длинная. За такое время, пожалуй, даже образ брата-близнеца стирается в памяти.

Би задумалась. Насколько стерся в ее памяти образ серьезного, доброго мальчика, который должен был в будущем месяце получить в наследство имение Лэтчетт?

Она попробовала представить его лицо, но видела только размазанное пятно. Он был невысоким и выглядел моложе своих лет, а в остальном — типичный Эшби. В памяти остались лишь семейные черты, а не индивидуальные. Все, что она помнила, — его серьезность и доброта. Доброту не часто встретишь у маленьких мальчиков.

Саймон умел быть великодушно щедрым, когда ему это ничего не стоило. Но Патрик был добр той внутренней добротой, которая не только дает, но и умеет отказывать.

— Я все еще размышляю, — грустно сказала Би, — правильно ли мы сделали, согласившись, чтобы тело, найденное на побережье возле Кастлтона, похоронили там. Это были похороны бедняка.

— Би, дорогая! Тело лежало много месяцев в воде, правда? Не удалось даже установить пол. Кастлтон так далеко. И там хоронят всех, кто утонул в Атлантике. То есть всех, чьи тела были выловлены поблизости. Не имеет смысла продолжать мучиться... и думать о том... — ее полный отчаяния голос замер в тишине.

— Нет, конечно, нет! — быстро ответила Би. — Мне просто грустно. Выпьешь еще кофе?

Наливая кофе, Би решила, что когда Нэнси уйдет, она вытащит из ящика в своем письменном столе и сожжет эту жалкую записку от Патрика. Ужасно хранить ее столько лет, но Би не хватало смелости порвать эту записку, потому что она казалась ей частью Патрика. Конечно, это абсурд. Она была частью его не

больше, чем отчаяние, которое переполняло его, когда он написал: "Простите, но я не могу больше выносить это. Не сердитесь на меня. Патрик". Она вынет записку из ящичка и сожжет. Разумеется, это не сотрет из ее памяти содержания записки. И как похоже на Патрика — просить прощения за то, что лишает себя жизни.

Нэнси, следя за лицом подруги, утешительно произнесла:

— Знаешь, говорят, что если человек прыгает с большой высоты, то почти мгновенно теряет сознание.

— Не думаю, что так было в его случае, Нэн.

— Нет! — Нэнси была потрясена. — Ведь там нашли записку. То есть куртку с запиской в кармане. На вершине скалы.

— Да, но возле тропинки. Возле тропинки, ведущей вдоль ущелья к берегу.

— И что же ты думаешь?

— Я думаю, он уплыл.

— Ты хочешь сказать, он уплыл так далеко, что уже не смог вернуться?

— Да. Когда я заменяла Билла и Нору во время их отпуска, мы с детьми несколько раз ходили к этому ущелью — плавали, устраивали пикники. И однажды, когда мы там были, Патрик сказал, что самая лучшая смерть — это заплыть так далеко, чтобы от усталости уже невозможно было вернуться обратно. Такое, понимаешь, теоретическое рассуждение на чисто академическом уровне. — Она немного помолчала, а потом высказала то, что годами мучило ее в ночных кошмарах: — Я всегда боялась, что он мог передумать, уже когда было слишком поздно, чтобы повернуть обратно.

— Ох, Би, нет!

Би искоса взглянула на прекрасное, взволнованное лицо Нэнси.

— Я знаю, это ужасно. Забудь о том, что я сказала.

— Не понимаю, как я могла об этом забыть, — задумчиво ответила Нэнси.

— Я думаю, многие почти забыли, что у Саймона был брат-близнец, — словно оправдываясь, произнесла Би. — И что он не всегда был наследником. Разумеется, никто не вспоминал при мне Патрика с тех пор, как начались разговоры о подготовке к празднованию совершеннолетия Саймона.

— Почему Патрик чувствовал себя настолько безутешным после смерти родителей?

— Я не знала, что с ним происходит. Никто из нас не знал. Конечно, все дети были вне себя от горя, они буквально заболели. Но все более-менее одинаково. Патрик скорее казался ошеломленным, нежели безутешным. Я помню, как он сказал: "Это значит, что Лэтчетт сейчас принадлежит мне?" Он произнес эти слова таким тоном, словно это было нечто странное, непонятное. Внезапное чувство сиротства и тяжесть ответственности за Лэтчетт на плечах. Это было слишком для него, он почувствовал себя настолько несчастным, что... ушел.

— Бедный Пат. Бедный мальчик!

— Пойдем, выберем яйца. Ты не забудешь найти для меня адрес Алека? Все члены семьи Ледингхэмов должны получить приглашения.

— Не забуду. Поищу адрес, как только вернусь домой, и позвоню. Твоя новая служанка-кретинка в состоянии поднять трубку и записать его?

— Более-менее.

— Постараюсь не произносить лишних слов. Ты не забудешь, что его сценический псевдоним — Алек Лодинг? Интересно, приедет ли он. Жизнь в деревне не привлекает Алека, но совершеннолетие одного из Эшби — это событие, которое, несомненно, его заинтересует.

Глава 3

Алек Лодинг действительно заинтересовался совершеннолетием одного из Эшби, но в основном по той причине, что хотел раздуть это событие до необычайных размеров. В этот момент он был поглощен занятием, напоминающим дерганье за кончики ниток.

Алек находился в заднем зале ресторана, перед ним на столе стояли остатки ланча, а напротив него сидел молодой человек. Его можно было бы назвать юношей, почти мальчиком, если бы не выдержка и спокойствие — черты, которые обычно не характерны для людей такого возраста. Лодинг налил себе кофе и всыпал в чашку довольно много сахара. Время от времени он поглядывал на своего соседа по столу, который вращал почти пустой стакан с пивом по столу. Это движение было настолько медленным, что трудно было бы назвать его нервным.

— Ну и что? — наконец спросил Лодинг.

— Нет.

Лодинг глотнул кофе.

— Вы слишком щепетильны?

— Я — не актер.

Что-то в этой бесстрастно произнесенной фразе задело самолюбие Лодинга, и он слегка покраснел.

— Никто не требует от вас демонстрировать чувства, если это вас волнует. Вам не придется симулировать сыновнюю любовь. Только полная уважения привязанность к тетушке, с которой вы не виделись почти десять лет.

— Нет.

— Послушайте, вы, юный идиот, я предоставляю вам огромное состояние!

— Половину этого состояния. И вы ничего мне не предоставляете.

— Если я не предоставляю вам его, то что же я делаю?

— Предлагаете, — ответил молодой человек, не отрывая взгляда от стакана с пивом.

— Хорошо, пусть предлагаю, давайте употребим вашу варварскую идиому. И что плохого вы видите в этом предложении?

— Это — чистое безумие.

— Недавно один актер среди бела дня и в присутствии множества людей выдал себя за знаменитого генерала — и ему удалось.

— Это совсем другое дело.

— Согласен, другое. Никто не требует от вас выдавать себя за кого-то другого. Вам просто надо быть самим собой. Это намного легче.

— Нет, — упрямо повторил молодой человек.

Лодинг с явным усилием попытался сдержать раздражение.

— Боже мой! — вдруг воскликнул он. — Ваши зубы!

Молодой человек впервые поднял глаза и с интересом взглянул на Лодинга.

— А что такого с моими зубами?

— Сейчас по зубам идентифицируют людей. Каждый дантист ведет записи. Интересно, к какому врачу ходили дети? С этим надо будет что-нибудь сделать. Ваши передние зубы — настоящие?

— Два средних — искусственные. Мои собственные выбили.

— Они ездили к кому-то в город, это я помню. Два раза в год устраивались поездки к зубному врачу в Лондон: одна перед Рождеством, а вторая — летом. С утра они шли к дантисту, а вечером куда-нибудь развлекаться: зимой — на пантомиму, летом — на соревнования в "Олимпиаду". Кстати, такие вещи вы должны будете знать.

— Да?

Спокойно произнесенное слово привело Лодинга в ярость.

— Послушайте, Фаррар, чего вы боитесь? Какой-то особой приметы? Я много раз купался голым в его компании, у него не было даже ни одной родинки. Он был совершенно обыкновенным, дюжины таких, как он, можно найти в любой начальной школе в Англии. Вы сейчас больше напоминаете его брата, чем тот ребенок напоминал его, хотя они были близнецами. Говорю вам, я сначала подумал, что вы действительно молодой Эшби. Этого вам достаточно? Вы поселитесь у меня на две недели, и к концу срока будете все знать о деревне Клэр и ее жителях. То же самое о Лэтчетт. Вы будете знать все о семье Эшби. Кстати, вы умеете плавать?

Молодой человек утвердительно кивнул. Он опять вращал свой стакан с пивом.

— Хорошо плаваете?

— Да.

— Неужели вы никогда не отвечаете полными предложениями?

— Нет, если это не нужно.

— Тот мальчик плавал в воде как рыба. Остаются еще уши. Ваши уши выглядят довольно обычно, и, насколько я помню, у него были такие же. Каждый человек, прошедший школу жизни, запоминает форму ушей. Надо будет просмотреть его фотографии. Снимки анфас значения не имеют, но на фото в профиль можно заметить разницу в форме ушей. Думаю, надо будет съездить в Клэр и поискать.

— Не стоит ради меня так беспокоиться.

Лодинг с минуту молчал, а потом спокойно спросил:

— Ответьте мне, пожалуйста, вы вообще-то поверили в историю, которую я вам рассказал? Верите ли вы в то, что я — тот, за кого себя выдаю, что я действительно родился в деревне под названием Клэр, где живет человек, являющийся практически вашим двойником? Верите ли вы в это? Или вы думаете, что я просто пытаюсь заманить вас к себе домой?

— Нет, я так не думаю.

— Спасибо хотя бы за это, — произнес Лодинг, подняв брови. — Вы верите, что похожи на молодого Эшби настолько, как я говорю?

На протяжении целого оборота стакана царило молчание.

— Сомневаюсь.

— Почему?

— Вы говорили, что уже давно его не видели.

— Но вам не надо быть молодым Эшби, только чуть походить на него. И, поверьте, вы очень похожи! Я сам не поверил бы, если бы не видел это собственными глазами. Мне казалось, что подобные истории случаются только в романах. А для вас это означает кучу денег, надо только протянуть руку и взять их.

— О нет!

— Я употребил метафору. Вы отдаете себе отчет в том, что вся ваша история, кроме первого года или чуть более длительного времени, будет правдой? Это будет подлинная история, которая выдержит любые проверки. Не так ли?

— Да, все можно будет проверить.

— Так вот. Вам надо только сесть на корабль "Айра Джонс" в Вестауэре, вместо того чтобы поехать на экскурсию в Дьепп, — и вуаля!

— Откуда вам известно, что в то время в Вестауэре находился корабль "Айра Джонс"?

— "В то время!" Хорошенького же вы обо мне мнения! Корабль с таким отвратительным названием стоял в порту Вестауэра в тот день, когда исчез мальчик. Я знаю

об этом, потому что малевал его. На полотне, разумеется, а не на палубе. И это старое корыто отплыло раньше, чем я закончил картину. Корабль поплыл к островам Нормандии. Все корабли, которые я рисовал, уплывали раньше, чем я успевал закончить картину. Все в ваших руках, Фаррар.

— В моих руках нет ничего, кроме салфетки.

— Куча денег. Очаровательное маленькое поместье. Безопасность. Покой...

— Вы сказали "безопасность"?

— Сначала, конечно, придется немного рискнуть, — вкрадчиво произнес Лодинг. Светлые глаза юноши смотрели на него с легкой издевкой.

— А вам не приходило в голову, мистер Лодинг, что это вы рискуете?

— Я?

— Вы предлагаете мне возможность самого захватывающего обмана, о каком я когда-либо слышал. И вот представьте себе: я принимаю ваше предложение, беру у вас уроки, сдаю экзамен — а потом о вас забываю. И ничего вы со мной не сделаете.

— Я думаю, что тот, кто выглядит, как Эшби, не может быть обманщиком. Эти люди — чудовищное воплощение порядочности.

Молодой человек отодвинул стакан.

— Вот, должно быть, почему мне не нравится идея стать обманщиком. Благодаря вам за ланч, мистер Лодинг. Если бы я знал, какие у вас относительно меня намерения, я бы не...

— Хорошо, хорошо. Не извиняйтесь. И не убегайте, выйдем отсюда вместе. Вам не нравится мое предложение? Хорошо, пусть будет так. Но вы, с другой стороны, очень меня заинтересовали. Я глаз от вас не могу оторвать, мне не верится, что в мире существует что-то настолько уникальное. А поскольку вы уверены в том, что мое неуместное предложение не носит личного характера, я не вижу никаких препятствий тому, чтобы мы вместе дошли до метро. — Лодинг оплатил их ланч и, когда они выходили из ресторана, добавил: — Я не спрашиваю, где вы живете, чтобы вы не подумали, будто я собираюсь следить за вами. Но я дам вам свой адрес в надежде, что вы зайдете ко мне поболтать. Нет, не о моем предложении. Если оно вам не нравится, с таким вашим настроением ничего бы и не вышло. Дело вовсе не в этом. У меня в доме есть кое-что, что могло бы вас заинтересовать.

Когда после смерти отца продали наш старый дом, Нэнси запаковала все мои личные вещи и прислала мне. Полный сундук мусора, выбросить который у меня как-то руки не дошли, а большинство из всего этого — фотографии друзей моей молодости. Вам может быть интересно. — Он искоса взглянул на замкнутое лицо своего попутчика. — Скажите, вы играете в карты?

— Не с незнакомцами, — вежливо ответил молодой человек.

— Я просто раздумывал... Мне раньше не доводилось встречать людей с идеальным лицом игрока в покер. Жаль, если такое лицо принадлежит истинному пуританину. Пожалуйста, вот мой адрес. Если я вдруг перееду отсюда, меня всегда можно найти в "Прожекторе". В самом деле очень жаль, что я не смог вам продать идею стать одним из Эшби. Из вас мог бы получиться великолепный хозяин поместья Лэтчетт.

— О! — Молодой человек никак не отреагировал, еще немного постоял, а потом ушел.

Лодинг смотрел, как он, слегка прихрамывая, переходит улицу. "Чего-то я не учел, — думал старый актер. — Была приманка, на которую он мог бы клюнуть, а я этот шанс прозевал. Ну что ж... Может, он придет взглянуть на фото своего двойника".

Глава 4

Молодой человек лежал на кровати в темноте, полностью одетый, и всматривался в потолок.

Сегодняшняя встреча взволновала его. Кажется, где-то есть другой парень, настолько похожий на него, что их можно перепутать. Это наиболее удивительная вещь, какая с ним случилась за двадцать один год его жизни, когда актер остановил его на улице словами: "Привет, Саймон! — И тут же извинился: — Ах, простите! Я думал, что вы — мой приятель..."

— Я могу вам чем-то помочь? — наконец спросил юноша, потому что странный человек не двигался с места.

— Да. Вы могли бы пойти со мной на ланч.

— Почему?

— Потому что сейчас — время ланча, а за вашей спиной находится мой любимый кабачок.

— Но почему вы меня приглашаете?

— Потому что вы поразительно похожи на моего друга. Кстати, моя фамилия Лодинг. Алек Лодинг. Я играю плохую роль в плохом фарсе в очень плохом старом театре вон там. — Он указал движением головы на здание на противоположной стороне улицы. — Хотя профсоюз актеров, да благословит его Бог, назначил минимальную плату за мои труды, она все же лучше, чем моя роль. Не будете ли вы так любезны сказать мне свою фамилию?

— Фаррар.

— Фаррелл?

— Нет. Фаррар.

— О! — Взгляд Лодинга по-прежнему оставался изумленным и внимательным. — Давно ли вы вернулись в Англию?

— Откуда вы знаете, что я уезжал?

— Ваша одежда, молодой человек. Одежда — один из элементов моей профессии. Я столько раз переодевался для разных ролей, что хорошо узнаю работу американских портных. Даже этот чудесный консервативный стиль, который так вам к лицу.

— А почему вы думаете, что я — не американец?

В ответ на эти слова Лодинг широко улыбнулся.

— Это — извечная тайна англичан. Пойдемте на ланч, и там все спокойно обсудим.

И они пошли в ресторан. Странный мужчина оказался человеком разговорчивым и обаятельным. Но в его живых, припухших глазах постоянно мерцала искорка то ли изумления, то ли недоверия. Этот взгляд был более красноречив, нежели самые его цветистые аргументы. Должно быть, он, Брэт Фаррар, и в самом деле очень похож на другого человека, если вызывает в чужих глазах недоверчивое изумление.

Брэт лежал на кровати и размышлял об этом. Ему очень хотелось увидеть своего двойника — молодого Эшби. Красивая фамилия — хорошая английская фамилия. Еще хотелось увидеть Лэтчетт, где его двойник рос в семейном уюте в то время, когда он слонялся по свету — от выхода из сиротского приюта и до встречи на лондонской улице.

Приют для сирот... Это не вина приюта, что он везде чувствовал себя чужим. Там было очень хорошо, намного лучше, нежели в некоторых семьях, которые он потом видел. Дети любили приют, плакали, когда уходили оттуда, приезжали в гости и присылали взносы, приглашали персонал на свои свадьбы и потом привозили своих де-

тей, чтобы показать их матери-настоятельница. Не было такого дня, чтобы кто-то из бывших воспитанников или воспитанниц не постучался в парадную дверь приюта. Так почему же ему было там плохо?

Потому, что к нему никто и никогда не приходил, что он никогда не получал никаких посылок, писем или приглашений? Но его воспитывали мудро, старались утвердить чувство собственного достоинства. Настоятельница нашла его на крыльце и забрала, а потом постаралась, чтобы он узнал, каким ухоженным и нарядным его нашли. Она выбрала ему имя и фамилию с помощью телефонного справочника и булавки. Булавка остановилась на фамилии Фаррелл, которая ей очень понравилась.

Относительно того, как его назвать, не было никаких сомнений, потому что нашли его на пороге приюта в день святого Бэртоломео. Сначала его называли Бэрт. Но старшие дети изменили это имя на прозвище Брэт, и потом даже взрослые употребляли его. Это прозвище сопровождало его до самой средней школы.

Средняя школа. Почему и там он чувствовал себя чужим?

Потому что был немного иначе одет? Наверняка нет. В детские годы он не был слишком впечатлительным, скорее равнодушным. Потому что получал стипендию? Но половина класса тоже получала стипендию. Почему же он решил, что школа — не для него? Решил настолько твердо и по-взрослому, что все аргументы настоятельницы разбились о стену его молчания, и в конце концов ему разрешили пойти работать.

Конечно, не было тайной то, что ему не нравилась работа. До офиса было пятьдесят миль, и, поскольку он не мог за свою заработную плату оплачивать нормальное жилье, ему пришлось жить в местном приюте для юношей. Он недооценивал приют своего детства до тех пор, пока не вкусил жизни на новом месте. Он бы мог еще вытерпеть либо нелюбимую работу, либо нелюбимое жилье, но не то и другое одновременно. Причем из двух зол работа оказалась намного худшим. Работа, правда, нетрудная, спокойная, и имелись некоторые перспективы карьеры, хотя и отдаленные, но для него это было, как тюрьма. Он постоянно ощущал течение времени, которое тратил напрасно.

Распрощался с нелюбимой работой Брэт почти случайно и наверняка неумышленно. "ОДНОДНЕВНАЯ ЭКСКУРСИЯ В ДЬЕПП" — прочел он в объявлении, прилепленном к стеклу витрины газетного киоска. Цена, выписанная большими красными цифрами, почти до последней монетки повторяла сумму его сбережений. Он бы не прореагировал на это объявление, если бы не похороны старого мистера Хендрена. Мистер Хендрен был заслуженным работником фирмы, и день его похорон в знак уважения к нему объявили нерабочим. Итак, с недельным заработком в кармане, имея впереди целый свободный день, он забрал свои сбережения и поплыл "за границу". Мысль остаться пришла ему в голову только тогда, когда он уже стал собираться домой, и эта невероятная идея полностью захватила его.

Грузовик, ехавший из порта, оказался для него спасением. Он поднял палец, а загорелый потный парень с разбойничьей физиономией за рулем, улыбаясь, принял этот международный жест, притормозил... И вся прежняя жизнь Брэта осталась позади.

Он намеревался остаться и работать во Франции. Размышлял об этом во время длинного путешествия в Гавр, когда жестов было недостаточно, а жаргон водителя оказался непонятным. Его просветил случайный знакомый в бистро в Гавре.

— Мой юный друг, — сказал он, взглядывая в него меланхолическими глазами спаниеля, — чтобы найти работу во Франции, недостаточно быть мужчиной. Надо еще иметь документы.

— А где не нужны документы? Я могу поехать куда угодно. — Юноша вдруг осознал себя гражданином мира.

— Бог его знает, — ответил мужчина. — Люди становятся похожими на баранов, и с каждым днем их все больше. Иди в порт и садись на корабль.

— На какой корабль?

— Неважно. У вас в Англии есть такая игра... — он сделал несколько объясняющих жестов.

— Считалка? Да. Эне, бене, раба...

— Хорошо. Иди в порт и посчитай: "Эне, бене, раба..." А когда будешь садиться на корабль "раба", смотри, чтобы никто тебя не увидел. На кораблях прямо мания какая-то — проверять документы.

"Раба" — это был "Бартфлер", и все обошлось без документов. Брэт оказался прямо даром небес для корабельного кока, который много лет ждал такого случая.

Добрый, старый "Бартфлер" с его грязноватым камбузом, выкрашенным в цвет светло-зеленого горошка и пропахшим запахом прогорклого масла, огромные серые волны, бьющие о борт корабля и каким-то чудом никогда не причиняющие ему вреда, кок, вусмерть напивавшийся каждый выходной, которого он должен был бесплатно заменять, обучение игре на губной гармошке, странные старинные книги. Добрый старый "Бартфлер"!

Он многое вынес с этого корабля, когда покидал его, и прежде всего — новую фамилию. Когда он представился капитану, старик Бурде принял последние двойные буквы "л" за "р" и записал его фамилию как Фаррар. Так оно и осталось. Фамилия Фаррелл возникла из телефонного справочника, а Фаррар — из ошибки капитана тральщика.

А что потом?

И Брэт нанялся поваром в ботаническую экспедицию. Он кормил ученых-ботаников, и так пропутешествовал до самых границ Нью-Мехико. Отсюда уже легко было перебраться в Штаты. Ему нравилась эта парадоксальная, великолепная, нелепая страна, но она оказалась не тем, что он искал.

Постепенно ему все меньше нравилась новая жизнь.

Брэт поработал помощником повара во время экспедиции в Ла Крус, затем поваром во время перегона скота на Снейк-Ривер. Там он открыл для себя лошадей и почувствовал, что, наконец, нашел свой дом.

Перегон скота в Санта-Клара. И открытие, что самые своенравные лошади становились не такими норовистыми, когда их объезжал этот "английский пижон".

Время, проведенное на ранчо Уилсона. Там он встретил свою первую девушку, но это и наполовину не было настолько захватывающим, как размышления о том, что сделать с "безнадежными экземплярами" из корраля.

— Ничего не остается, как перестрелять их, — сказал шеф. А когда Брэт предложил попробовать заняться этими лошадьми, он без энтузиазма процедил сквозь зубы: — Пожалуйста, но не рассчитывай, что я стану оплачивать счета из больницы. Мы ведь нанимали тебя как помощника кузнеца.

Среди этой группы "безнадежных экземпляров" он встретил своего красавца Дымка. Шеф подарил его Брэту в награду за то, что он сделал с этими когда-то неуправляемыми лошадьми.

Объездка лошадей. Это было счастье. Почти два года полного счастья.

А потом... Короткая заминка — он то ли был расслаблен жарой, то ли ослеплен солнцем. И увидел падающую гнедую спину, которая придавила его, и услышал треск ломающейся бедренной кости.

Больница в Эджмонте.

Обливаясь кровавым потом, он заново учился ходить и постепенно понял, что ногу ему вылечили, но она стала короче, и до конца своих дней он будет хромать.

Письмо от шефа, которое положило конец его прежней жизни.

Они нашли нефть. Первая скважина уже действует — меньше чем в двух сотнях ярдов от шалаша. А прилагаемый к письму чек пригодится Брэту, пока он не выздоровеет. Кстати, а что делать с Дымком?

Что было делать хромому человеку с конем на нефтяном поле?

Он плакал от тоски по Дымку, лежа в темной палате. Впервые в жизни он плакал о ком-то.

Может быть, он уже никогда не сможет объезжать лошадей, но работать на нефтяную компанию он не станет. Есть другие способы жить там, где есть лошади.

Ранчо для туристов.

Неуклюжие женщины в неподходящей одежде, так бездарно пытающиеся научиться хоть мало-мальски прилично держаться в седле, что он никак не мог понять, как же все это выдерживают измученные лошади.

Женщина, пожелавшая выйти за него замуж.

Она была вовсе не из тех женщин, которые хотят иметь "своего мужчину". Она не была ни толстой, ни глупой, ни безумно влюбленной, а очень стройной, усталой и довольно милой. И ей принадлежала земля за холмами возле ранчо. Она говорила, что займется лечением его ноги.

Единственной положительной стороной ранчо был неплохой заработок. Никогда в жизни он не имел столько денег, сколько накопил к моменту отъезда. Он собирался поехать на восток и потратить эти деньги. А потом с ним что-то произошло. Зеленые луга восточных штатов и запах весенних садов разбудили в нем тоску по Англии. Это поразило его — он вовсе не собирался возвращаться в Англию.

На протяжении нескольких беспокойных недель Брэт пытался побороть тоску — ведь это было так по-детски. Ладно, в конце концов он никогда не был в Лондоне. Поехать посмотреть Лондон — достаточно веская причина, чтобы вернуться в Англию.

А потом — эта жалкая комнатенка в Пимлико и неожиданная встреча на улице с Лодингом.

Глава 5

Мистер Сэндал из юридической конторы "Коссет, Тринг и Ноубл" завершал свою послеобеденную работу и начинал, как и каждый день, размышлять, каким поездом лучше возвращаться домой — в 16.55 или в 17.15. Это была почти единственная проблема, которая занимала его мысли. Клиентами конторы "Коссет, Тринг и Ноубл" были либо люди, которые уже сами приняли решение и объясняли своим адвокатам, что те должны сделать, либо такие, у которых не было никаких проблем. Мерное течение жизни конторы, расположенной в затененном платанами здании, никогда не ускорялось из-за неожиданных новостей или каких-нибудь несчастных случаев. Даже смерть клиента не являлась неожиданностью — нужное завещание найдется в нужной ячейке, и дела пойдут дальше своим чередом, как и следовало.

Семейные адвокаты — вот кем были "Коссет, Тринг и Ноубл". Хранители завещаний и стражи тайн.

— Больше никого не осталось, Мерсер? — спросил мистер Сэндал у клерка, проважавшего клиента к выходу.

— В приемной ждет еще один клиент, сэр. Молодой мистер Эшби.

— Эшби? Из Лэтчетт?

— Да, сэр.

— Ну хорошо, хорошо. Принесите, пожалуйста, чай.

- Да, сэр. Пожалуйста, входите, — обратился Мерсер к молодому человеку.
- А, Саймон, мой дорогой мальчик! Рад тебя видеть. Ты пришел по делу или просто так... — Его голос замер, он неуверенно всматривался в вошедшего, а его рука, которая указывала на кресло, замерла на половине жеста.
- Бо-о-же ты мой! — протянул он. — Вы — не Саймон.
- Нет. Я — не Саймон.
- Но... но вы — Эшби.
- Если вы так думаете, то для меня дело становится намного легче.
- Да? Простите, я немного растерян. Я не знал, что есть какие-то двоюродные братья с такой фамилией.
- Насколько мне известно, нет никаких двоюродных братьев.
- Нет? В таком случае, простите, которым же из Эшби вы являетесь?
- Меня зовут Патрик.
- Мистер Сэндал открывал и закрывал рот, словно золотая рыбка. Он был чрезвычайно обеспокоен и потрясен.
- Может, присядем, — предложил он наконец, указав гостю на стул, и сам упал на свой со вздохом облегчения, довольный тем, что нашлась хоть какая-то опора. — Итак, давайте выясним ситуацию, — произнес он. — Единственный Патрик Эшби умер в возрасте тринадцати лет каких-то ... сейчас... пожалуй, восемь лет назад.
- Почему вы считаете, что он умер?
- Он покончил с собой и оставил прощальную записку.
- В этой записке говорилось о самоубийстве?
- К сожалению, я не помню ее содержания.
- Я тоже не помню точно. Но помню смысл. Там было написано что-то вроде: "Я больше не могу терпеть. Не сердитесь на меня".
- Да. Вроде того.
- И где же здесь упоминание о самоубийстве?
- Разумеется, это только предположение... Можно было сделать такой вывод... Письмо нашли на скале вместе с курткой мальчика.
- Тропинкой через скалы можно напрямую пройти в порт.
- В порт? То есть вы хотите сказать...
- Это была записка беглеца, а не самоубийцы.
- Но... но куртка?
- Трудно оставить записку просто на земле. Единственный выход — положить ее в какой-нибудь карман.
- Вы серьезно утверждаете, что вы... — Патрик Эшби, и вы не покончили с собой? Молодой человек смотрел на него с непроницаемым спокойствием.
- Когда я вошел сюда, — произнес он наконец, — вы приняли меня за моего брата.
- Да. Они были близнецами. Не одинаковыми, но действительно очень... — Адвокат внезапно осознал значение собственных слов. — Боже, я действительно... Я действительно подумал, что — Саймон.
- Он некоторое время беспомощно вглядывался в молодого человека, пока не вошел Мерсер с чаем.
- Не желаете ли выпить чая? — спросил мистер Сэндал. Вопрос был чисто автоматическим — привычная реакция на поднос с чаем.
- Да, спасибо, — ответил молодой человек. — Без сахара.
- Вы, наверное, осознаете, — пробормотал мистер Сэндал почти умоляюще, — что настолько серьезное и поразительное заявление должно быть проверено? Мы не можем принять на веру ваши слова.

- Я этого и не ожидал.
- Хорошо. Очень разумно с вашей стороны. Когда-нибудь позже... возможно, мы отпразднуем это событие... ваше возвращение... Но пока мы должны осторожно отнестись к вашему появлению. Я думаю, вы меня понимаете. Молока?
- Спасибо.
- Итак, вы заявляете, что убежали. Убежали в море, насколько я понял.
- Да.
- На какой корабль?
- "Айра Джонс". Он стоял в порту Вестауэр.
- И вы там спрятались, разумеется.
- Да.
- И куда вас завез этот корабль? — Мистер Сэндал начал делать записи, чувствуя, что дела не так уж плохи, как ему показалось вначале.
- На Нормандские острова.
- Вы сошли с корабля незамеченным?
- Да.
- И что потом?
- Я сел на корабль, плывущий в Сент-Мало.
- Вы опять спрятались?
- Нет, я оплатил билет.
- Помните название этого корабля?
- Нет; это был регулярный паром.
- Понятно. И что дальше?
- Я путешествовал на автобусе. Автобусы всегда казались мне более интересными, чем старый фургон в Лэтчетт, а у меня никогда не было случая поехать на них.
- Ага. Фургон, — повторил мистер Сэндал и записал: "Помнит фургон". — А потом?
- Потом... какое-то время я был помощником в гараже гостиницы.
- Может, помните название гостиницы?
- Кажется, "Дельфин". Оттуда я через всю Францию поехал в Гавр. В Гавре я нанялся на корабль помощником кока.
- Вы помните название корабля?
- Никогда его не забуду. Он назывался "Бартфлер". Я нанялся на этот корабль под фамилией Фаррар. Ф-а-р-р-а-р. И оставался на этом корабле до его прибытия в Тампико. Оттуда перебрался на север, в Штаты. Вам написать название мест, где я работал в Штатах?
- Да, пожалуйста. Вот вам ручка... А у вас есть ... Напишите, пожалуйста, вот здесь... Спасибо. А потом вы вернулись в Англию...
- Второго числа прошлого месяца. Кораблем "Филадельфия", в качестве пассажира. Я снял комнату в Лондоне и с тех пор живу там. Я запишу вам свой адрес, вы, наверное, и это захотите проверить.
- Да. Спасибо. Да. — Мистер Сэндал испытывал странное чувство, что этот молодой человек, по делу которого он начал, что ни говори, расследование, владеет ситуацией лучше, чем он.
- Вы пытались связаться с вашей... с мисс Эшби?
- Нет, разве это так трудно? — мягко спросил молодой человек.
- Дело в том, что...
- Я не предпринимал никаких действий, чтобы связаться с моими родственниками, если вы это имеете в виду. Считаю, что так будет лучше.

— Очень разумно. Очень разумно. Я сейчас же свяжусь с мисс Эшби и сообщу ей о вашем визите.

— Скажите ей, что я жив.

— Да, конечно... Если все, о чем вы говорили, окажется правдой, — изрек мистер Сэндал, изо всех сил стараясь, чтобы слова прозвучали сурово, — я первым приветственную ваше возвращение в Англию, несмотря на то, что своим бегством вы принесли много горя своим близким. Я совершенно не понимаю, почему за все эти годы вы хотя бы не написали письмо.

— Может, мне нравилось, что меня считали покойником.

— Покойником?

— Вы никогда не могли понять мое поведение.

— Что вы имеете в виду?

— Тогда в "Олимпии" — вы ведь подумали, что я плачу от страха, правда?

— В "Олимпии"?

— Это было совсем не то, о чем вы подумали. Я плакал не от страха, а потому, что лошади были так прекрасны.

— "Олимпия"! Вы хотите сказать... Но это же было... Значит, вы помните?

— Надеюсь, вы дадите мне знать, когда закончится проверка.

— Что? О да, да, разумеется. — Господи, даже он забыл о празднике для детей во время скачек. Может быть, он был все же слишком осторожен. Если молодой человек... хозяин Лэтчетт... О Господи... Может быть, не следовало так... — Надеюсь, вы не считаете, что... — начал адвокат.

Но молодой человек уже вышел спокойным, уверенным шагом, кивнув на прощанье Мерсеру.

Мистер Сэндал сидел в своем офисе и вытирал лоб.

А Брэт, шагая по улице, с удивлением ощущал радостное возбуждение. Он заплатил по счету и вышел из ресторана. Поблизости не было никого подозрительного; по тротуару двигался торопливый поток людей. Он позвонил с вокзала Виктория.

— Ну и как дела? — спросил Лодинг.

— Великолепно.

— Ты выпил что-нибудь?

— Нет. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Впервые слышу от тебя слово "великолепно". Обычно ты обходишься "да" или "нет".

— Просто я очень доволен.

— Еще бы! Это заметно?

— Что заметно?

— Твоя физиономия профессионального игрока в покер хоть чуть-чуть изменилась?

— Откуда мне знать? Ты ничего не хочешь узнать о том, как все прошло?

— Самое важное я уже знаю.

— То есть?

— Тебя ни в чем не обвинили.

— А ты этого ожидал?

— Существовала такая возможность. Но на самом деле я не боялся. Ведь действовали два наших объединенных интеллекта.

— Спасибо.

— Как старик, он не бросился тебе на шею?

— Нет. Он чуть не свалился в обмороке. Но в остальном — был на высоте.

— "Все надо провернуть".

— Именно так.

— Как он принял тебя?

— Он подумал, что я Саймон.

В трубке раздался добродушный смех Лодинга.

— Тебе удалось использовать ту историю, что случилась на детской вечеринке?

— Да.

— О Боже, опять твои односложные ответы. Тебе не пришлось рассказывать о каких-либо подробностях?

— Нет. Все прошло как надо.

— Это произвело на него впечатление?

— Очень большое.

— Но не до конца убедило его?

— Я не стал дожидаться окончательного результата. Сразу ушел.

— Мальчик мой, склоняю перед тобой голову. Ты — феномен. Проведя в твоём обществе последние две недели, я уже было подумал, что знаю тебя, но ты продолжаешь удивлять меня.

— Я и сам себя удивляю.

— Ну хорошо. Некоторое время мы не должны встречаться. Общение с тобой было настоящим удовольствием, мой мальчик. И, разумеется, я рад тем привилегиям, которые станут возможными для меня в будущем благодаря нашему знакомству. А пока не стоит звонить мне, разве что наступит крайняя необходимость. Я подготовил тебя настолько хорошо, насколько мог. Теперь ты должен действовать на свой страх и риск.

Пересекая площадь перед вокзалом Виктория после телефонного разговора, Брэт размышлял о том, что всеми нынешними действиями подвергал опасности свою бессмертную душу, как сказала бы настоятельница. Но он никогда не верил в свою бессмертную душу.

Брэт не мог появиться в Лэтчетт как шантажист, он не придет туда и как проситель. Он, черт возьми, явится туда как захватчик.

Глава 6

— Я, разумеется, должен был приехать к вам, — оправдывался по телефону мистер Сэндал. — Это против моих правил — говорить о таких важных вещах по телефону. Но боюсь, мое присутствие может внушить детям подозрение, что происходит нечто серьезное. А жалко их огорчать, если все это окажется только... только временным беспокойством.

Бедный старый добряк Сэндал. Он был такой милый, попросил, чтобы она села, и только потом объявил свою новость.

Она не потеряла сознания. Просто долго сидела неподвижно, ожидая, когда ноги перестанут под ней подгибаться, а затем пошла в свою комнату поискать фотографии Патрика. Она не нашла ничего, кроме группового снимка, сделанного тогда, когда Саймону и Патрику было по десять лет, а Элеанор — девять.

Не найдя фотографий, Би пошла наверх, в бывшую детскую, словно так могла приблизиться к маленькому Патрику, хотя прекрасно знала, что там не осталось от Патрика ни единого следа. Саймон сжег все. Это был единственный раз, когда он показал, что смерть брата-близнеца была для него невыносимой. После похорон Патрика Саймон уехал в школу, а когда вернулся на летние каникулы, то вел себя нормально. А однажды Би увидела, как он разжег костер за кустами, в том месте, где дети любили играть в индейцев, и сжег игрушки Патрика и разные мелочи, принадле-

жавшие брату. Школьные тетрадки, книги, детские рисунки, даже смешная лошадка, которая висела на спинке его кровати, полетели в огонь. Саймон сжег все. Сейчас комната была пустой и аккуратной, напоминавшей витрину мебельного магазина.

Би вернулась к себе расстроенная, с болью в сердце, и начала паковать небольшую сумку на завтра. Завтра она должна поехать в город и встретиться лицом к лицу с новой опасностью в истории семьи Эшби.

— Как считаете лично вы — это Патрик? — осторожно спросила она.

Но мистер Эндэл не сумел развеять ее сомнения.

— Он не похож на обманщика, — признал адвокат. — И если он — не Патрик, то кто же тогда? Семейные черты Эшби всегда были необыкновенно сильными.

— Но Патрик прислал бы письмо, — заметила Би.

Она постоянно возвращалась к этой мысли. Патрик не оставил бы ее в горе и неуверенности все эти годы. Это не может быть Патрик.

Но если это не Патрик, то кто же?

Мысли клубились в мозгу, налетали и кружили, не принося ответа.

— Решение за вами, — наконец произнес мистер Эндэл. — Вы лучше всех знали мальчика.

— Есть еще Саймон, — ответила она.

— Но Саймон тогда был ребенком, а дети обо всем забывают, не так ли?

Итак, вся тяжесть легла на ее плечи. Ее, которая любила Патрика, но с трудом припоминала, как он выглядел в тринадцать лет.

Может быть, она сразу, как только его увидит, поймет, что это — Патрик? Или... что это — не он?

А если это не Патрик, а будет настаивать на своем, что тогда? Начнет ли он предъявлять какие-то имущественные претензии? Добиваться своих прав через суд? Вытащит ли семейное дело на страницы ежедневных газет?

А если все же — Патрик, что будет с Саймоном? Как он воспримет воскрешение брата, которого не видел восемь лет? Для него это означает потерю наследства. Будет ли он радоваться или возненавидит брата?

Празднование совершеннолетия необходимо отсрочить, это ясно. Осталось слишком мало времени, чтобы к этому сроку принять какое-то решение.

Но если каким-то чудом это окажется Патрик, она наконец избавится от преследующих ее чудовищных воспоминаний о мальчике, который слишком поздно пожалел, что не повернул к берегу.

Все эти мысли стремительно кружились в ее голове, когда она поднималась по ступенькам в канцелярию фирмы "Коссет, Тринг и Ноубл".

— Ах, мисс Эшби, — приветствовал ее мистер Эндэл. — Это огромная проблема. Беспрецедентная. Садитесь, пожалуйста. Вы, должно быть, устали. Ужасное испытание! Садитесь, садитесь. Мерсер, принесите чай мисс Эшби.

— Он объяснил, почему от него не было писем все эти годы? — задала она вопрос, который мучил ее больше всего.

— Вроде бы, предпочитал, чтобы его считали покойником.

— О!

— Несомненно, за этим скрываются какие-то психологические трудности, — попытался утешить ее мистер Эндэл.

— То есть вы поверили, что он — Патрик?

— Я считаю, что если он окажется Патриком, то его желание "числиться покойником" можно объяснить теми же психологическими причинами, что и бегство.

— Да. Понимаю. Только... это так непохоже на Патрика. Я имею в виду отсутствие писем.

— Бегство — это тоже непохоже на Патрика.

— Вот именно. Совершенно не в его натуре. Он был впечатлительным ребенком, но очень смелым. Должно быть, случилось что-то очень плохое. — Она какое-то время помолчала. — А теперь он вернулся.

— Надеюсь, что да.

— Каким он вам показался? Я имею в виду — нормальным?

— Даже слишком, — бесстрастно ответил мистер Сэндал.

— Я искала фотографии Патрика, но не нашла ни одного более позднего снимка.

— Она показала групповой семейный снимок, сделанный в фотоателье. — Детей фотографировали каждые три года с младенчества. Вот их последний снимок. Следующий собирались сделать летом того года, когда погибли Билл и Нора и когда исчез Патрик. Здесь ему десять лет.

— Нет, — произнес мистер Сэндал. — Ничего нельзя определить на основе такой старой фотографии. Как я уже говорил, семейное сходство — очень большое. Когда вы собственными глазами увидите этого мальчика... этого молодого человека, у вас не останется никаких сомнений. В конце концов идентификация человека — вопрос не только внешнего сходства. Существует еще аура личности.

— Но... но если я не буду уверена?

— Думаю, что нашел выход и из такой ситуации. Вчера я обедал со своим молодым другом Кевином Макдермоттом.

— С королевским советником?

— Да. Я был очень расстроен и рассказал ему о своих затруднениях. А он утешил меня, уверяя, что идентификация человека — вещь довольно простая. Все дело в зубах.

— В зубах? Но у Патрика были обыкновенные зубы.

— Да, да. Но он, несомненно, ходил к зубному врачу, а дантисты ведут записи. Кроме того, у большинства из них великолепная зрительная память, то есть, как я понимаю, стоит им взглянуть на зубы, которые они однажды лечили, и — страшно подумать — узнают их почти с первого взгляда... А медицинская карточка окончательно развеет все сомнения.

— Дети лечились у Хэммонда.

— Хэммонда? Ну и что? Если вы не определите окончательно, Патрик ли это, нам просто надо будет... — Он вдруг запнулся. — Хэммонд! Ох! Боже, какое невезение! Какое ужасное невезение! Но я считаю, что должен сказать вам — Кевин Макдермотт думает, что молодой человек лжет.

— А что ваш мистер Макдермотт может знать об этом! — возмутилась Би. — Ведь он его даже не видел!

— Это всего лишь мнение Кевина.

— Понимаю. Но почему он именно так думает?

— Он сказал, что приход к адвокату, а не к семье — слишком похоже на трезвый расчет обманщика.

— Что за глупость! На мой взгляд, весьма разумный поступок.

— Да. Он тоже так считает. Слишком разумный. Слишком обдуманный. Кевин сказал, что, по его мнению, все слишком продумано. После долгих лет отсутствия мальчик скорее всего пошел бы домой.

— Тогда он не знает Патрика. Он именно так бы и поступил: осторожно известил бы о своем возвращении семейного адвоката. Он всегда был чрезвычайно деликатным. Я не очень высокого мнения о выводах мистера Макдермотта.

— Я просто считал, что должен вам обо всем рассказать, — пробормотал подавленный мистер Сэндал.

— Да, конечно, — вежливо согласилась Би. — Бедный старик Хэммонд ни в чем нам не поможет... его так и не смогли разыскать после того пожара, вы ведь знаете об этом? Все сгорело, превратилось в пепел.

— Да, я слышал. Бедный старый доктор!

— Не имея вещественных доказательств, мы должны опираться на то, о чем рассказал мальчик. То есть проверить все. Думаю, это вполне легко сделать.

— Легко, ведь он называл места и даты. Именно это Кевин считает слишком... Да. Да. Конечно, можно все проверить. И, я думаю, что все это подтвердится. Он не стал бы давать нам фальшивую информацию.

— Как скоро вы можете организовать мою встречу с ним? — спросила Би.

— Ну... я думал об этом и пришел к выводу, что вообще не надо ничего организовывать.

— Как это?

— Я хотел бы, если вы на это согласитесь и поможете мне, застать его врасплох. Явиться к нему без предупреждения. Чтобы вы увидели его таким, какой он есть, а не таким, каким хочет казаться. Если мы назначим ему встречу здесь, он...

— Да, понятно. Я согласна. Мы можем поехать к нему сейчас?

— Почему бы и нет! Не вижу никаких препятствий. Конечно, может оказаться, что его нет дома. Но, по крайней мере, мы можем поехать и посмотреть. О, вот и ваш чай! Может, выпьете его, пока Мерсер попросит Уиллета вызвать для нас такси?

— А нет ли у вас чего-нибудь покрепче? — поинтересовалась Би.

— Боюсь, что нет. Я так и не поддался заморскому обычаю держать в офисе спиртное. Но Уиллет доставит вам все, что...

— Ох, нет, спасибо. Не надо. Все в порядке. Я выпью чай. Говорят, что он действует намного дольше.

Мистер Сэндал выглядел так, словно хотел ободряюще похлопать ее по плечу, но не мог решиться. В самом деле очень милый, добрый человек, но... но поддержки от него — никакой.

— А он объяснил, почему взял фамилию Фаррар? — спросила Би, когда они сели в такси.

— Ничего не объяснил.

— Как вам кажется, он испытывает финансовые трудности?

— Он не упоминал о деньгах, но одет весьма прилично, хотя не совсем так, как принято в Англии.

— И не просил займы?

— Ох, нет. Ничего подобного.

— Значит, он вернулся не потому, что разорен, — удовлетворенно констатировала Би. Она уселась поудобнее и слегка расслабилась. Может, все еще будет хорошо. — Это здесь? — спросила она, когда машина остановилась.

При взгляде на угрюмый фронтон дома: облупившаяся краска, грязная лепнина, выгоревшие шторы на окнах, засоренное крыльцо и затертый номер дома на ужасной колонне, ее охватило смятение.

Парадная дверь была открыта, и они вошли.

Ступеньки привели их под самую крышу. Они стояли в тесноте на площадке, вслушиваясь в тишину. "Его нет дома, — подумала Би, — его нет дома, и мне придется пережить все это еще раз".

Они стояли какое-то время в темноте, вглядываясь в дверь. Потом мистер Сэндал решительно шагнул вперед и постучал.

— Войдите, — ответил голос из-за двери. Это был глубокий серьезный голос; совсем не такой, как небрежный тон Саймона. Сидящий на краю кровати молодой человек встал и, не стесняясь, снял с левой руки носок, который он штопал.

— Здравствуйте, — сказал он.

Би испытала шок от того, насколько больше он похож на Саймона, чем на Патрика. Ее воображение было наполнено воспоминаниями о Патрике: неясные, затертые образы, которые она усиленно пыталась воскресить, чтобы сравнить их с живым юношей. А здесь ее встретил человек, поразительно похожий на Саймона.

— Здравствуйте, — сказал мистер Сэндал. — Надеюсь, вы простите меня за то, что я привел к вам гостью, — он посторонился и пропустил Би вперед. — Вы знаете, кто это?

Спокойный ясный взгляд юноши скользнул по Би.

— Ты изменила прическу, — заметил он.

— Ну как, вы узнаете? — повторил мистер Сэндал.

— Да, разумеется. Это тетя Би.

Она ожидала, что он подойдет к ней, но он не сдвинулся с места, лишь обернулся после секундной заминки, чтобы найти для нее стул.

— К сожалению, здесь только один стул. А вы, может, присядете на кровать? — обратился он к мистеру Сэндалу.

— Я постою, спасибо, я постою, — поспешно ответил адвокат. — Мисс Эшби не могла дожидаться встречи, поэтому я привез ее сюда. Вы не кажетесь особенно... — он красноречиво умолк.

Юноша встал, и Би увидела, что он хромает.

— Вы поранили ногу? — спросила она.

— Сломал. В Штатах.

— Но разве вам можно ходить, если нога еще не зажила?

— Мне совсем не больно. Все уже давно зажило. Просто эта нога — короче.

— Короче? То есть она такой и останется?

— Похоже на то.

— Но ведь с этим надо что-то делать. Просто ногу, наверное, неправильно сложили. Видимо, оперировал не очень хороший хирург.

— Я не помню хирурга, был без сознания. Они сделали все, что нужно...

— Но Пат... — начала Би и неожиданно осеклась.

В неловкой тишине раздался голос юноши:

— Не называй меня по имени, пока не уверена, что это именно я.

— Хирургия сейчас творит чудеса, — поспешно произнесла Би, чтобы как-то исправить ситуацию. — Как давно это случилось?

— Пару лет назад.

— Посмотрим, что удастся с этим сделать. Ты упал с лошади, да?

— Я был недостаточно быстрым. Откуда ты узнала, что это была лошадь?

— Ты говорил мистеру Сэндалу, что работал с лошадьми. Тебе нравилась эта работа?

— Только это мне и нравится в жизни.

— У тебя там был собственный конь?

— Да. Его звали Дымком.

Она заметила, как изменился его голос, когда он произнес эти слова.

— Он был серый?

— Темно-серый в черных пятнах. Знаешь, такого мягкого, дымчатого цвета. Когда он сердился, то становился похожим на клубящееся облако дыма.

Клубящееся облако дыма. Она представила себе это. Должно быть, он очень любит лошадей, любил своего Дымка.

— Что случилось с Дымком?

— Я его продал.

Би вдруг почувствовала, что ситуация выходит из-под контроля, и неуверенно взглянула на мистера Сэндала.

Мистер Сэндал поспешил ей на помощь:

— Мисс Эшби, несомненно, готова поручиться за вас, но вы же понимаете, что это дело требует окончательной ясности. Если бы это было просто возвращение блудного сына, достаточно слова вашей тетушки, чтобы принять вас в лоно семьи. Но в теперешней ситуации — это вопрос собственности: кому будет принадлежать наследство. И закон требует бесспорных доказательств относительной вашей личности, чтобы вы могли унаследовать все, что принадлежало Патрику Эшби. Надеюсь, вы понимаете нашу позицию.

— Прекрасно понимаю. Конечно, я останусь здесь до тех пор, пока вы не закончите свои исследования надлежащим образом.

— Но ты не можешь оставаться здесь, — возразила Би, с отвращением глядя на комнату и лес печных труб за окном.

— Я останавливался в местах, которые были намного хуже.

— Возможно. Но это вовсе не причина, чтобы оставаться здесь. Знаешь, если ты нуждаешься в деньгах, мы можем дать их тебе.

— Я останусь здесь, спасибо.

— Ты хочешь оставаться независимым?

— Нет. Здесь тихо. И удобно. И по-настоящему спокойно. Когда ты долго жил в переполненных домах, начинаешь ценить одиночество.

— Хорошо, ты останешься здесь. Можем ли мы чем-то помочь тебе?

— Мне пригодился бы второй костюм.

— Прекрасно. Мистер Сэндал выплатит тебе авансом необходимую сумму и даст адрес своего портного.

— А почему бы не заказать костюм Уолтерсу? — спросил юноша.

Она онемела.

— Что, эта фирма уже не существует?

— Существует, но если бы ты пошел к Уолтерсу, пришлось бы слишком много объяснять.

— Да, я понимаю.

Они немного поговорили на отвлеченные темы, и Би начала прощаться.

— Мы не сказали остальным о тебе, — проговорила она перед уходом. — Мы считали, что так будет лучше, пока... пока дела, как выразился мистер Сэндал, не прояснятся.

— Я понимаю.

В его глазах вспыхнула улыбка, и на какой-то миг они почувствовали себя сообщниками.

У двери Би обернулась. Юноша стоял в центре комнаты, глядя ей вслед и позволяя мистеру Сэндалу увести ее. Он выглядел одиноким и далеким. "А если он — действительно Патрик? — подумала Би. — Патрик, который опять вернулся домой. А я расстанусь с ним, словно это просто случайно встреченный знакомый..."

Она опять подошла к нему, легко прикоснулась к его лицу рукой в перчатке, поцеловала в щеку и прошептала:

— Добро пожаловать домой, мой дорогой.

Глава 7

Итак, юридическая контора "Коссет, Тринг и Ноубл" начала свое расследование, а Би вернулась в Лэтчетт, чтобы решить проблемы, связанные с необходимостью отсрочить празднование совершеннолетия Саймона.

Вопрос решился сам собой, когда пришла телеграмма от двоюродного дяди Чарльза, в которой он извещал об уходе на пенсию и выражал надежду на то, что сможет принять участие в праздновании совершеннолетия сына своего племянника. А поскольку его возвращение, видимо, задержится, он надеется, что Саймон не откроет шампанского до его прибытия.

Би подумала, что Саймон не захочет обидеть старейшего из рода Эшби. Чарльз не был богат — слишком щедро он раздавал всю свою жизнь, но все же жил в достатке и комфорте, а Саймон, несмотря на свою беззаботность и шарм, всегда был необыкновенно практичным человеком.

Так что семья отложила празднование, а в Клэр это известие было воспринято спокойно. Все сочли совершенно правильным тот факт, что семья Эшби хочет подождать приезда старого джентльмена. Би потратила время своего послеобеденного отдыха, переправляя даты на приглашениях и благодаря Бога за счастливое стечение обстоятельств.

Мистер Сэндал время от времени докладывал, как продвигается расследование, эти доклады были однообразны и монотонны. Все, о чем рассказал юноша, подтверждалось.

— Наиболее убедительным доказательством, — говорил мистер Сэндал, — является то, что с момента приезда в Англию молодой человек ни с кем не встречается. Он живет по этому адресу с того момента, как "Филадельфия" прибыла в порт, не получает никаких писем, к нему никто не приходит. Хозяйка дома занимает квартиру на первом этаже. Она — из таких женщин, кому нечего делать, кроме как сидеть у окна и следить за соседями. Жизнь постояльцев для этой почтенной леди — как открытая книга. Кроме того, у нее есть привычка поджидать почтальона, забирать у него письма и передавать жильцам. Ничто не ускользнет от ее внимания. У молодого человека не могло быть гостей, о которых она не знала бы. Он целыми днями отсутствует, видимо, бродит по городу, как и любой другой юноша, приехавший в Лондон. Нет ни следа каких-либо связей, позволяющих подозревать сговор. У него нет друзей.

Юноша охотно пришел в адвокатскую контору и свободно отвечал на вопросы. Кевин Макдермотт по согласию Би "ассистировал" на одной из таких бесед, и даже он был поражен.

— Меня удивляет не то, — сказал Кевин, — что этот парень все знает — обманщики обычно красноречивы, а впечатление, которое он производит. Откровенно говоря, я ожидал не такого. Люди моей профессии обычно носом чуют обманщиков, а этот малый сбивает меня с толку. Он не похож на обманщика, хотя от всего дела издалека несет обманом.

Итак, наступил день, когда мистер Сэндал объявил Би, что адвокатская контора "Коссет, Тринг и Ноубл" готова признать претендента Патриком Эшби, старшим сыном Уильяма Эшби из Лэтчетт, со всеми вытекающими из этого юридическими последствиями. Разумеется, надо будет соблюсти ряд формальностей, поскольку восемь лет тому назад его признали погибшим, но это делается автоматически. Что же касается их, юристов, они ничего не имеют против того, чтобы Патрик Эшби возвратился домой в любой момент, как только он этого пожелает.

Пришло, наконец, время объявить эту новость семье.

В воскресенье после ланча Би, собравшись духом, начала разговор.

— Я должна объявить вам новость, которая вас потрясет. Но это будет радостное потрясение, — объявила она. — Патрик не покончил жизнь самоубийством, а просто убежал. Сейчас он вернулся и некоторое время жил в Лондоне, потому что должен был доказать адвокатам, что он — Патрик. Но с этим не возникло никаких сложностей. Поэтому Патрик возвращается

Говоря, она избегала смотреть на их лица; но потом, в наступившей после ее рассказа тишине, взглянула на Саймона и не узнала его. Напряженное белое лицо с пылающими глазами не было похоже на лицо Саймона, каким она его знала. Би быстро отвела глаза.

— Так что, теперь этот новый брат получит все деньги Саймона? — спросила Джейн, которая всегда выражалась без особых тонкостей.

— Я считаю, он поступил ужасно, — резко бросила Эleanor.

— Что?!

— Убежал и оставил всех нас. А мы думали, что он умер.

— Он этого не знал. Не знал, что мы примем его записку за прощальное письмо самоубийцы.

— Даже если так. Он не написал нам ни слова за эти... эти... — как долго это продолжалось? Почти восемь лет. А потом ни с того, ни с сего, возвращается и ждет, что мы будем счастливы.

— Он симпатичный? — поинтересовалась Рут.

— Что ты понимаешь под словом "симпатичный"? — уточнила Би, довольная, что, по крайней мере, Рут проявляет к нему интерес.

— Приятно ли он выглядит? И говорит с каким-нибудь ужасным акцентом или правильно?

— Он очень симпатичный и говорит без акцента.

— Где же он был все это время? — спросила Эleanor.

— В основном в Мексике и Штатах.

— Мехико! — восхитилась Рут. — Как романтично! А он носит широкополую черную шляпу?

— Конечно, нет. Он носит такую же шляпу, как все.

— Сколько раз ты с ним встречалась, тетя Би? — допытывалась Эleanor.

— Один раз, несколько недель назад.

— Почему ты нам тогда ничего не сказала?

— Мне казалось, что лучше будет подождать, пока юристы закончат свое расследование, и он будет готов приехать домой.

— Я не верю, что это Патрик, — тихо и бесстрастно процедил Саймон.

— Но, Саймон! — воскликнула Эleanor.

Би беспомощно молчала. Все оказалось намного хуже, чем она ожидала.

— Но, Саймон! — повторила Эleanor. — Тетя Би видела его. Она знает, что говорит.

— Похоже, тетя Би его уже признала.

— Прежде всего, Саймон, его признали "Коссет, Тринг и Ноубл". Эта фирма не руководствуется эмоциями. Если бы у них было малейшее сомнение, что это — не Патрик, юристы разобрались бы во всем. Ни один из периодов его жизни, с тех пор как он покинул Англию, не остался без их внимания.

— Разумеется, кем бы он ни был, он привел факты, которые можно проверить. Чего они ожидали? Но на основании чего они поверили, что это — Патрик?

— Во-первых, он очень похож на тебя. Как двойник.

— Двойник? — растерянно переспросил Саймон.

— Да. И сейчас он похож на тебя даже больше, чем в детстве. Поверь мне, Саймон, дорогой, это — Патрик.

— Нет! Я знаю, что это не он. Он всех вас обманул.

— Но, Саймон! — вмешалась Элеанор. — Почему ты так думаешь? Я знаю, тебе нелегко смириться с возвращением Патрика, — нелегко для всех нас, — но не имеет смысла устраивать из-за этого скандал. Все уже произошло, а ты только ухудшаешь дело, пытаясь его от себя отстранить.

— Как этот... этот тип, который выдает себя за Патрика, попал в Мексику? Каким образом выехал из Англии? И когда? И куда?

— Он уплыл из Вестауэра на корабле, который называется "Айра Джонс".

— Из Вестауэра? Кто это сказал?

— Он. А согласно данным, полученным в порту, корабль с таким названием действительно вышел из Вестауэра в ту ночь, когда пропал Патрик. И все, что он делал с тех пор, проверили. Гостиницы в Нормандии, где он работал, больше не существует, но нашли корабль, на котором он уплыл из Гавра — корабль принадлежит одной фирме из Бреста, — и люди узнали его по фотографии. И так далее, до самого его возвращения в Англию. До того дня, как он пришел в офис мистера Сэндала. Одним словом, он, несомненно, один из Эшби, и очень похож на тебя.

— Патрик не был на меня похож.

Элеанор пришла Би на выручку:

— Был, Саймон. Конечно, был. Ведь вы — близнецы.

— Если бы я убежала на долгие годы, ты бы поверила, что это я, Джейн? — спросила Рут.

— Ты бы не выдержала несколько лет вдали от дома, — фыркнула Джейн.

— С чего ты взяла?

— Ты бы сразу вернулась домой.

— Почему?

— Чтобы увидеть, как мы реагируем на твоё бегство.

— Когда он приедет, тетя Би? — спросила Элеанор.

— Во вторник. По крайней мере, мы так договорились. Но если вы хотите немного отсрочить его приезд, пока не привыкнете... — Она взглянула на Саймона, выглядевшего ужасно — угнетенным и растерянным.

— Если ты думаешь, что я привыкну к этой мысли, то заблуждаешься, — проговорил он. — Мне абсолютно все равно, приедет этот тип или нет. Я уверен, что это — не Патрик, и никогда им не будет. — И вышел из комнаты, двигаясь словно сонмambuла.

— Я никогда еще не видела Саймона таким, — удивленно произнесла Элеанор.

— Я должна была как-то иначе подготовить его. Боюсь, это моя вина.

— Но ведь он любил Патрика, правда? Почему же он не радуется его возвращению? Хотя бы немного.

— Думаю, это ужасно, когда кто-то может прийти и занять твоё место безо всякого предупреждения, — заметила Джейн. — Просто ужасно. Меня не удивляет, что Саймон сердится.

— Тетя Би, — спросила Рут, — можно мне надеть голубое платье во вторник, когда приедет Патрик?

Глава 8

Би дождалась, пока закончится вечернее богослужение, и напрямик через поля пошла к дому священника. Ей хотелось разделить свои тревоги с Джорджем Пеком.

Когда Джорджу удавалось оторвать мысли от античного мира и сосредоточиться на современности, он становился хорошим партнером для беседы. Сдержанным и объективным. Би предполагала, что глубокое знание событий древних веков, дополненное опытом пастора местного прихода, сделало его достаточно устойчивым перед житейскими невзгодами. Поэтому не перед Нэнси, своей подругой, а именно перед пастором она хотела открыть свое растревоженное сердце. Нэнси окружила бы ее теплым сочувствием и заботой, но не это нужно сейчас Би, ей нужна опора.

Она нашла пастора в саду, где он отравлял ароматный воздух трубкой, пристально изучая куст фиолетовой сирени.

Пастор мельком взглянул на нее, когда она шла по дорожке, и снова принялся созерцать сирень.

— Прекрасный цвет, не так ли? — произнес он. — Странно, что это — только оптическая иллюзия. Интересно, какого цвета сирень, когда на нее не смотрят?

— Джордж, ты помнишь Патрика, правда?

— Пата Эшби? Конечно. — Пастор повернулся, чтобы взглянуть на нее.

— Он вовсе не умер. Он убежал. Вот что означала оставленная им записка. И сейчас он вернулся. А Саймон этим недоволен. — Большая бесстыдная слеза скатилась по щеке Би.

— Присядь, — сказал Джордж, осторожно прикасаясь к ее плечу.

Она села на стоящую за ее спиной лавочку под зеленой аркой, увитой жимолостью, и пастор сел рядом с ней.

— А сейчас расскажи мне все, — попросил он. И она рассказала всю невероятную историю, по порядку и со всеми подробностями. Звонок мистера Сэндала, поездка в город, комната на чердаке в Пимлико, расследование фирмы "Коссет, Тринг и Нобул", спасение, предоставленное дядюшкой Чарльзом, окончательное расследование фактов, реакция семьи.

— Элеанор, как всегда, сдержанна, но рассудительна. Факт остается фактом, и она постарается принять его как можно лучше. Джейн, конечно, на стороне Саймона и сочувствует ему, но она забудет об этом, когда собственными глазами увидит брата. Джейн — добрая душа.

— А Рут?

— Рут планирует свой наряд на вторник.

— Счастливые люди, занятые только земными делами, — улыбнулся пастор.

— Но Саймон... Как объяснить реакцию Саймона?

— Не думаю, что это так уж трудно. Саймон должен быть святым, чтобы радостно приветствовать возвращение брата, который займет его место. Тем более брата, который для него умер, когда ему было тринадцать лет.

— Но, Джордж, они же — близнецы. Они были неразлучны.

— Лэтчетт принадлежало Саймону... сколько это?... восемь лет. И все это время он знал, что в день совершеннолетия вступит в права наследства своей матери. Внезапная потеря всего вывела бы из равновесия и человека с более сильным характером, нежели Саймона.

— Я думаю, это моя вина, — сказала Би. — Надо было как-то иначе сообщить им, сначала поговорить с Саймоном с глазу на глаз. Но мне так хотелось думать, что все они будут одинаково счастливы. Я не могла себе представить, что реакция Саймона будет столь бурной, что он пойдет настолько далеко, и будет отрицать, что верит в возвращение Патрика.

— Для него Патрик — это только прежние эмоции. В нем нет любви, которая победила бы теперешнюю ненависть.

— Ох, Джордж!

— Да. Лучше взглянуть правде в глаза. Нужна почти божественная любовь, чтобы победить обиду, которую сейчас переживает Саймон; а в нем никогда не было ничего божественного. Бедный Саймон! То, что случилось с ним, — ужасно.

— Причем в самый неудачный момент. Когда все мы готовились к празднованию его совершеннолетия.

— Скажи, тебе нравится взрослый Патрик, который вернулся?

— Да. Да, он мне нравится. Он очень напоминает того Патрика, который убежал. Спокойный. Сдержанный. Деликатный. Он по-прежнему помнит о других. И по-прежнему ничего не говорит о плохих временах, которые пережил. Саймон всегда прибегал со своими горестями и радостями, но Патрик со всем справлялся самостоятельно. Похоже, он по-прежнему предпочитает справляться в одиночку.

— Ты думаешь, он пережил нелегкие времена?

— Не думаю, что его жизнь была усыпана розами. Я забыла сказать тебе, что он хромает.

— Хромает?

— Да. Немного. У него произошел какой-то случай с лошадей. Он безумно любит лошадей.

— И это тебя радует, — констатировал Джордж.

— Радует, — с улыбкой согласилась Би. — Хорошо, что Лэтчетт попадет в руки настоящего любителя лошадей.

— Ты считаешь, что Саймон не очень их любит?

— Не столько не любит, сколько равнодушен. Для Саймона лошади — один из видов развлечения. Они для него — предмет торговли, выгодных сделок, и, пожалуй, ничего больше. Ни к лошадям, ни к людям, если ты меня понимаешь, он не испытывает глубоких чувств.

— Бедный Саймон, — задумчиво произнес пастор. — У него недостает сил победить зависть. А зависть — чувство весьма разрушительное.

Не успела Би ответить, как появилась Нэнси.

— Би! Как хорошо, что ты пришла, — обрадовалась она. — Ты была на вечернем богослужении? Видела последнее пополнение нашей школы? Вот будет пища для местных сплетников!

— Беатрис пришла с прекрасной новостью, — вмешался пастор.

— Только не говорите мне, что Саймон намеревается обручиться.

— Нет. Дело не в Саймоне. Дело в Патрике.

— В Патрике? — неуверенно переспросила Нэнси.

— Он жив.

— Би, милая моя! — воскликнула Нэнси, обнимая подругу. — Какая радость! Теперь наконец прекратятся твои мучения. Когда он придет?

— Во вторник, — ответила Би. — Никак не могу решить, каким образом распространить эту новость.

— Очень просто, — отозвалась Нэнси. — Надо всего лишь сказать об этом миссис Глум.

Миссис Глум держала в деревне магазин со сладостями, сигаретами и газетами. Настоящая ее фамилия была Блум, но за склонность к распространению новостей о всяческих бедствиях и катастрофах сначала дети Ледингхэмов и Эшби, а затем и все остальные, начали называть ее миссис Глум (то есть, унылый, мрачный).

— Или можешь послать открытку. Почта — тоже хороший метод. Именно так сделал Джим Боуден, когда бросил дочь Хейвудов. Он послал своей матери телеграмму с известием, что женится на другой. К тому времени, когда он вернулся домой, весь переполох уже миновал.

— Боюсь, нам придется быть в самом центре переполоха до тех пор, пока я не разьясню ситуацию, — заметила Би. — Надо просто пройти через это.

— Ну, милая, это очень приятная ситуация, — попыталась утешить ее Нэнси.

— Да. Но такая ненадежная... Как... как...

— Я знаю, — согласилась с ней Нэнси, — как будто ты идешь по желе.

— Я хотела сказать, это похоже на хождение по болоту, но думаю, что желе — более точное определение.

Возвращаясь домой, Би чувствовала некоторое облегчение после общения с семьей пастора, но все же что-то мучило ее, что-то осталось недосказанным...

Глава 9

День, когда Брэт Фаррар приехал в Лэтчетт, был ясным, но легкий ветерок шелестел листьями, и, несмотря на солнце и чистое небо, в воздухе витало какое-то беспокойство — словно предзнаменование бури.

“Слишком солнечно, — подумала Би, когда после завтрака выглянула из окна своей спальни. — К вечеру быть слезам, как говорила няня, когда дети слишком уж начинали резвиться. Ну что ж... По крайней мере, к его приезду будет солнечно”.

Этот приезд она мысленно спланировала до малейшей подробности. Он должен произойти как можно более неофициально — с этим согласились все. Кто-то встретит его на станции и привезет домой, на ланче будет только семья. Но кто поедет на станцию? Девочки настаивали, что вся семья, но, конечно, об этом не могло быть и речи. Блудного сына нельзя было приветствовать на платформе в Гессгейт и устроить таким образом развлечение для персонала вокзала и всех случайных пассажиров, которые едут из Вестауэра в Бьюрс. Она сама не может поехать, потому что тогда создалось бы впечатление, что вернувшийся Патрик пользуется ее особым расположением, этого любой ценой следовало избежать. Поэтому Би почувствовала облегчение, когда Элеанор предложила поехать на станцию и привезти Патрика домой.

Би собиралась сойти вниз, чтобы еще раз обсудить меню с кухаркой, когда ее остановила Лана, их горничная. Лана пришла доложить, что “пылесос выплевывает, вместо того чтобы глотать”, и в домашних заботах и хлопотах Би немного отвлеклась. Но тревога снова вернулась, когда Би увидела, как Элеанор садится в свой маленький двухместный автомобиль.

— Ты что, не хочешь взять машину? — спросила она. “Машиной” называли приличный семейный автомобиль, а жалкое подобие средства передвижения, которым пользовалась Элеанор, было известно под прозвищем “клоп”.

— Нет. Он должен принимать нас такими, какие мы есть, — ответила Элеанор.

Би заметила, что она не потрудилась даже переодеться. На ней были бриджи и гетры, в которых она ходила с утра.

— Возьми меня с собой! — взмолилась Рут, сбегая со ступенек и бросаясь к машине, но при этом очень стараясь, как заметила Би, не прикасаться своим голубым платьем к запыленному боку “клопа”.

— Нет, — решительно отрезала Элеанор.

— Я уверена, что он обрадуется, когда увидит меня на станции. Я имею в виду — кого-то в моем возрасте. Ведь тебя он знает. Ему не так приятно будет увидеть тебя, как было бы приятно, если бы...

— Нет. И отойди, если не хочешь испачкать свой ослепительный наряд.

— Я считаю, что это эгоизм со стороны Элеанор, — заявила Рут, отряхивая руки и глядя, как машина исчезает в липовой аллее. — Она просто хочет, чтобы все удовольствие досталось ей.

— Не говори глупостей. Мы же решили, что ты и Джейн будете ждать здесь. Кстати, а где Джейн?

— Я думаю, она в конюшне. Ее не интересует Патрик.

— Надеюсь, она не опоздает на ланч.

— Конечно, не опоздает. Она может не интересоваться Патриком, но едой она интересуется всегда. А Саймон придет на ланч?

— Я надеюсь, что да.

— Как ты думаешь, что он скажет Патрику?

Если мир и счастье, царящие в Лэтчетт, сменятся раздорами, девочек придется отправить в школу. Все равно им пора уезжать туда через год-два, лучше пусть уедут сейчас, вместо того чтобы жить в атмосфере напряженности и ненависти.

Станция Гессгейт, которая обслуживала три деревни, была маленькой станцией с оживленным грузовым движением, однако пассажиров здесь было мало, поэтому, когда Брэт вышел из вагона, на перроне находились только полная деревенская женщина, взмыленный носильщик, контролер и Элеанор.

— Здравствуй! Ты очень похож на Саймона, — сказала она и пожала ему руку. Он заметил, что она не красится, а нос ее был усеян мелкими веснушками. — Где же твой багаж? Машина у меня небольшая, но места в багажнике достаточно.

— У меня только это, — ответил он, показывая свой саквояж.

— Остальное приедет позже?

— Нет, это все, что у меня есть.

— Да, не скажешь, что ты обременен имуществом, — улыбнулась Элеанор.

— Не обременен, — согласился он и почувствовал, что она начинает ему нравиться.

— Машина стоит перед станцией. Пойдем.

— Вы уезжали, мистер Эшби? — поинтересовался контролер, беря у него билет.

— Да, уезжал.

При звуке его голоса контролер поднял удивленный взгляд.

— Он принял тебя за Саймона, — объяснила Элеанор, когда они сели в машину.

— Ты приехал домой в самое красивое время года, — сказала она, когда они оказались на дороге, бегущей среди полей. — Все как раз начинает расцветать. И уже есть первые жеребята. Красотка родила жеребенка, который войдет в историю. Вот пожди, ты его увидишь. Ты, конечно, не знаешь Красотку. Она родилась, когда тебя уже не было. Ее настоящее имя — Греческая Красотка. От Гимметеса. Надеюсь, наши лошади тебе понравятся.

— И я надеюсь.

— Тетя Би говорит, что ты все еще ими интересуешься. То есть лошадьми.

— Я, собственно говоря, занимался не их разведением. Просто объезжал рабочих лошадей.

Они въехали в деревню.

— Правда, красиво? — спросила Элеанор. — Деревня совершенно не меняется, сколько я ее помню. Фамилии хозяев домов на этой улице расположены в таком же порядке, как во времена Ричарда Второго. Да ты и сам об этом знаешь! Я все время забываю, что ты — не гость.

Он знал, что сразу за деревней будут большие ворота, ведущие в Клэр-Парк. Ему было любопытно, как выглядит въезд в бывшее поместье Алека Лодинга. Оказалось, что это широкие ворота из кованого железа, с двумя огромными колоннами по бокам, верхушки которых венчали каменные изваяния львов. На одном из львов верхом сидел тщедушный мальчик, одетый в леопардовую шкуру, обрам-

ленную полосой зеленой ткани, с детским ведерком на голове, которое имитировало шлем. На первый взгляд, это была вся его одежда. Длинная бронзовая кочерга изображала копье.

— Вот ты и увидел Клэр, — заметила Элеанор.

— Весьма приятное зрелище.

— Ты знаешь, что сейчас там — школа?

Он чуть не сказал "да", но вовремя спохватился.

— Какая школа?

— Школа для "сачков".

— "Сачков?"

— Да. Для тех, у кого работа вызывает отвращение, а родители настолько богаты, чтобы оплатить счета. Здесь никого ни к чему не принуждают, даже учить таблицу умножения.

— Если они ничему не учатся, что же они делают целыми днями?

— Различным образом самовыражаются. Рисуют или лепят что-нибудь, или белят каретную, или переодеваются, как Энтони Тоселли — это Тони сидел на льве. Некоторых из них я обучаю верховой езде. Им это нравится. Я думаю, им настолько надоела жизнь без трудностей, что малейшие затруднения они воспринимают как нечто увлекательное. Если бы это были трудности, которые преодолевают все, их бы это не интересовало.

— Славные ребята.

— Во всяком случае, очень выгодные в финансовом смысле для Лэтчетт. А вот и Лэтчетт.

Сердце Брэта подпрыгнуло до самого горла. Элеанор медленно свернула в белые ворота среди лип, и тут же из-за деревьев выскочило нечто вроде огромной голубой бабочки и в бешеном темпе начало танцевать перед автомобилем.

Элеанор затормозила и пробормотала довольно резкое словцо.

— Привет! Привет! — вопила бабочка, танцующая с той стороны машины, где сидел Брэт.

— Послушай, ты, маленькая идиотка, — одернула ее Элеанор. — Ты заслуживаешь, чтобы тебя переехали.

— Привет! Привет, Патрик! Это я! Рут! Здравствуй! Я пришла, чтобы вместе с тобой поехать к дому. Можно, я сяду тебе на колени? В этой старой развалине, которую так любит Элеанор, слишком мало места, а я не хочу помять свое платье. Надеюсь, оно тебе понравилось. Я надела его специально на встречу с тобой. Ты очень симпатичный. А как выгляжу я? Так, как ты и представлял?

Брэту пришлось признаться, что он об этом не думал.

— О! — Рут явно огорчилась. — А мы о тебе думали! Целыми днями никто ни о чем другом не говорил.

— Ну, — попытался оправдаться Брэт, — если бы это ты убежала на долгие годы, люди говорили бы о тебе.

— Мне никогда не пришло бы в голову поступить так экстравагантно, — безжалостно парировала Рут.

— Откуда тебе известно такое слово? — поинтересовалась Элеанор.

— Оно мне очень нравится. Миссис Пек его часто употребляет.

Машина въехала на широкий подъезд к дому, стоявшему в ослепительном солнечном свете спокойно, дружелюбно и надежно. Брэт вдруг увидел Беатрис, которая выходила на порог, и его охватила паника, бешеное желание признаться ей во всем, пока он не "ступил на сцену". Он понимал, что это будет дьявольски трудный спектакль, и не знал, как справиться с ролью.

Из неловкой ситуации его выручила Рут. Не успел автомобиль остановиться, она запищала, оповещая весь мир о своем триумфе.

— И все-таки я его встретила, тетя Би! Все-таки я его встретила! Я приехала от ворот вместе с ним. Ты не сердись, нет? Я только пошла к воротам и там увидела, что они едут. Они остановились и подвезли меня. Вот мы уже здесь, и я его все-таки встретила!

Она взяла Брэта под руку и вместе с ним выкарабкалась из машины, таща его за собой, словно он был сокровищем, которое она собственноручно раскопала. Брэт и Би поздоровались, демонстративно игнорируя ее поведение. Снисходительность, которую они почувствовали, на какой-то момент объединила их, а когда это чувство прошло, миновала и самая трудная минута встречи.

Не успела вернуться атмосфера неловкости, как из-за угла дома выехала на Балдахине Джейн, направляясь к конюшне. То, как девочка внезапно осадилась пони, когда увидела стоящую перед домом группу, ясно показало, что она не хотела принимать участие во встрече... Но было уже слишком поздно, чтобы повернуть назад. Когда Балдахин остановился, Джейн осторожно сползла с его спины и застенчиво остановилась рядом с пони, словно защищаясь. Би представила девочку, она протянула Брэту маленькую влажную руку и сразу отдернула ее.

— Как зовут твоего пони? — спросил Брэт, понимая, что девочка относится к нему весьма враждебно.

— Это Балдахин, — сказала Рут, подходя к пони. — Пастор называет его Лошадным Автобусом.

Брэт протянул руку к пони, но тот немного отступил назад и презрительно смотрел поверх своего слегка горбатого носа.

— Комик, — бросил Брэт, а Би в ответ весело рассмеялась.

— Он не любит людей, — отозвалась Джейн, защищая своего друга.

Но Брэт не убирал руку, пока Балдахин не сдался и не сунул в нее свой нос со словесной игривостью.

— Ох! — воскликнула Рут. — Он никогда и ни с кем так не делал!

— Я думаю, он делает так с Джейн, когда никого рядом нет, — произнес Брэт.

— Джейн, пора умыться перед ланчем, — сказала Би и повернулась к двери.

Брэт пошел следом за ней и переступил порог...

Глава 10

— Я поместила тебя в бывшей детской. Надеюсь, ты ничего не имеешь против. Саймон живет в той комнате, в которой они жили вместе с... в которой ты жил вместе с ним. Если бы я выделила для тебя какую-нибудь из свободных комнат, это означало бы, что мы воспринимаем тебя как гостя, — говорила Би.

Брэт ответил, что с удовольствием поселится в бывшей детской.

— Ты хочешь пойти наверх или сначала выпьешь что-нибудь?

— Пойду наверх, — решил Брэт и повернулся к ступенькам.

Он знал, что она ждет момента, когда он сможет доказать, что знает этот дом. Брэт повернулся и пошел наверх, в северное крыло, где находились детские комнаты. Он открыл третью из четырех дверей и вошел в комнату, которую Нора Эшби устроила для своих детей, когда они были маленькими, чувствуя, что Би стоит у него за спиной.

Пора было брать инициативу в свои руки.

— Где Саймон? — спросил он и обернулся к ней.

— Он — как Джейн, — ответила она. — Вечно опаздывает на ланч, но вот-вот должен появиться. Можешь сам пользоваться ванной комнатой при детской, только по-экономнее расходуешь горячую воду, хорошо? У нас огромные проблемы с топливом. А сейчас умойся и сразу спускайся. Нэнси Пек прислала немного шерри.

— Разве ее и пастора не будет на ланче?

— Нет, они придут вечером на ужин. Ланч пройдет в узком семейном кругу.

Она проследила взглядом, как он открыл четвертую дверь, ведущую в ванную в детском крыле, и ушла с довольной улыбкой. Брэт понял, что ее так обрадовало: он знает расположение комнат, и ощутил угрызения совести. Одно дело — бессовестно обманывать мистера Сэндала в присутствии королевского советника, сидящего напротив и сверлящего его циничными ирландскими глазами, но совершенно иное — обманывать Би Эшби.

Когда Брэт вернулся в комнату, то застал там яркую блондинку в цветастом облегающем платье из искусственного шелка, которая общипывала цветы в вазе на подоконнике.

— Привет, — жеманно приветствовала его блондинка. — Добро пожаловать домой, и всякое такое.

— Здравствуйте, — сказал Брэт. Должен ли он знать ее? Наверное, нет.

— Вы очень похожи на брата, да?

— Я так полагаю. — Он достал из своего саквояжа щетки и положил на туалетный столик.

— Вы меня, конечно, не знаете. Я — Лана Адамс из деревни. Столяр Адамс — мой отец. Я сюда нанялась, потому что мой парень работает на конюшне. Вы выглядите немного старше своего брата. Наверное, это потому, что вы много путешествовали по свету и сами о себе заботились. Вы не такой испорченный, как ваш брат. Извините меня за выражение, но он — именно испорченный. Вот почему он закатывал такие жуткие скандалы из-за вашего возвращения. Я считаю, это глупо с его стороны. Достаточно просто глянуть на вас — и сразу видно, что вы — Эшби. Нет смысла это отрицать. Послушайтесь моего совета: не уступайте ему. Всю жизнь все пляшут под его дудку, скажу я вам. А вы не поддавайтесь.

Поскольку Брэт продолжал молча распаковывать свои вещи, она умолкла. Вдруг с порога раздался холодный голос Элеанор:

— Тебе ничего не надо?

Блондинка поспешно пробормотала:

— Я просто поздоровалась с мистером Патриком, — и, подарив Брэту сияющую улыбку, вышла из комнаты, виляя бедрами.

Брэт раздумывал, много ли услышала Элеанор.

— Это красивая комната, — сказала Элеанор, — вот только утреннее солнце сюда не попадает. Эта кровать — из Клэр-Парк. Тетя Би продала детские кроватки, а эту купила в Клэр на распродаже. Красивая, правда? Она раньше стояла в комнате Алека Лэдингхэма. Кроме этой кровати, в комнате больше ничего не изменилось.

— Да, я заметил, что даже обои те же самые. А обои со смешными детскими стишками, они по-прежнему в соседней комнате?

— Да, конечно. Пойдем, посмотришь.

Брэт спустился за Элеанор по ступенькам, и она ввела его в большую, залитую солнцем столовую, где Би разливала шерри, а Рут старательно выстукивала какую-то мелодию на пианино.

— Ты хочешь послушать, как я играю? — тут же поинтересовалась она.

— Нет, — отрезала Элеанор, — он не хочет. Мы рассматривали старые обои, — обратилась она к Би.

— Мы перестали пользоваться тем крылом дома, где находится детская, когда девочки подросли и им уже не нужна была няня, — сказала Би. — Оно слишком удалено от остальных помещений дома.

— Надо было очень далеко ходить, чтобы позвать девочек на завтрак, — объяснила Элеанор. — А поскольку Рут всегда приходилось будить по нескольку раз, нам пришлось переселить их поближе ко всем остальным.

— Деликатные люди нуждаются в том, чтобы спать подольше, — заявила Рут.

— С каких это пор ты стала такой деликатной? — поинтересовалась Элеанор.

— Дело не в том, что я деликатная, а в том, что Джейн — просто крепче, правда, Джейн? — спросила девочка, обращаясь к сестре, которая как раз вошла в комнату; ее волосы были еще мокрыми на висках после поспешного умывания.

Но Джейн смотрела на Би.

— Саймон вернулся, — тихонько проговорила она.

На какой-то миг воцарилась абсолютная тишина. А потом рука Би продолжила свое движение, наливая шерри в стаканы.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Не надо будет никого ждать, можно всем садиться за ланч.

— Где Саймон? — небрежно спросила Элеанор.

— Он спускался по лестнице, — ответила Джейн и снова взглянула на Би.

Дверь распахнулась, и вошел Саймон Эшби.

Он приостановился, издали глядя на Брэта, затем прикрыл за собой дверь.

— Итак, ты приехал, — произнес он безо всякого выражения. Брэт подумал, что весь он как натянутая струна, и если сейчас к нему притронуться, он зазвенит.

Но вдруг напряжение исчезло. Лицо Саймона как-то расслабилось.

— Тебе, конечно, об этом не сказали, — начал он, слегка растягивая слова, — но я был готов отрицать до последнего моего дыхания, что ты — Патрик. Сейчас, когда я тебя увидел, забираю свои слова обратно. Конечно, ты — Патрик. Добро пожаловать домой.

Тишина за их спинами сменилась радостными голосами. Все поздравляли друг друга, звенели стаканы, звучал смех. Даже Рут скрыла свое разочарование тем, что не произошло никакой мелодраматической сцены, и направила все свои ухищрения, чтобы исподтишка подлить в свой стакан побольше шерри.

Но Брэт, попивая золотистый напиток и благодаря Бога за то, что миновал самый тяжелый момент, был озадачен. Что-то тут не сходилось. Он следил за Саймоном, который был душой компании, и раздумывал. Чем вызвано внезапное расслабление? Реакцией человека, который был готов к самому худшему и внезапно испытал чувство облегчения, когда это свершилось?

— Ты куришь? — спросила Би, наливая кофе, и подвинула к нему шкатулку с сигаретами.

Но Брэт, который курил только сигареты одной марки, вытащил свой портсигар и протянул ей.

— Я бросила курить, — усмехнулась Би, — зато у меня есть банковский счет.

Брэт протянул портсигар Элеанор.

Элеанор, уже почти прикоснувшись пальцами к сигарете, задержала руку и наклонилась вперед, чтобы прочесть выгравированную надпись.

— Брэт Фаррар, — прочла она. — Кто это?

— Это я, — ответил Брэт.

— Ты? Ох, да, Фаррар, конечно. Но почему Брэт?

— Не знаю. Наверное, потому, что я был маленьким.

— Брэт! — с восторгом повторила Рут. — Можно, я буду называть тебя Брэтом? Можно?

— Разумеется. Большую часть моей жизни меня называли именно так.

Дверь открылась, на пороге появилась Лана и объявила, что к мисс Эшби приехал какой-то молодой человек и ждет ее в библиотеке.

— Вот досада, — огорчилась Би. — Ты не знаешь, что ему нужно?

— Сказал, что он — репортер, — доложила Лана, — но, по-моему, он совсем не похож на репортера. Аккуратный, чистый и вежливый. — Знания Ланы о прессе, как и знания Брэта о жизни представителей британского среднего класса, основывались исключительно на фильмах.

— О нет! — воскликнула Би. — Только не репортеры! Не сейчас!

— Он — из "Вестгауэр Таймс".

— А он объяснил, зачем приехал?

— Из-за мистера Патрика, конечно, — ответила Лана, указывая большим пальцем в сторону Брэта.

— О Боже, — пробурчал Саймон, — мы даже не успели еще доесть жирного тельца. Но это рано или поздно должно было случиться.

— Пойдем, Брэт! — Би допила остатки кофе. — Мы все равно должны пройти через это. Пойдем с нами, Саймон.

Она со смехом вывела Брэта из комнаты, держа его под руку. Теплое, дружеское прикосновение ее ладони вызвало у него всплеск чувства, которое он не смог объяснить, но он был слишком поглощен мыслью о репортере, чтобы анализировать свои ощущения.

Невысокий молодой человек в аккуратном синем костюме с интересом перелистывал книги о лошадях. Когда они вошли, он отложил книгу и с сильным акцентом, типичным для жителя Глазго, спросил:

— Мисс Эшби? Моя фамилия Макаллан. Я работаю в "Вестгауэр Таймс". Искренне прошу прощения за мое вторжение. Случай действительно особый. Мой лозунг — "Первый с последней новостью", а сейчас последняя новость — именно эта.

— Я полагаю, вы имеете в виду возвращение моего племянника?

— Именно.

— А каким образом вы так быстро узнали о его приезде, мистер Макаллан?

— Один из моих контактеров услышал в кабаке эту новость.

— Что за ужасное слово, — фыркнула Би.

— Кабак? — удивился Макаллан.

— Нет. Контактер.

— Ну тогда один из моих помощников, если вам больше понравится, — кротко произнес мистер Макаллан. — Могу ли я спросить, кто именно из этих молодых джентльменов является блудным сыном?

Би представила Брэта и Саймона. Лицо Саймона опять напряглось, взгляд стал холодным, а Брэт с удовольствием отвечал на неизбежные вопросы, которые ему задал мистер Макаллан, и размышлял, зайдет ли речь о фотографиях. Если да, надо будет каким-то образом отвертеться.

Его выручила Би.

— Никаких фотографий, — отрезала она. — Решительно никаких снимков. Любая информация, но никаких фотографий.

Мистер Макаллан неохотно согласился.

— История возвратившегося блудного сына без снимков будет наполовину менее эффектной, — сожалел он.

— Я надеюсь, заголовок будет не “Возвращение блудного сына”? — уточнила Би.

— Нет, он собирается назвать эту статью “Возвращение с того света”, — впервые отозвался Саймон. Его резкий, холодный голос прозвучал как удар бича.

Мистер Макаллан некоторое время внимательно смотрел на него бледно-голубыми глазами, а потом опять повернулся к Би.

— Я думал о заголовке “Сенсация в Клэр”, но сомневаюсь, согласятся ли на это в “Вестауэр Таймсе”. Это очень консервативное издание. Но надеюсь, что в редакции “Дейли Клэрион” мне повезет больше.

— “Клэрион”! — воскликнула Би. — Лондонская газета! Но... это совершенно семейное дело.

— Таким же было дело на Хиллдроп Кресцент, — заметил мистер Макаллан.

— Какое дело?

— Дело Криппенов. Вся мировая пресса кишит статьями о семейных делах, мисс Эшби.

— И все же не понимаю, кому новость о возвращении моего племянника будет интересной?

— Это — сенсационная новость. Люди умирают каждый день, но количество людей, которые воскресли после того, как все сочли их умершими, очень невелико, мисс Эшби. Воскрешение, несмотря на развитие науки, по-прежнему воспринимается как сенсация. Вот почему редакция “Дейли Клэрион” заинтересуется этим материалом.

— Но как они об этом узнают?

— Как узнают? — повторил журналист с искренним удивлением. — Мисс Эшби, это же мой шанс, неужели вы не понимаете?

— То есть вы хотите сказать, что собираетесь продать эту историю редакции “Клэриона”?

— Совершенно верно.

— Мистер Макаллан, вы не должны этого делать.

— Послушайте, мисс Эшби, — терпеливо разъяснял журналист, — я согласился на то, что не будет никаких фотографий, я уважаю этот договор. Не буду кружить по окрестностям и подкрадываться, чтобы попытаться незаметно сфотографировать молодых джентльменов или сделать что-либо подобное. Но вы не можете требовать, чтобы я упустил свой шанс и отказался от сенсации столичного масштаба, достойной “Лондон Дейли”. Даже если я не пошлю им эту статью, ничто не удержит заместителя редактора от того, чтобы после публикации в “Вестауэр Таймсе” повторить ее на первой странице. Вам от этого ничуть не станет легче, а я упустил шанс пробиться.

— О Боже, — вздохнула Би, мысленно признавая его правоту. — Это означает нашествие журналистов из Лондона.

— Нет. Только из “Клэриона”. Если статья будет напечатана в “Клэрионе”, никто больше не осмелится вмешиваться. Кого бы они ни прислали, вам не о чем беспокоиться. Все это будут люди одного и того же хозяина.

Высказав столь непочтительное мнение о британской прессе, мистер Макаллан оглянулся в поисках своей шляпы и стал собираться.

— Я очень вам признателен, и вам тоже, мистер Эшби, за столь любезно предоставленную мне информацию. — На секунду его бледно-голубые глаза остановились с добродушным выражением на Саймоне.

— Давно ли вы уехали из дома, мистер Макаллан? — вежливо поинтересовалась Би, провожая его к выходу.

— Из дома?

— Из Шотландии.

— Как вы узнали, что я — шотландец? А, по фамилии, конечно. Да, до Глазго отсюда далеко; но и до Лондона, если можно так выразиться, не близко. Если я собираюсь работать на лондонскую газету, хорошо бы знать об... об...

— Аборигенах? — догадалась Би.

— Я хотел сказать, о местных условиях, — торжественно заявил мистер Макаллан.

— У вас нет машины? — спросила Би, увидев пустую площадку перед домом.

— Я припарковал ее за воротами. Никогда не позволяю себе подъезжать к чужому дому, как к собственному.

Продемонстрировав столь поразительный пример скромности, молодой человек поклонился, надел шляпу и удалился.

Глава 11

Когда голоса Би и мистера Макаллана постепенно стихли в холле и на дворе, в библиотеке воцарилось молчание. Брэт повернулся к полкам и принялся рассматривать книги.

— Ну, — отозвался Саймон, сидевший, развалившись, в кресле под окном, — следующая опасность миновала удачно.

Брэт пытался проанализировать значение слов, еще висевших в воздухе.

— Опасность? — переспросил он наконец.

— Препятствия и сложные ситуации в непростом деле возвращения назад. Все должно стоить много нервов. Что тебя толкнуло на это, Брэт, — неужели тоска по дому?

Это был первый откровенный вопрос, который ему задал молодой Эшби, и внезапно Брэт почувствовал к нему симпатию.

— Не совсем. Я осознал, что мое место — здесь. — Он почувствовал, что слова прозвучали двусмысленно и жестоко, и поспешно добавил: — Я имею в виду мое место в этом мире.

Снова воцарилась тишина. Брэт продолжал рассматривать книги и надеяться, что ему все же не понравится молодой Эшби. Это было бы непредвиденным осложнением. Достаточно неприятно уже то, что он не мог смело смотреть в глаза человеку, место которого должен был занять, но если бы ощутил к нему симпатию, это и вовсе сделало бы ситуацию невыносимой.

Молчание прервала Би.

— Давайте пойдём посмотрим лошадей, хорошо? У тебя есть какой-нибудь костюм для верховой езды, Брэт?

— Ничего такого, что могло бы в Лэтчетт сойти за костюм для верховой езды, — ответил Брэт, отметив про себя, как ловко она воспользовалась возможностью не называть его Патриком.

— Пойдем со мной, — предложил Саймон. — Я найду что-нибудь для тебя.

— Хорошо. — Би была явно довольна. — Пойду позову Элеанор.

— Нравится тебе, что тебя поселили в бывшую детскую? — спросил Саймон, опережая Брэта на ступеньках.

— Очень.

— Ты заметил, что там до сих пор сохранились все те же старые обои?

— Да.

— Помнишь тот вечер, когда мы сражались в поединке, как Айвенго и Следопыт?

— Нет, не помню.

— Не помнишь. Разумеется, ты мог забыть об этом.

Опять слова как бы повисли в тишине, раздражая Брэта.

Он вошел за молодым Эшби в комнату, в которой Саймон когда-то жил вместе со своим братом, и заметил, что там нет никаких следов того, что он когда-то с кем-то делил комнату. Наоборот, это была комната, принадлежащая исключительно Саймону. Полки с книгами, ряды серебряных кубков, опранные в рамки изображения лошадей на стенах, легкие стулья и небольшой стол с телефоном.

Брэт подошел к окну, а Саймон тем временем перебирал свою одежду в поисках подходящего костюма для верховой езды, пока наконец не вытащил из шкафа бриджи и твидовый пиджак.

— Думаю, это должно подойти, — сказал он, бросая одежду на кровать.

Брэт собрал все вещи, поблагодарил Саймона и направился к двери.

— Когда будешь готов, спускайся, — сказал Саймон, глядя на него пустыми глазами. — Мы будем тебя ждать.

Брэт притворился за собой дверь бывшей детской и стоял, опираясь на нее, а одежда медленно сползала с его опущенной руки.

Саймона не обмануть. Та трогательная сценка над стаканами с шерри была всего лишь игрой. Он не верит в возвращение Патрика.

Почему же тогда он не говорит прямо: "Никакой ты не Патрик, и ничто не заставит меня поверить в это!"?

Именно так Саймон вел себя с самого начала. Откуда же теперь эта добровольная капитуляция?

Или это... какая-то ловушка? Видимо, Саймон сразу понял, что человек, который стоит перед ним — не его брат. Почему же тогда...

Брэт наклонился, чтобы поднять одежду с пола, и внезапно выпрямился. Он припомнил странное выражение облегчения на лице Саймона в тот момент, когда тот взгляделся в него. Выражение облегчения. Слово свалилась с плеч огромная тяжесть...

Да, вот оно!

Саймон боялся, что Брэт на самом деле окажется Патриком.

Когда он понял, что перед ним — обманщик, то с трудом удержался от того, чтобы не обнять его.

Но и это не объясняло его капитуляцию.

Возможно, это всего лишь отсрочка. Возможно, он планирует более драматичное решение: публичное разоблачение.

Брэт спустился по ступенькам и сквозь широко распахнутую дверь холла увидел семью Эшби, которая стояла на ступеньках в ярком солнечном свете. Постоянно вертевшаяся Рут первой заметила его.

— Ох, как красиво он выглядит! — воскликнула она, по-прежнему пытаясь понравиться новому брату.

Брэт сознавал, что он действительно выглядит "красиво", но предпочел бы, чтобы Рут не привлекала внимание к его позаимствованному наряду.

— Ты должен поскорее заказать Уолтерсу костюм для верховой езды, — заговорила Би. — Тот костюм, что сейчас на тебе, может послужить образцом. Тогда тебе не надо будет ездить на примерки.

— Эти бриджи шил не Уолтерс, — возразил Саймон, лениво глядя на костюм. — Их сшили в фирме "Кор и Боуэнс". Уолтерсу не удалось за всю свою жизнь сшить хорошей пары бриджей.

Он стоял возле двери, опираясь о стену, спокойный и расслабленный, явно в гармонии со всем миром. Его взгляд медленно поднимался с обуви Брэта к его рубашке и наконец остановился с таким же равнодушным выражением на его лице.

— Ну, — вежливо произнес Саймон, отрываясь от стены, — пойдем посмотрим на лошадей.

— Сейчас мы покажем тебе конюшни, а кобыл — после чаепития. — Би взяла под руку с одной стороны Брэта, а с другой Саймона, и так, плечом к плечу, словно старые друзья, они пошли в сторону конюшен, Элеанор и девочки шли сзади. — Грэгт уже поджидает тебя.

— А что случилось со старым Мальпасом? — спросил Брэт, хотя однажды после обеда с Лодингом, сидя возле оранжереи, узнал о нем все.

— Ему не нравилось, что им командует женщина, — ответила Би. — Поэтому он ушел на пенсию через полтора года после того, как я стала заниматься конюшней. С тех пор у нас работает Грэгт. Он — мизантроп и враг женщин, и у него есть свои странности, но все это не мешает ему содержать лошадей в отличной форме. После ухода старого Мальпаса счета за корма явно снизились. А местные фермеры любят Грэгта за то, что он закупает корма без посредников. Я думаю, он значительно лучше справляется с обязанностями старшего конюха, чем Мальпас. А уж в лечении лошадей — он просто гений.

Грэгт выглядел человеком без возраста. Ему было приблизительно пятьдесят, но можно дать и тридцать пять.

Грэгт шагнул вперед и остановился, поджидая их. Его светло-голубые глаза рассматривали Брэта, пока Би представляла их друг другу, но выражение лица оставалось вежливо-непроницаемым.

— Я слышал, что вы объезжали лошадей в Америке, — сказал он.

— Только рабочих лошадей на Западе, — ответил Брэт.

— Эти тоже работают, — кивнул Грэгт на боксы. Взгляд его остановился на Элеанор, и он спросил: — Вы видели, кто находится в седельне, мисс Элеанор?

Как бы в ответ из темноты помещения вынырнула фигура мальчика, и Брэт сразу узнал в нем всадника, восседавшего на каменном льве на воротах в Клэр. На нем был спортивный свитер в полоску, обтягивающий его худое тело, и бриджи, настолько широкие, что фалдами свисали над костлявыми коленями, жокейская кепка, из-под которой выглядывал шлем, и грязные красные мокасины.

— Тони! — воскликнула Элеанор. — Тони, что ты здесь делаешь?

— Я приехал на урок верховой езды, — отрапортовал Тони, а глаза его, словно ящерицы, перебежали по стоящей группе.

— Но сегодня у тебя нет урока.

— Нет? А я думал, что есть.

— Ты прекрасно знаешь, что у тебя нет уроков по вторникам.

— Я думал, сегодня среда.

— Ты — малолетний обманщик, Тони, — спокойно сказала Элеанор. — Прекрасно знаешь, что сегодня — не среда. Просто увидел меня в машине с кем-то незнакомым, поэтому и пришел узнать, кто это.

— Элеанор, — недовольно пробормотала Би.

— Ты его не знаешь, — ответила Элеанор. — Его любопытство переросло в манию. Это почти единственное человеческое качество, которое в нем осталось.

— Если ты позанимаешься с ним сегодня, не будет необходимости ездить с ним завтра, — заметил Саймон, с явной неприязнью глядя на юного Тоселли.

— Что он себе вообразил — что может приходить сюда и заниматься каждый раз, когда взбретет ему в голову? — возмутилась Элеанор. — Кроме того, я уже говорила, что откажусь с ним заниматься, если он будет так одеваться. Я говорила тебе, Тони, чтобы ты раздобыл подходящую обувь?

Черные глаза перестали бегать и превратились в два бездонных озера, полных то-ски.

— У моего отца нет денег, чтобы купить мне подходящую обувь, — прошептал Тони жалобным голосом, способным выжать слезы из скалы.

— У твоего отца — двенадцать тысяч фунтов чистого годового дохода, — весело ответила Элеанор.

— Если ты позанимаешься с ним сегодня, Нелл, — сказала Би, — то завтра будешь свободна и сможешь помочь мне принимать гостей. Половина соседей сойдется к нам, чтобы взглянуть на Брэта.

— Хорошо. Пойди к Артуру и скажи ему, что я велела оседлать для тебя Шмеля.

— Да, Элеанор.

— Вот увидите, после урока он даже “спасибо” мне не скажет, — заметила Элеанор, глядя ему вслед.

— А зачем он носит шлем? — спросил Саймон.

— Он говорит, что череп у него тонкий, как целлофан, и ему надо быть осторожным. Не знаю, где он раздобыл шлем таких размеров. В цирке, должно быть. Хорошо еще, что он не появляется в головном уборе из перьев.

— Когда-нибудь явится, — усмехнулся Саймон.

— Ладно, пойду седлать Ласточку. Прошу прощения, Брэт, но это даже хорошо, что так получилось. Пони, на котором он будет ездить, сегодня не такой резвый, каким был бы завтра, после дня, проведенного в конюшне. А тебе ни к чему иметь троих сопровождающих для осмотра конюшни. Я пойду с тобой на выгон после чая.

Глава 12

Между четвертым и пятым боксами Брэт раз и навсегда утратил желание поучать местных жителей, как следует правильно обращаться с лошадьми. Он думал, что увидит в этих боксах раскормленных фаворитов, но перед ним предстали чистокровные лошади и полукровки — все с блестящей шерстью, какая бывает в результате правильного содержания и старательного ухода. Брэт достаточно долго работал с лошадьми, чтобы в этом разбираться.

Би выполняла обязанности гостеприимной хозяйки дома с помощью Грэгга, но поскольку невозможно, чтобы четыре лошади осматривали лошадей молча, первоначальная скованность быстро сменилась оживленной дискуссией. Скоро Брэт, как обычно наблюдавший за всем со стороны, заметил, что Би отстраняется, все чаще предоставляя голос Саймону. Саймон объяснял:

— Этого коня отбраковали из скаковых, и теперь Элеанор тренирует его, чтобы потом учить на нем начинающих. — Или: — Помнишь старушку Тору? Это ее сын от Золотого Стилета.

Саймон вел себя так беззаботно, словно ничто на свете не могло вывести его из себя. Слово это был обычный день, а Брэт — обычный гость. Гость с привилегиями, умный и, несомненно, желанный. Он был полностью поглощен конем, которого выводил из бокса.

— В этих трех боксах — наши последние приобретения, мы покупали их для показательных выступлений. А этот — лучший из них. Четыре года, кличка — Гордец.

Гордец был вороной масти, без единого коричневого волоска. Он вышел из бокса, снисходительно демонстрируя свое превосходство, сознавая собственное величие и чувствуя, что вызывает восхищение.

— В нем трудно обнаружить какой-то изъян, правда? — сказал Саймон. — У него одна из самых красивых голов, которые я когда-нибудь видел у лошадей. И взгляни на его кости. — Он провел коня по кругу. — А как прекрасно двигается!

Брэт молча рассматривал коня, восхищенный и заинтригованный.

— Ну, как? — спросил Саймон, ожидая комментариев.

— А не слишком ли он самодовольный? — спросил Брэт.

Саймон рассмеялся.

— Думаю, да. И не без причины.

— Да. Он очень красивый.

— Не просто красивый. На нем очень приятно ездить. Великолепно несет. И может взять какое угодно препятствие.

Брэт подошел к коню, но Гордец не отреагировал. Он выглядел довольным и слегка скучающим.

— Из него получился бы хороший тенор, — заметил Брэт.

— Тенор? — переспросил Саймон. — Ах да. Понимаю. Потому что он такой самодовольный.

— Он снова посмотрел на коня. — То есть я хочу сказать, что он очень доволен собой. Мне это как-то не приходило в голову. Кстати, может, ты хочешь на нем проехаться?

— Разумеется, хочу.

Саймон подозвал конюха:

— Артур, принеси седло для Гордеца.

— Да, сэр. И двойную узду, сэр?

— Нет, обычную.

Брэт задумался, как это Саймон доверяет изнеженного скакуна грубым рукам пришельца с Запада, привыкшим к неуклюжим уздечкам.

— А на какой лошади поедешь ты? — спросил он.

Саймон повернулся к нему.

— Я подумал, что ты, может быть, захочешь прогуляться сам. Но не позволяй ему слишком резвиться, потому что он взмокнет, а его только что вытерли.

— Хорошо, я приведу его сухим, — пообещал Брэт и, вскочив на лошадь, повернул в сторону ворот.

— Куда ты едешь? — удивленно спросил Саймон.

— На пастбище.

Если эти ворота в северо-западном углу двора не ведут к самой короткой дороге на пастбище, то Саймон должен сказать ему об этом. А если ведут, у Саймона появится еще один повод для замешательства.

— Ты выбрал не лучший хлыст, чтобы закрыть ворота, — вежливо заметил Саймон. — Или собираешься перепрыгивать через все препятствия?

— Я справлюсь с воротами, — спокойно ответил Брэт и направил лошадь в угол двора.

— Он любит всякие трюки, за ним надо следить! — крикнул вслед Саймон.

— Буду, — пообещал Брэт и поехал в сторону ворот, рядом с которыми ждал Артур, чтобы открыть их.

Артур дружелюбно улыбнулся ему и восхищенно проговорил:

— Этот конь — тот еще прохиндей, сэр!

Поворачивая направо на узкую дорогу, Брэт размышлял о значении этого слова. Он давно не слышал, чтобы кого-то называли прохиндеем. Прохиндей — это кто-то хитрый, ловкий.

Значит, Гордец — прохиндей.

Прохиндей спокойно ехал по дороге между зелеными лужайками, покрытыми ковром фиалок, уши у него стояли торчком в предвкушении густой зеленой травы, которую он видел перед собой. Когда они подъехали к следующим воротам, конь слегка затанцевал на месте. "Нет", — сказали руки Брэта, и он сразу успокоился.

— Ты — чудо! — прошептал Брэт и стиснул бока Гордеца. Тот перешел на медленный галоп, направляясь к кустам можжевельника, видневшимся на горизонте.

Они въехали на вершину холма, и перед ними потянулся двойной ряд кустов, которые образовали натуральную аллею длиной ярдов в пятьдесят. Алек Лодинг забыл ему об этом рассказать, и этого не было на карте. Даже на самой точной карте трудно было обозначить кусты можжевельника.

— Хорошо, — сказал Брэт, — посмотрим, что ты умеешь. — И отпустил вожжи.

Брэту уже приходилось ездить на прохиндеях. Даже очень часто. Он садился на скаковых лошадей и выигрывал заезды. Некоторые из них срывались с места, словно самолет-истребитель. Брэта было трудно удивить скоростью, но его поразила плавность движения. Он чувствовал себя так, словно его несли лошадка на карусели.

Когда они доехали до конца луга, Гордец замедлил бег, но не в привычках Брэта было позволять лошадям поступать как им вздумается, поэтому он пришпорил коня, объехал зеленый туннель с южной стороны и мягко перешел на шаг. Гордец послушался без малейшего протеста.

— Братец, — сказал Брэт, глядя темную гриву, — есть ли в Англии еще такие, как ты, или ты — исключение?

Гордец склонил голову, с притворной скромностью принимая заслуженное восхищение.

— Клинк-клинк! — донесся из долины приглушенный звук, и взгляд Брэта упал на дом у подножия холма. Это была кузница в четверти мили от деревни. Маленький черный квадратик возле дороги был обозначен на карте, сейчас он оказался маленьким домиком с черной трубой и хозяином, молот которого издавал гармоничные звуки.

Приплывали и уплывали большие облака, солнце появлялось и исчезало, мягкий ветерок колыхал кусты можжевельника и легко прикасался к траве. Гордец позванивал удилами и щипал траву. Брэт погрузился в наслаждение и сидел, ни о чем не думая.

Он очнулся лишь тогда, когда Гордец внезапно дернул головой, и почти в ту же секунду за спиной Брэта раздался женский голос:

— Не оборачивайся! Не двигайся! Закрой глаза и отгадай, кто стоит за тобой.

Брэт резко обернулся и увидел девушку лет шестнадцати. Она была высокая и пухленькая, с яркими каштановыми волосами и слегка выпуклыми голубыми глазами, поражающими своим вождедеющим и одновременно сонным выражением.

— Ох! — вскрикнула девушка. — Я думала, это Саймон. А вы — не Саймон!

— Нет, я не он, — согласился Брэт, поднимаясь с земли.

Но не успел он встать, как девушка уселась на траву рядом с ним.

— Ну, вы меня и перепугали! Кажется, я знаю, кто вы. Вы — тот брат-близнец, который несколько лет где-то пропадал, да? Точно. Вы так похожи на Саймона. Вы его брат, да?

Брэт кивнул.

— Вы даже одеты точь-в-точь как он.

Брэт объяснил, что на нем костюм Саймона, и спросил:

— Вы знакомы с Саймоном?

— Конечно, я знаю Саймона. Меня зовут Шейла Парслоу. Я учусь в школе в Клэр-Парке.

— О! — Элеанор называла это заведение “школой для сачков”. Место, где никого не заставляют учить таблицу умножения.

— Я изо всех сил пытаюсь завлечь Саймона, но это — напрасный труд.

Брэт не знал, что ему отвечать на подобное заявление, но она вовсе не нуждалась в поддержке собеседника, чтобы вести разговор.

— Я должна сделать что-нибудь, чтобы хоть как-то оживить жизнь в Клэр-Парке. Вы себе не представляете, какая там жуткая тоска. Нет ничего запрещенного. Как-то я пришла в такое отчаяние, что разделась догола и в таком виде вошла в кабинет Цедрика, нашего директора, он не любит, когда его называют директором, но все равно он директор. И вот вхожу я к нему совершенно голая, а он только спрашивает: “А ты никогда не думала о том, чтобы сесть на диету, дорогая Шейла?” — и продолжает изучать “Кто есть кто”. У вас почти нет шанса попасть в Клэр-Парк, если имя вашего отца не значится в “Кто есть кто”. Или имя вашей матери, разумеется. Мой отец там не фигурирует, но он — миллионер, а это великолепно компенсирует его происхождение. Миллионы — одна из лучших рекомендаций, правда же?

Брэт признал, что она права.

— Я пыталась завлечь Саймона папиными миллионами. Саймон глубоко уважает большие деньги, и я надеялась, что это уравнивает мои недостатки и добавит в его глазах шарма, если можно так выразиться. Но он — жуткий сноб, этот Саймон, вы не находите?

— Сноб?

— Вы об этом не знали?

— Я только сегодня встретился с ним после долгой разлуки.

— Ах да. Вы же только что вернулись. Как это, должно быть, волнующе. Понятно, что Саймон не сходит с ума от радости, но вам, наверное, очень приятно вышибить его из седла.

Брэт подумал, что Шейла, наверное, любит обрывать мухам крылышки.

— Сейчас, когда вы заберете у Саймона имение, мои шансы, наверное, увеличатся. Надо где-нибудь встретиться с ним и убедить в этом. Когда я увидела Гордеца, то подумала, что здесь — Саймон. Он часто сюда приезжает, это его любимое место для прогулок верхом. Он ненавидит Танбитчес, — она указала подбородком на противоположную сторону долины. — А здесь его можно застать в одиночестве. Вот я и решила рискнуть. Как только увидела эту черную скотину, подумала, что смогу застать ее хозяина врасплох. А это оказались вы.

— Прошу прощения, — мягко произнес Брэт.

Она внимательно взглянула на него.

— Наверное, мне не стоит и пытаться завлечь вас вместо него?

— Боюсь, что нет.

— Что это значит — я не в вашем вкусе или это вообще вам не нравится?

— К сожалению, не очень нравится.

— Да, пожалуй, так, — согласилась она. — У вас лицо — как у монаха. Это забавно — вы настолько похожи на Саймона, и все же выглядите иначе. Саймон — отнюдь не монах; дочка Гейтса из Уигселл могла бы кое-что об этом рассказать. Я рисую ее и втыкаю в изображения шпильки, но это не помогает. Она по-прежнему цветет как пион и притягивает его как липучка для мух.

“Она сама выглядит словно распустившийся пион”, — подумал Брэт, глядя на ее влажные алые губы и на блузку, обтягивающую пышный бюст.

— Знает ли Саймон, что вы в него влюблены? — спросил Брэт.

— Влюблена? Я в него не влюблена. Думаю, он мне даже не нравится. Я просто хочу завлечь его, чтобы было хоть какое-то развлечение, пока я не уеду из этого скучного места.

— Если вы можете делать все, что вам вздумается, почему же вы не уедете сейчас? — поинтересовался Брэт.

— Ну, знаете ли, как-то не хочется выглядеть совсем уж полной идиоткой. Я ходила в школу в Линг-Эбби и устроила там такой ад крошечный, что родителям пришлось забрать меня оттуда и прислать сюда. Я думала, здесь мне понравится — без уроков, расписания и всего такого. Понятия не имела, что здесь будет такая тоска. Скоро начну выть от скуки.

— Неужели в Клэр-Парке нет никого, кто мог бы заменить Саймона? Такого, кто был бы вам... более по вкусу?

— Нет. Я сразу к ним пригляделась. Худые, лохматые интеллектуалы. Вы заметили, что интеллектуалы обычно очень лохматые? Некоторых эти неаппетитные лохмы привлекают, только не меня. Мне все-таки нравятся красивые мужчины. А вы не можете не признать, что Саймон — очень красивый. Не могли бы вы замолвить ему словечко обо мне? Жаль, если понапрасну пропадут все адские муки, которые я претерпела, чтобы понравиться ему.

— Адские муки?

— Вы же не думаете, что я целыми часами тряслась на этих ужасных четвероногих только для развлечения? С этой хладнокровной сухой жердью, его сестрой, которая вечно смотрит на меня свысока. Ох, я и забыла: она же и ваша сестра. Но, возможно, раз вас так долго не было дома, вы не думаете о ней как брат о сестре.

— Действительно, — подтвердил Брэт.

— Вы, наверное, научились ездить на лошадях с тех пор, как и ползать, поэтому и представить себе не можете, что значит трястись на огромной, бесформенной горе так высоко от земли. Все выглядит легко и красиво, когда это делает Саймон. И только когда вы садитесь на коня — оказывается, что спина у него шириной с добрый акр, и трудно произвести на кого-то хорошее впечатление в такой ситуации. Вы трясетесь в седле, а ноги летают взад-вперед, вместо того чтобы оставаться на месте, и потом у вас огромные водянки, и вы целыми неделями не можете сидеть в ванной. Когда вы улыбаетесь, то уже не так похожи на монаха.

Брэт высказал предположение, что есть и другие способы привлечь к себе внимание, нежели занятия тем, чем в совершенстве овладел объект обожания.

— Я не думала, что привлеку таким образом его внимание. Это был только предлог, чтобы немного покрутиться возле конюшни. Сестра Саймона... то есть ваша сестра не разрешает никому вертеться возле конюшни без дела.

"Ваша сестра", — мысленно повторил он, и это ему понравилось.

Теперь у него было три сестры, и две из них — именно такие, каких он хотел бы иметь. Пора возвращаться и получше познакомиться с ними.

— К сожалению, мне пора ехать, — сказал он, вставая и накладывая узду на голову Гордеца.

— Мне бы не хотелось, чтобы вы уезжали. Вы — самый симпатичный человек из всех, с кем я разговаривала с тех пор, как приехала в Клэр. Жаль, что женщины вас не интересуют. Вы могли бы отбить у Саймона дочь Гейтса, вашего арендатора, и тогда мои шансы увеличились бы. Вы знаете дочь Гейтса?

— Нет, — ответил Брэт, садясь на коня.

— Ну, так присмотритесь к ней. Она очень красивая.

— Обязательно присмотрюсь, — пообещал Брэт.

— Думаю, сейчас, когда вы дома, мы будем встречаться в конюшне.

— Надеюсь.

— А не могли бы вы давать мне уроки верховой езды вместо вашей сестры?

— Боюсь, это не моя специальность.

— Ну что ж... — огорченно вздохнула она. — Вы очень хорошо смотрите на этом коне. Мне кажется, и у него спина страшно широкая. Все они такие, как будто специально договорились.

— До свидания, — улыбнулся Брэт.

— Я даже не знаю, как вас зовут. Кто-то мне говорил, но я забыла. Так как же вас зовут?

— Патрик.

Когда Брэт произнес это имя, то мгновенно забыл о мисс Парслоу. Он поскакал галопом обратно по верхнему краю пастбища, пока не оказался на одном уровне с Лэтчетт, и направил Гордеца вниз. Ворота, ведущие к аллее, были настежь распахнуты, створки опирались на крепкую ограду выгона. Брэт медленно съезжал вниз, пока спуск не перешел в менее крутой, и потом пустил Гордеца галопом. Зеленая аллея с мягкой травой открывалась перед ними, и Брэт не хотел портить себе удовольствие от езды, задерживаясь и закрывая очередные ворота, которые кто-то оставил открытыми.

Перед домом никого не было, и он направился в конюшню, где увидел Элеанор, которая ставила в стойло лошадь после урока с Тони.

— Привет! — сказала она. — Ты ездил на Гордеце? — Ее голос звучал удивленно.

— Надеюсь, Саймон предупредил тебя о нем.

— Да, спасибо, он меня предупредил.

— Это одна из моих неудачных покупок, — с сожалением заметила Элеанор, глядя на Гордеца.

— Твоих покупок?

— Да. Саймон тебе об этом не рассказал?

— Нет.

— Как это порядочно с его стороны. Думаю, он просто не хотел, чтобы ты слишком быстро узнал о том, какая у тебя глупая сестра. — Она улыбнулась Брэту, словно радуясь тому, что приходится ему сестрой. — Я купила его на аукционе в Лерридж-Ханте. Это Гордец убил старого Феликса Ханстэнтонна. Саймон тебе этого не говорил?

— Нет. Саймон сказал только, что он любит всякие трюки.

— У старого Феликса было несколько хороших лошадей, и когда их выставили на продажу, я поехала посмотреть на них. Никто из завсегдатаев не хотел купить Гордеца, но я подумала, что никто не хочет иметь коня, на котором погиб хозяин. Как будто в торговле лошадьми кто-то когда-то руководствовался сантиментами! Нельзя мне было ехать туда одной. Да и я сама должна была насторожиться, что его продают так дешево — с его внешностью, происхождением и достижениями! Только позже мы узнали, что через пару дней он сделал то же самое с одним из охотников, правда, ветки на этот раз были тоньше и сломались, и поэтому всадник не разбился насмерть.

— Понимаю, — сказал Брэт, который и в самом деле начинал кое-что понимать.

— Никого не надо было убеждать. Никто из тех, кто был свидетелем гибели Феликса, не верил, что это просто несчастный случай. Охотники встретились в замке Лерридж и поскакали напрямик через парк. Там деревья растут редко и удобно ехать галопом. Несмотря на это, Гордец как сумасшедший понес Феликса к дубу, и несчастный погиб раньше, чем упал на землю. Но об этом, конечно, мы узнали уже потом. Когда я на аукционе вызвалась купить Гордеца, я знала только, что Феликс погиб на охоте, разбив голову о ветку. Такое иногда случается.

— Кто-нибудь видел, как это случилось?

— Нет, не думаю. Но когда Гордец попытался проделать то же самое с помощником егеря Сэммом, не осталось никаких сомнений. Поэтому его выставили на продажу с другими лошадьми, и все завсегдаи, кто приехал в Лерридж, молча сидели и наблюдали, как Элеанор Эшби делает эту неудачную покупку.

— Гордец — очень элегантный конь. — Брэт ласково потряс лошадь по загривку.

— Он прекрасен, — продолжала Элеанор. — И безукоризненно прыгает. Ты сегодня пытался на нем перепрыгнуть через какое-нибудь препятствие? Нет? Обязательно попробуй в следующий раз. Когда он прыгает, то безопасен, потому что тогда его мысли заняты и у него нет времени придумывать свои штучки. Это странно, он не похож на такого, которому нельзя доверять, — добавила она, продолжая удивленно рассматривать свою неудачную покупку.

— Нет, не похож, — поддержал ее Брэт.

— Но ты не совсем в этом уверен.

— Должен признаться, что это самое самодовольное животное, какое я когда-либо встречал.

— Ты хочешь сказать, что он тщеславный? Пожалуй, так оно и есть. Если бы я была конем и у меня хватило ума убить человека, я тоже бы этим гордилась. А как он вел себя сегодня — пробовал какие-нибудь штучки?

— Он прыгнул в сторону при въезде в аллею, вот и все.

— В основном он ведет себя как ангел. Как раз это и опасно. Мы все ездили на нем — и Саймон, и Грэг, и Артур, и я, и только два раза он попытался причинить всаднику вред. Один раз — Саймону, а второй — Артуру. Но, конечно, — грустно улыбнулась Элеанор, — мы всегда осторожно объезжали деревья.

— На таком коне в самый раз ездить по пустыне. Можно ехать целый день и не встретить ни оград, ни веток.

— Я думаю, он и там придумал бы что-нибудь, — хмыкнула Элеанор.

И Брэт, немного поразмыслив, согласился с ней. Гордец имел редкую для лошадей черту: он был осторожным и умным плутом. Когда не удавались его обычные штучки, он изобретал новые. И при этом не разменивался по мелочам.

Точно так же, как и Саймон. Саймон послал его прокатиться на отъявленном плуте, при этом небрежно бросив, что конь "любит всякие трюки". Классическое убийство чужими руками.

Глава 13

Беатрис Эшби, сидя за обеденным столом, смотрела на своего племянника Патрика и думала о том, как хорошо он держится. Ситуация была для него чрезвычайно трудной, и он сумел с честью выйти из нее, не был ни скованным, ни развязным. Вел себя так же равнодушно и спокойно, как во время их первой встречи в Пимлико. "В этом Патрике Эшби столько достоинства!" — думала она, наблюдая за ним. Наверняка никто другой не смог бы вести себя так сдержанно и не показаться при этом ни жестоким, ни глупым.

Саймона воспитала она, и была довольна результатами. Но этот юноша рос сам по себе, а результат, кажется, даже еще лучше. Или, может, Патрик от рождения такой хороший, что ему не надо никакого руководства. Он руководствуется собственным умом, и в результате получился тихий, зрелый молодой человек со спокойным лицом.

Это лицо было маской, грустной маской. Что за контраст с похожим чертами, но подвижным лицом Саймона!

Саймон был в этот вечер необыкновенно весел, а у Би разрывалось сердце. Он держался великолепно, и она любила его в этот вечер почти безо всяких оговорок. Саймон отказался от того, что должно было стать его собственностью, и сделал это красиво, хотя казалось, что он не способен на такое поведение. Она ощущала легкие укоры совести, потому что не подозревала за самолюбивым Саймоном такую силу самоотверженности и недооценивала его.

Саймон пил сегодня гораздо больше обычного, но казалось, спиртное не оказывает на него никакого действия. Би подумала, что пастор время от времени поглядывает на юношу сочувствующим взглядом.

Брэт тоже поглядывал на Саймона с другого конца стола, но без сочувствия. Он не слишком часто мог позволить себе проявлять сочувствие: как каждый, кто презирает самокопание и жалость к самому себе, он не спешил жалеть других. Но не это удерживало его от сочувствия к Саймону Эшби. И даже не тот факт, что он был его явным врагом. До сих пор враги вызывали его восхищение. В Саймоне было что-то неуловимое, что отталкивало его. Наблюдая за тем, как он расточает свое обаяние, Брэт чувствовал, что Саймон напоминает ему кого-то, кого он совсем недавно встречал. Кого-то с такой же породистой внешностью, великолепными манерами и такого же загадочного. Кто же это мог быть?

Чувство, что ответ на этот вопрос вертится у него на кончике языка, доводило его до безумия. Еще секунда — и он вспомнит. Лодинг? Нет. Кто-то с корабля, на котором он приплыл? Маловероятно. А может быть, тот малый, королевский советник Макдермотт? Нет. Кто же тогда...

— Как ты считаешь, Патрик? — отвлек его от мыслей пастор.

С ним надо быть поосторожнее. Встречи с Джорджем Пеком Брэт боялся больше, нежели с кем-нибудь другим, не считая Саймона. Кроме брата-близнеца, никто не может помнить так много и так хорошо, как человек, который учил тебя, — множество мелочей было известно Джорджу о Патрике Эшби. Но встреча прошла успешно. Нэнси Пек расцеловала его в обе щеки и воскликнула:

— Дорогой, ты стал таким взрослым и серьезным!

— Патрик всегда был серьезным, — заметил пастор, и они крепко пожали друг другу руки.

Пастор внимательно взглянул на Брэта, но не более внимательно, чем это сделал бы человек, смотрящий на бывшего ученика после десяти лет его отсутствия. И Брэт, который не любил священнослужителей, осознал, что пастор вызывает у него симпатию. Он по-прежнему опасался его, но не из-за предубежденности, а потому, что знал Пата Эшби, а еще потому, что его глаза, глубоко посаженные на обезьяньем лице, были умными и пронизательными.

Думая о его уме, Брэт с удовольствием вспоминал, что Лодинг особенно старательно натаскивал его по вопросам, связанным с обучением Пата Эшби.

Что касается сестры Алека, то это была самая прекрасная женщина, которую Брэт встречал в своей жизни. Он никогда не слышал о знаменитой Нэнси Ледингхэм, но ее брат красноречиво описал ее: "Она могла выйти замуж за кого только хотела. Каждый мужчина был бы счастлив, если хотя бы мог смотреть на нее. Но она выбрала Джорджа Пека". Лодинг показал Брэту фотографии Нэнси во всевозможных нарядах: от купальника до вечернего платья, сшитого для представления ко двору, но ни один из снимков не мог передать ее спокойную красоту, веселье и очарование. Брэт понял, что Джордж Пек, должно быть, достойный человек, раз Нэнси выбрала его.

— Кого ты сегодня обучала верховой езде — юного Тоселли? — спросила Нэнси у Элеанор. — Это он — странное создание, с которым я встретила тебя сегодня после обеда?

— Да, это был Тони, — ответила Элеанор.

— Как же он напоминает мне времена моей молодости!

— Тони? Каким образом?

— Ты этого не помнишь, но когда-то существовали кавалерийские полки. И в каждом полку была команда трюкачей. А в каждой команде трюкачей был свой "комедант". Они выглядели точно как Тони.

— Может, ты удивляешься, что я его вообще сегодня взяла на занятия, — заметила Элеанор. — Но после Шейлы Парслоу учить его — настоящий праздник. Тони когда-нибудь еще станет хорошим наездником.

— Будущему любителю лошадей можно простить абсолютно все, не так ли? — с легкой иронией вмешался пастор.

— Неужели Парслоу настолько безнадежна? — поинтересовался Саймон.

— Она никогда не будет ездить лучше. Ерзает по седлу, словно кусок льда по тарелке. Мне хочется плакать от жалости к лошади каждый раз во время уроков Шейлы. К счастью, спина у Журавля мощная, и он практически ничего не чувствует.

Переход из столовой в гостиную изменил настроение присутствующих. Беседа как бы разделилась на маленькие ручейки. Брэт внезапно почувствовал себя настолько усталым, что еле мог держаться на ногах. Его обычно крепкая голова отяжелела от вина, к которому он не привык, а мысли клубились словно дым. Девочки пожелали всем спокойной ночи и поднялись наверх. Би разлила по чашкам кофе из кофейника, но он оказался не настолько горячим, как полагалось. Би с выражением отчаяния взглянула на Нэнси.

— Наша Лана, да? — сочувственно спросила Нэнси.

— Да. Я думаю, она спешила на свидание к Артуру и не могла подождать еще десять минут.

Саймону тоже не хотелось разговаривать, словно его усилия для поддержания разговора внезапно оказались бесполезными. Только Элеанор, казалось, перенесла из столовой атмосферу сердечности и радости, которая сделала ужин таким удачным. В минуты молчания, между попытками поддержать разговор, был слышен тихий шелест дождя за высокими окнами.

Они довольно долго сидели за кофе, пока Нэнси не проговорила:

— Это был тяжелый день для Брэта, Би. Думаю, все вы устали. Мы, пожалуй, пойдем домой, а ты, Брэт, когда переживешь визиты всех соседней, непременно должен прийти к нам.

Саймон принес ее плащ, и все вышли на крыльцо, чтобы попрощаться с гостями. Нэнси сняла вечерние туфельки, взяла их под мышку и обула сапоги, оставленные за дверью. Затем взяла под руку мужа, прижалась к нему под их единственным зонтом, и они вышли в темный сад.

— Старая добрая Нэнси, — протянул Саймон. — Ледингхэмы непобедимы.

— Милая Нэн! — Би прошла в столовую и окинула комнату усталым взглядом. — Я думаю, Нэнси права. Пора ложиться спать. Это был волнующий день для всех нас.

— Но мы же не хотим, чтобы он уже закончился? — спросила Элеанор.

— У тебя завтра в половине десятого — урок с Парслоу, — напомнил ей Саймон. — Я видел запись в журнале.

— А зачем ты заглядываешь в журнал?

— Мне нравится проверять, не мошенничаешь ли ты с подоходным налогом.

— Да, пора спать. — Элеанор зевнула. — Это был прекрасный день. — Она повернулась к Брэту, чтобы пожелать ему спокойной ночи, но вдруг смутилась, подала ему руку — и стала медленно подниматься по ступенькам.

Брэт тоже решил пойти к себе в комнату и обратился к Саймону:

— Спокойной ночи, Саймон, — и наткнулся на внимательный, холодный взгляд светлых глаз.

— Спокойной ночи и тебе ... Патрик, — ответил Саймон, словно слегка потешаясь.

— Ты не идешь наверх? — услышал Брэт голос Би, обращенный к Саймону.

— Еще нет.

— Проверь, пожалуйста, везде ли погашен свет. И заперты ли двери.

— Да, конечно. Спокойной ночи, дорогая Би.

Брэт обернулся и увидел, как Би обнимает Саймона. Он ощутил глгчее чувство ревности, и это его потрясло. Какое ему дело до всего этого?

Через несколько минут Би вошла за ним в бывшую детскую. Взглянув наметанным глазом на постель, она воскликнула:

— Эта идиотка обещала положить бутылку с горячей водой и забыла это сделать.

— Не беспокойся. Я все равно обхожусь без нее.

— Ты, наверное, считаешь нас шайкой изнеженных бездельников.

— Я считаю вас очень симпатичной шайкой, — улыбнулся Брэт.

— Ты устал?

— Да.

— Слишком устал, чтобы встать к завтраку в половине девятого?

— Для меня это поздно до неприличия.

— Тебе нравилась твоя суровая жизнь, Брэт?

— Разумеется.

— Я считаю, что ты — очень милый. Жаль, что так долго был вдали от нас, но мы рады, что ты вернулся. Спокойной ночи, дорогой. — И, выходя, добавила: — Звонить, разумеется, бесполезно, все равно никто не придет. Но если тебе вдруг захочется жареных креветок или воды со льдом либо почитать "Путь пилигрима"...

— Спокойной ночи, — попрощался Брэт.

Стоя в темноте у открытого окна и вглядываясь в полукруг луга во влажном свете звезд, он размышлял о том, что все удалось, даже превзошло самые сумасбродные обещания Лодинга. И что теперь? К чему это все приведет? Как скоро Саймон обвинит его в мошенничестве? И как долго он сможет вести жизнь, которая напоминает прогулку по минному полю?

Мысли его неожиданно переключились на Би. Что это было за чувство, которое он испытал, когда она взяла его за руку? Чем отличалось пожатие ее руки от тысяч других в его жизни? Почему он почувствовал тепло в сердце, что его растрогало? Что такого необычного в том, что женщина берет тебя под руку? К тому же женщина, в которую ты не влюблен и никогда не будешь влюблен. Но никто другой так не брал его за руку. Так спокойно, но... не властно. Это прикосновение вызывало чувство причастности к семье. Рука безоговорочно приняла его, потому что он принадлежал к этой семье. Это была инстинктивная доброжелательность женщины по отношению к родственнику. Неужели банальный жест показался ему благословением потому, что он никогда раньше не испытывал ничего подобного?

И засыпая, Брэт продолжал думать о Би. О ее взгляде исподлобья, когда она над чем-то задумывалась; о ее храбрости, о том, как она отважилась приехать к нему в ту комнатку в Пимлико, о том, как она поцеловала его, еще не будучи уверенной, что он действительно Патрик, о том, как она держалась после его приезда в напряженный момент, когда не было Саймона.

Она милая женщина, эта Беатрис Эшби, и он ее любит.

Он уже почти совсем уснул, как вдруг его осенило.

Он вспомнил что-то.

Он уже понял, кого напоминает ему Саймон Эшби.
Гордеца.

Глава 14

В среду утром Би взяла с собой Брэта, чтобы нанести визиты арендаторам трех ферм: Фрэнчлэнд, Андерхилл и Уигселл.

— К Гейтсу мы заедем под конец, только узнать, как у него дела, — сказала она.

Гейтс считался наименее важным, потому что Уигселл была самой маленькой из ферм, чтобы от доходов с нее можно было жить. Но у Гейтса в деревне была мясная лавка, которая работала два дня в неделю, и это делало его независимым от доходов Уигселла.

— Ты умеешь водить машину, Брэт? — спросила Би, когда они собирались сесть в автомобиль.

— Да, но лучше садись за руль ты. Ты лучше знаешь, — он чуть не сказал "дорогу", — машину.

— Очень мило с твоей стороны, что ты называешь это машиной. Ты, наверное, привык, что руль находится с левой стороны.

— Да.

— Жаль, что нам приходится взять "клопа". Наш автомобиль нечасто выходит из строя. Джеймсон разложил все его внутренности на полу в гараже и в молчаливой ярости занимается вскрытием.

— Мне нравится этот "клоп". Я вчера на нем приехал со станции.

— Да. Кажется, это было так давно. Тебе тоже?

— Да.

— Ты уже знаешь, что нам больше не грозит опасность со стороны "Клэрион"? — спросила она, когда они ехали по аллее под аккомпанемент мотора "клопа", который строчил словно швейная машинка.

— Нет.

— Ты не читаешь газеты за завтраком?

— Я никогда не жил в таких местах, где читали бы газеты за завтраком. Мы просто включали радио.

— Ну да, я забыла, что ваше поколение не нуждается в чтении.

— И каким же образом мы избавлены от опасности?

— Нас спасли три человека, о которых мы никогда раньше не слышали и с которыми никогда не встретимся. Четвертая жена дантиста из Манчестера, муж актрисы и владелец черного кожаного чемодана. — Она нажала на клаксон и медленно свернула с аллеи направо. — Хозяин оставил чемодан на Черинг-Кросс, а внутри были чьи-то руки и ноги. Может быть, это были руки и ноги хозяина чемодана. Надеюсь, это дело на некоторое время привлечет внимание журналистов "Клэриона". Муж актрисы подал в суд, обвиняя ее в холодности, — это тоже хорошая тема. Поскольку репортажи с процессов о разводе вышли из моды, процесс о холодности жены для газетчиков — как подарок судьбы. Особенно когда речь идет о Тэтти Такерс. — Она с удовольствием оглянулась вокруг. — Люблю утро после дождя.

— Еще об одной вещи ты не рассказала.

— О чем?

— О четвертой жене дантиста из Манчестера.

— Ах да. Эту бедняжку эксгумировали из очень дорогой и изысканной гробницы, и оказалось, что она прямо-таки нафарширована мышьяком. А ее муж исчез.

— И ты считаешь, что журналисты будут слишком заняты, чтобы интересоваться нами?

— В этом я уверена. У них недостает места даже для того, чтобы напечатать все материалы о Тэтти. Сегодня утром ей посвятили целую страницу. Если они вообще захотят написать о семье Эшби, они напечатают маленькую заметку внизу страницы, а пять миллионов читателей прочтут ее и через две минуты не будут в состоянии повторить, что там было написано. "Вестауэр Таймс" поместит в утреннем выпуске сдержанную, как всегда, заметку, и на этом дело кончится.

Итак, очередное препятствие устранено. А пока что ему надо подготовиться к визитам на фермы Фрэнчлэнд и Уигселл. Этих людей он должен знать.

На ферме Фрэнчлэнд хозяйничали высокий румяный мужчина и его высокая бледная сестра. "Все боятся мисс Хасселл, — говорил ему Лодинг. — У нее лицо ведьмы и злой язык. Ей достаточно сказать одну фразу, и она допечет любого человека".

— Это честь для нас, — сказал мистер Хасселл, подойдя к калитке и увидев, кого привезла Би. — Мистер Патрик, очень рад вас видеть.

Мисс Хасселл взглянула на Брэта, когда они пожимали друг другу руки, и сказала: — Что за неожиданная радость. — Банальная фраза, произнесенная холодным тоном, как нельзя более удачно охарактеризовала ситуацию и позабавила Брэта. — Дальние страны не очень-то вас изменили, — продолжила она, расставляя стаканы на столе в маленькой гостиной, тесно заставленной мебелью.

— Только одна вещь изменилась, — ответил Брэт.

— Изменилась?

— Я больше не боюсь вас.

Старик Хасселл расхохотался.

— Вот в этом, сынок, ты побил меня. Я до сих пор адски ее боюсь. Если я на полчаса позже возвращаюсь с рынка, то крадусь словно вор.

Мисс Хасселл никак не отреагировала, но Брэт заметил в ее взгляде какую-то новую заинтересованность, словно он ей понравился. Она вышла и принесла с кухни немного бисквитов, которые раньше не собиралась подавать.

Они пили белый портвейн и рассуждали о породистых курах.

На очередной ферме они застали только толстуху миссис Докет, она была занята сбиванием масла в маслобойке — небольшом помещении с тыльной стороны дома.

— Входите, кто там? — позвала она.

Они вошли через парадную дверь в прохладный, выложенный кафелем коридор, и свернули в холодное помещение маслобойки.

— Я не могу оторваться от этого занятия, — продолжала миссис Докет, взглянув на них. — О Боже, я не знала! Я думала, а вдруг это просто кто-то из соседей. Дети — в школе, а Чарли — в амбаре и... О Господи, подумать только!

Би машинально сменила ее у маслобойки, пока она здоровалась с Брэтом.

— Ну-ну, — приговаривала добродушная толстуха, — типичный красавчик Эшби. Вы сейчас стали больше похожи на Саймона, чем раньше.

Счастливым днем для всех нас, мисс Эшби. Просто трудно поверить. Я недавно сказала Джо: "Я в это не верю. Такие вещи происходят в книгах. В фильмах и в театре. Но не с такими спокойными людьми в таком тихом месте, как Клэр". Но вы на самом деле здесь, и все это действительно случилось. Мистер Патрик, мне очень приятно видеть вас живым и здоровым.

— Можно мне немного повзбывать? — спросил Брэт, показывая на маслобойку. — Я никогда еще ничего такого не делал.

— Конечно, можно, — удивленно ответила миссис Докет. — Вы специально приходили сюда по субботам утром, чтобы взбивать масло.

Сердце Брэта оборвалось.

— Приходил? А я и забыл об этом.

“Всегда откровенно говори, что чего-то не помнишь, — советовал ему Лоддинг. — Никто не может оспорить, что ты помнишь, а о чем забыл, но на тебя набросятся, если ты станешь притворяться хоть в чем-нибудь”.

— Я думала, что вы сейчас делаете это с помощью электричества, — услышал Брэт слова Би, когда она уступала ему место у маслобойки.

— Все остальное, конечно, мы делаем с помощью электричества, — ответила миссис Докет. — Но я не верю, что таким образом можно сделать хорошее масло.

Они пили крепкий горячий чай, ели пухлые, посыпанные крошкой булочки и разговаривали об учебе детей.

— Милая миссис Докет, — сказала Би, когда они ехали обратно домой. — В глубине души она считает, что электричество — это дьявольское изобретение.

Но Брэт был погружен в свои мысли. Он решил, что ему впредь надо быть поосторожнее с высказываниями. Слова о маслобойке не привлекли внимания, но очень легко споткнуться на чем-то важном. Надо поменьше разговаривать.

— Давай подумаем о пятнице, Брэт, — предложила Би, когда они повернули в сторону Клэр и Уигселл.

— А что будет в пятницу? — спросил он, отгоняя тревожные мысли.

— Твой день рождения, — улыбнулась Би. Ну да, конечно. Теперь у него есть день рождения. — Ты забыл, что в пятницу тебе исполняется двадцать один год?

— Почти забыл, — он перехватил ее удивленный взгляд.

— А что касается пятницы, — продолжала Би, — я подумала, что раз мы отложили празднование до приезда дяди Чарльза, то в пятницу не будем устраивать прием для гостей. Мистер Сэндал придет с документами, которые ты должен подписать, он останется на ланч, и мы будем в тесном семейном кругу.

Подписать документы. Да, он знал, что рано или поздно надо будет подписать какие-нибудь бумаги, он даже научился писать большие буквы почерком Патрика, благодаря старой тетради, которую Лоддинг нашел где-то в доме священника и стянул. В конце концов, то, что он подпишет какую-то бумагу, не делает его еще большим подлецом, нежели сейчас.

— Ты хочешь, чтобы все так и было?

— Что? Ах, день рождения? Да, конечно. Мне не нужна вечеринка. То есть не нужно торжество. Неужели мы не можем принять факт вступления в возраст совершеннолетия как естественную вещь?

— Соседи будут огорчены, если мы так поступим. Они все ожидают приглашения на торжество. Думаю, надо их порадовать. Готовы даже приглашения. Я изменила дату — на четыре дня позже после приезда Чарльза. Он должен быть здесь через двадцать три дня. Так что придется тебе это, как говорила наша няня, “перетерпеть”.

Да, ему придется перетерпеть. А пока он может немного расслабиться. Семью Гейтс он мог и не знать.

Они опять приближались к деревне, слева от них виднелась белая ограда выгона. Утро, ясное и влажное после дождя, было волнующе прекрасным. Когда они миновали ворота, ведущие к дому священника, Би произнесла:

— Алек Лоддинг недавно приехал на уикенд.

— Да? Чем он сейчас занимается?

— По-прежнему играет маленькие роли в ужасных комедиях и фарсах. Ну, знаешь: четыре действующих лица, пять дверей и одна кровать. Я его не видела, но Нэнси говорила, что он стал лучше.

— Каким образом?

— Он теперь больше интересуется другими людьми. Стал добрее. Попытался даже наладить отношения с Джорджем. Нэнси считает, что это влияние возраста. Он чувствовал себя вполне удовлетворенным, часами просиживая с книгой в кабинете Джорджа, когда Джорджа не было дома. А когда тот возвращался, они беседовали по-приятельски. Нэнси счастлива. Она всегда очень любила Алека, но побаивалась его визитов. Деревня всегда навевала на него тоску, а Джордж — еще большую, и он никогда не делал ни малейшего усилия, чтобы скрыть ее. Так что это очень приятные перемены.

— А ты, наверное, не помнишь Эмму Видлер? — продолжала Би. — Она выросла здесь и вышла замуж за Гейтса, который тогда хозяйничал на своей ферме по ту сторону от Бура. Когда ее отец умер, Гейтс оставил на своей ферме арендатора, а сам стал хозяйничать здесь. Ну, и еще у него есть мясная лавка. Так что они вполне состоятельные люди. Сын не смог ужиться с отцом, поэтому нашел себе работу механика в одном из центральных графств. Но дочь живет с родителями, и отец души в ней не чает. Она училась в дорогом интернате, где, насколько мне известно, представлялась как Марго. На самом деле ее зовут Пегги.

Они свернули в ворота фермы и остановились во дворе, выложенном маленькими камешками. Две собаки бросились к ним с громким лаем, который должен был продемонстрировать всему миру важность их миссии, а также известить хозяев о вторжении пришельцев.

— Я считаю, что Гейтсу следовало бы заняться воспитанием своих собак, — заметила Би.

Шум привлек внимание миссис Гейтс, и она появилась на пороге. Это была увядшая тихая женщина со следами былой красоты.

— Глен! Джой! Лежать! — скомандовала она, что, однако, не возымело никакого эффекта, и подошла поприветствовать гостей. Но не успела она это сделать, как из-за дома появился Гейтс и опередил ее. Его помпезное приветствие заглушило искренние слова жены, которая улыбалась Брэту, в то время как ее муж трубным голосом возвещал, как он рад видеть опять в этих скромных стенах Патрика Эшби.

Гейтс был крупным мужчиной с довольно заурядной внешностью, но Брэт подумал, что, должно быть, когда-то он кипел молодой энергией и размахом, которые так нравятся красивым миниатюрным женщинам вроде Эммы Видлер.

— Я слышал, что вы занимались выращиванием лошадей, — сказал он Брэту.

— Просто зарабатывал этим на жизнь.

— Пойдемте взглянем, что есть в моей конюшне. — Гейтс повел его за дом.

— Но Гарри, может быть, гости хотят сначала войти в дом и присесть на минутку, — запротестовала жена.

— Они присядут позже. Им больше хочется взглянуть на хорошего коня, чем на твои безделушки. Прошу вас, мистер Патрик. Прошу вас, мисс Эшби. Альфред! — позвал он, когда все вышли во двор. — Выведи нового коня, чтобы мисс Эшби могла на него посмотреть.

Миссис Гейтс, проследовав за ними, оказалась рядом с Брэтом.

— Как же я рада видеть вас, — тихо сказала она. — Как же я рада, что вы вернулись. Я помню вас совсем маленьким, я тогда жила здесь с родителями. Кроме моего собственного сына, я никогда не любила ни одного ребенка так, как вас.

— Ну, мистер Патрик, вы только взгляните на этого коня, только взгляните. Не правда ли — он великолепен!

Гейтс широким движением указал на ворота конюшни, откуда Альфред выводил гнедого коня, казавшегося странно неуместным на маленьком дворе фермы. Трудно было отрицать, что гнедой был исключительно красив.

— Ну, и что вы о нем думаете? Как он вам?

— Но это же тот самый конь, на котором Дик Поуп в прошлом году выиграл скачку с препятствиями в Бате, — воскликнула Би.

— Тот самый, — ответил довольный собой Гейтс. — И не только скачку с препятствиями. Он завоевал кубок на показе лучшего верхового коня. Правда, он стоил мне хороших денег, но я могу себе это позволить, а для моей дочки не пожелаю ничего. Да! Я купил его для Пегги. Я не буду на нем ездить. — Внезапно он взорвался смехом, по крайней мере, Брэт принял это за смех. — Моя дочка, легкая как перышко, отлично держится в седле. Вам, мисс Эшби, не нужно об этом рассказывать, вы сами видели. Никто во всем графстве не заслуживает такого хорошего коня, как моя Пегги, и уж я-то не пожалел на это денег.

— Разумеется, вы купили хорошего коня, — подтвердила Би с энтузиазмом, который удивил Брэта. Он взглянул на нее и задал себе вопрос, чему это она так радуется? В конце концов, этот гнедой — потенциальный соперник Гордеца и всех других верховых лошадей Лэтчетт.

— Покупая его, я, конечно, взял сертификат. Не привык покупать kota в мешке.

— Собирается ли Пегги выступать на нем в этом году?

— Конечно же, собирается. А для чего же еще я его купил?

— Вам нравится этот конь, мисс Эшби? — спросила Пегги Гейтс, подойдя к ним.

Пегги была очень хорошенькой. Бело-розово-золотой. Брэту подумалось, что, если бы можно было скрестить мисс Парслоу с Элеанор, то результат выглядел бы как Пегги Гейтс. Когда их познакомили, она выглядела сдержанной, но старалась произвести впечатление, что рада возвращению Патрика домой. Ее маленькая ручка мягко пожала его ладонь, и отнюдь не по-дружески. Брэт потряс ее руку и едва удержался от непреодолимого желания вытереть свою ладонь о брюки.

Пегги приняла поздравления Би по поводу приобретения такого замечательного коня и после некоторого времени, отпущенного на восхищение им, демонстрируя безупречные светские манеры, пригласила всех в дом, в комнату, меблированную как салон.

Они пили очень хорошую мадеру и разговаривали о сельскохозяйственной выставке в Бьюрсе.

Когда же возвращались домой, Би по-прежнему выглядела так, словно получила в наследство кучу денег. Она заметила удивленный взгляд Брэта и спросила:

— Ну и что?

— Ты выглядишь словно кошка, которой дали миску сливок.

— И миску сливок, и большую рыбу, и кусок печенки. Брэт, ты должен поехать в город и заняться своим гардеробом. Уолтерс будет шить вечерний костюм недели две, а он нужен тебе к приезду дяди Чарльза.

— Что я должен купить? — спросил он, впервые не зная, что делать.

— На твоём месте я бы доверила все Уолтерсу.

— Гардероб для молодого английского джентльмена.

Би искоса взглянула на него, удивленная странными нотками, прозвучавшими в его голосе.

Глава 15

Элеанор вошла в комнату, где Би просматривала послеобеденную почту.

— Она поднялась в седле!

Би непонимающе взглянула на племянницу, ее мысли были поглощены содержанием письма.

— Говорю тебе, она поднялась в седле. Целых пятьдесят ярдов, как хороший наездник!

— Шейла Парслоу? Поздравляю тебя, Нелл.

— Я никогда не думала, что доживу до такого дня. Давайте выпьем шерри по такому поводу!

— Мы с Брэтом сегодня утром выпили столько разнообразных странных напитков, что нам хватит до конца недели.

— Как все прошло, Брэт? — спросила Элеанор, наливая себе немного шерри.

— Не так плохо, как я опасался, — ответил Брэт, глядя на ее тонкие пальцы, ловко переставляющие стаканы.

— Мистер Докет рассказал вам, как он поранился?

— Докет был на рынке, — ответила Би. — Но миссис Докет угостила нас горячими булочками с маслом.

— Милая миссис Докет. А чем вас угостила мисс Хасселл?

— Бисквитами. Сначала она не собиралась их подавать, но потом поддалась очарованию Брэта.

— Неудивительно. — Элеанор взглянула на Брэта поверх своего стакана. — А что было в Уигселл?

— Ты помнишь гнедого коня, который принадлежал Диду Поупу? Того, на котором он выиграл скачку в Бате в прошлом году?

— Конечно, помню.

— Гейтс купил его для Пегги.

Элеанор перестала потягивать шерри и какое-то время обдумывала услышанное.

— Чтобы Пегги выступила на нем в шоу?

— Да.

— Ну-ну! — Элеанор выглядела задумчивой, но явно забавлялась услышанным.

— Ну-ну! — повторила она и снова занялась шерри. Через минуту молчания, прерываемого только шелестом конвертов, которые разрезала Би, она снова заговорила:

— Не знаю, было ли это таким уж разумным поступком.

— Вот именно, — ответила Би, не поднимая глаз.

— Пойду умоюсь. Что сегодня на ланч?

— Гуляш.

— В исполнении нашей миссис Беттс это всего-навсего тушеное мясо.

Вернулись двойняшки с уроков в доме священника и Саймон с конюшни, все сели за стол.

Саймон так поздно пришел на завтрак, что Брэт успел только поздороваться с ним. Он выглядел милым и естественным и, пожалуй, с искренним интересом расспрашивал, как прошло утро. Би рассказывала, а Брэт время от времени бросал замечания, подтверждающие ее впечатления. Когда наступила очередь рассказывать об Уигселл, Элеанор прервала ее:

— Ты знаешь, что Гейтс купил для Пегги нового коня?

— Нет, — ответил Саймон, не проявляя особого интереса.

— Он купил того гнедого, на котором ездил Дик Поуп.

— Грома?

— Да, Грома. Она собирается в этом году выступить на нем в шоу.

Впервые Брэт увидел, как Саймон Эшби покраснел. На какое-то мгновение он прекратил жевать, но потом опять принялся за еду. Румянец постепенно исчез с его лица, бледный профиль обрел свое обычное спокойствие. Элеанор и Би старались не смотреть на него, но Рут наблюдала за ним с любопытством.

А Брэт, поедая гуляш, приготовленный миссис Беттс, размышлял о Саймоне. Саймон Эшби якобы был безумно влюблен в дочь Гейтса. Но доволен ли он, что она получила хорошего коня? Нет. Он взбешен. Более того, женщины в семье знали, что он будет взбешен. Заранее знали, что появление Пегги как соперницы на шоу он сочтет непростительным. Они, что вполне понятно, не хотели, чтобы роман с дочерью Гейтса продолжался долго или приобрел серьезный характер, и обе сразу поняли, что факт приобретения Грома для Пегги решит эту проблему. Что же за человек, этот Саймон Эшби, если не в состоянии вынести даже мысль о том, что его победит любимая девушка?

Брэт вспомнил, как обрадовалась Би при виде гнедого коня и как позабавила эта новость Элеанор. Они сразу поняли, что это означает конец романа с Пегги.

— Брэт мог бы тоже принять участие в скачках, — сказала Рут. — На Гордеце он всех обгонит, правда?

— Гордец не будет участвовать ни в каких деревенских скачках, если я еще могу высказать свое мнение, — буркнул Саймон, не поднимая головы от тарелки. — Он выступит в "Олимпиаде" — вот подходящее место для него.

— Я согласен, — поддержал его Брэт, и атмосфера за столом сразу стала менее напряженной.

Не успел еще закончиться ланч, как появились первые гости, а потом их поток не прекращался. Все пришли, чтобы увидеть Брэта, но он заметил, что те, кто знал Патрика Эшби, пришли с искренней радостью, чтобы приветствовать его возвращение. Каждый из них сохранил о нем какое-то воспоминание, они хорошо помнили Патрика, потому что очень любили и оплакивали его. И Брэт ощутил, что чувствует какое-то абсурдное удовлетворение, и с огромным удовольствием принимал добрые слова о Патрике.

Когда гости пили чай и коктейли, появился местный доктор, и тут Брэту с гораздо меньшим удовольствием пришлось наблюдать, как Элеанор реагирует на его присутствие. Элеанор уделяла ему много внимания, и Брэт, хотя ничего о нем не знал, пришел к выводу, что тот ее не достоин. Из гостей остались только полковник Смоллетт, окружной комиссар полиции, две мисс Бирн, которые жили в доме семнадцатого века на краю деревни и у которых, по словам Би, все стены были увешаны "тарелками, грелками и другими кухонными принадлежностями", и доктор Спенс. Доктор Спенс был молодой, рыжеволосый и костлявый, с приятными манерами. Он занял свою должность после старого деревенского доктора, который лечил всю семью Эшби, и был, как шепнула Би, разливая чай, "слишком способным для того, чтобы практиковать в деревне". Брэт размышлял, не остается ли доктор здесь из-за Элеанор, похоже было, что он испытывает к ней огромную симпатию.

— Вы заставили нас погоревать, молодой человек, — сказал полковник Смоллетт, здороваясь, и Брэт, после деликатных недомолвок остальных гостей, был доволен его искренностью.

Полковник отвез сестер Бирн домой, но доктор не спешил уходить, и только когда Би предложила ему остаться на ужин, он спохватился и попрощался.

— Бедный доктор Спенс, — сказала Би за ужином. — Жаль, что он не остался. Я уверена, что квартирная хозяйка морит его голодом.

— Все нет, — ответил Саймон, к которому вернулось хорошее настроение. — Такие худые, рыжие типы всегда выглядят недокормленными. Кроме того, он все равно ничего бы не ел. Все, что ему надо, — это сидеть и смотреть на Элеанор.

Наихудшие опасения Брэта подтвердились.

Во время ужина все почувствовали усталость, и вечер прошел в тишине.

Возбуждение, вызванное присутствием Брэта, миновало, они приняли его и уже не воспринимали как гостя. Даже непоколебимая Джейн перестала бросать на него обвиняющие взгляды. Он просто стал частью семейного пейзажа, и это было очень приятное ощущение.

Но когда Брэт лег в кровать, его опять одолели тревожные мысли.

Внутренний голос неожиданно спросил: "Интересно, где был Саймон, когда Патрик шел по тропинке среди скал?"

Самоубийством Патрика Эшби занималась полиция. Велось следствие, собирались доказательства. На основании расследования полиция пришла к выводу, что это было, несомненно, самоубийство.

Пришла к выводу? Потому что, должно быть, не имела веских доказательств? Где сейчас рапорт coronера? Наверное, в полицейском архиве. Нелегко будет уговорить полицейских удовлетворить его любопытство, полицейские — народ очень занятый. Но должны быть какие-то упоминания об этом деле в местной прессе. Где-то в архиве находится отчет следствия, и он, Брэт Фаррар, при первой возможности раскопает его. Антипатия или не антипатия, здравый рассудок или никакого здравого рассудка — он хочет знать, где был Саймон Эшби, когда его брат-близнец шел по скалам Вестауэра.

Глава 16

В четверг приехал мистер Сэндал, а в пятницу утром Брэт обнаружил рядом со своей тарелкой подарки. Он вообще не принимал во внимание день рождения. "Все торжества отложены до возвращения в страну мистера Чарльза Эшби", — сказал ему в Лондоне мистер Сэндал, и только когда Би обратила на это его внимание, он вспомнил, что, кроме торжества, неуклонно приближается день, когда ему исполнится двадцать один год. У него не было большого опыта в подобных делах, и он думал, что, раз торжества отложены, члены семьи просто поздравят его. Он растерялся, увидев груды свертков рядом со своей тарелкой. Ему было неловко распаковывать их при всех, но иронический блеск в глазах Саймона придавал Брэту решительности. Он подозревал, что пунктуальный приход Саймона к завтраку в этот день был вызван не столько присутствием мистера Сэндала, сколько желанием насладиться его растерянностью по поводу подарков.

— Ты распечатываешь подарки перед завтраком или потом, Брэт? — спросила Элеанор.

— После завтрака, — быстро ответил Брэт. Может быть, после пары чашек крепкого кофе он почувствует себя увереннее.

Саймон, кроме подарков, получил кучу телеграмм от знакомых, которые не знали еще о возвращении его брата-близнеца, за едой он распечатывал и читал их. За каждой прочитанной вслух телеграммой следовал комментарий.

— Ровно на шиллинг, вот жадина! А я пригласил ее на великолепный ланч, когда последний раз был в городе... Как вы думаете, зачем Бобби поехал в Скай? Он не выносит гор и ужасно мучается там, где есть комары... Гор и Боуэн. Наверное, они хотят напомнить о неоплаченном счете... Я уверен, что не знаю никого по имени Роберт Филдинг. Может, это букмекер?

Когда Брэт уже не мог больше оттягивать распечатывание своих подарков, эта задача была облегчена тем, что, как оказалось, большинство его подарков оказалось такими же, как те, которые Саймон доставал из своей кучи. Ситечко для сахара георгианской эпохи от мистера Сэндала, серебряная карманная фляга от Би, хлыст от Элеанор, записная книжка от близняшек — всего было по два. Только пастор прислал отдельный подарок. Это была музыкальная шкатулка — маленькая деревянная коробочка, из которой доносилась мелодия, когда поднимали крышечку. Брэт никогда раньше не видел и не слышал ничего подобного, и был так обрадован, что совсем забыл о сдержанности.

— Эта шкатулка — из Клэр-Парка, — сказала Би.

Напоминание о Лодинге вернуло Брэта к реальности, и он захлопнул крышечку, не дожидаясь конца нежной тихой мелодии.

Этим утром он собирался продать свою душу, поэтому нет ни времени, ни желания слушать музыку.

Сама процедура подписания документов тоже его удивила. По своей наивности он представлял себе, что перед ним разложат разные документы, он их подпишет, и на этом дело кончится — процедура минут на двадцать. Оказалось, что процесс занял несколько часов. Он и мистер Сэндал сидели рядом за большим столом в библиотеке. Ему дали пересмотреть всю экономическую историю Лэтчетт. "Коссет, Трингл и Ноубл" отчитывались перед своим молодым клиентом за все годы его отсутствия.

Брэт, слегка ошеломленный, но заинтересованный, с трудом поспевал за мистером Сэндалом в путешествии во времени и восхищался, с какой легкостью старик ориентировался во всех этих юридически-финансовых делах.

— Состоянию вашей дорогой матушки, разумеется, далеко до того, когда она его унаследовала, но оно достаточно велико, чтобы обеспечить вам достойную жизнь в Лэтчетт. Как вы заметили, резервы были часто очень незначительными, но мисс Эшби не соглашалась на то, чтобы занимать из капитала, составляющего наследство вашей матери. Она настаивала на том, что вы должны получить его целиком в возрасте двадцати одного года.

Он продолжал раскладывать документы перед Брэтом, который впервые отдал себе отчет в том, насколько трудно было достичь того состояния покоя и стабильности, в котором Лэтчетт пребывало сейчас.

— Что случилось в этом году? — указал он на строчку с особенно низкими цифрами.

Мистер Сэндал просмотрел несколько документов.

— Ах да, припоминаю. Это был очень плохой год. Одна из кобыл погибла, две оказались бесплодными, а очень хороший жеребенок сломал ногу. Очень печальный год. Разведение лошадей — весьма рискованный способ зарабатывать на жизнь. В этом году, например, — его тонкий, сухой палец указал на другие неутешительные цифры, — все в Лэтчетт шло хорошо, но оказалось, что никто ничего не покупает, и жеребята не пошли на продажу даже по самой низкой цене. Все дело в везении. Но вы увидите, что некоторые годы были исключительно удачными, и потери компенсированы.

— Мисс Эшби имеет собственные доходы и никогда не пользовалась никакими фондами Лэтчетт. Она брала деньги только на то, чтобы вести дом. Старшие дети получали по мере взросления все более высокие суммы. За исключением, например, пони для детей, все является имуществом именина. Когда дети ездили на торги покупать лошадей, чтобы потом продавать их, деньги на это давала мисс Эшби, а весь доход от лошадей шел на расходы, связанные с содержанием Лэтчетт. Но, насколько

мне известно, Саймон купил одну или две лошади, которые стали выигрывать на скачках, а Элеанор зарабатывала как тренер верховой езды. Мисс Эшби, разумеется, расскажет вам об этих доходах. Они не фигурируют в документах, которые мы обсуждаем. Шетландские пони куплены за деньги мисс Эшби и являются ее собственностью. Надеюсь, теперь вам все ясно.

Брэт кивнул.

— А сейчас поговорим о будущем. Банк советует, чтобы деньги, оставленные вашей матерью, по-прежнему оставались там. Вы ничего не имеете против?

— Какой доход придется на мою долю? — спросил Брэт мистера Сэндала, и тот четко все объяснил.

Порядок. Он сможет выплачивать Лодингу его часть, и у него еще останутся деньги для того, чтобы выполнять свои обязанности перед Лэтчетт.

— Есть еще текущие расходы на детей. Близнецы, конечно, скоро уедут в школу, и это на несколько лет потребует расходов.

Брэт был удивлен тем, насколько низкие суммы выдавались членам семьи. Как это возможно, думал он, я на ранчо зарабатывал больше за три месяца. Это немного изменило его отношение к Саймону. Ведь Саймон тратил намного меньше денег, чем он.

— Я считаю, что теперь надо бы выплачиваемые суммы немного увеличить, — обратился Брэт к адвокату.

— Да, можно. Но двое взрослых людей не могут быть обузой для имения. Они сами должны заработать на свое содержание.

— И что вы предлагаете?

— Я предлагаю выделить для Элеанор более высокую сумму, пока она живет в Лэтчетт или пока не выйдет замуж.

— А она собирается замуж?

— Мой дорогой мальчик, все юные девушки об этом думают, особенно когда они такие красивые, как ваша сестра. Но мне пока не известно, чтобы она проявила к кому-то особый интерес.

— Ага. А Саймон?

— С Саймоном дело сложнее. Еще несколько недель назад он считал Лэтчетт своей собственностью. Видимо, теперь он не останется надолго, но можно было бы и ему увеличить пособие, как вы предлагаете, по крайней мере, пока он вам здесь помогает.

— Не думаю, что это разрешит проблему, — заметил Брэт, удивленный предположением мистера Сэндала, что Саймон покинет Лэтчетт. Пока ничто на это не указывало. — Я считаю, что часть имения принадлежит ему.

— Вы, несомненно, правы, но не ждите, что я вас поддержу. Нельзя разделить капитал, который принадлежит имению, одновременно сохраняя имение в хорошем состоянии. Пособие на содержание — другое дело: эти деньги берутся из доходов. Но разделять капитал — значит, уничтожать имение.

— Я предлагаю, в случае если Саймон захочет покинуть имение и начать самостоятельную жизнь, выдать ему кредит за какие-то символические проценты.

Старик дружелюбно улыбнулся.

— Нет никаких препятствий для того, чтобы мы именно так поступили. Сейчас для Лэтчетт наступил период процветания. Не думаю, что кредит, выданный Саймону, ухудшит финансовую ситуацию имения. И последний вопрос — это пенсионеры.

— Пенсионеры?

— Да. Разные люди, которые работали в услужении семьи Эшби и уже слишком стары, чтобы работать.

В четвертый раз за это утро Брэт удивился. Он смотрел на длинный список и размышлял, у всех ли состоятельных английских семей есть подобные постоянные расходы. Мистер Сэндал считал это само собой разумеющимся. Была няня, которой сейчас исполнилось девяносто два года, она жила в Шотландии. Был восьмидесятидвятилетний старик-конюший, который жил в деревне, и еще один — из Гессгейта. Была кухарка, которая работала, пока ей не исполнилось шестьдесят восемь лет, а сейчас она жила с дочерью в Хоршеме, и так далее.

Брэт согласился на дальнейшую выплату пенсий, а потом позвали Саймона, чтобы он тоже подписал необходимые бумаги. Би, и мистер Сэндал разъяснил проект увеличения сумм на содержание членов семьи и обеспечения будущего Саймона. Когда Саймон это услышал, он задумчиво посмотрел на Брэта, и тот ясно прочел в его взгляде: "Это взятка, да? Ничего не поможет. Я останусь, черт возьми, здесь, и ты, черт возьми, будешь мне платить". А Би выглядела очень довольной. Она взяла Брэта под руку, когда они шли на ланч, и крепко прижала ее к себе.

— Я поздравил вас обоих и высказал мои наилучшие пожелания во время завтрака, а сейчас хотел бы сказать тост, — провозгласил мистер Сэндал, поднимая бокал красного вина. — За здоровье Патрика, который не только вступил в право наследования, но и взял на себя связанные с этим обязанности.

— За здоровье Патрика! — повторили все. — За здоровье Патрика!

— За здоровье Патрика! — последней высказалась Джейн.

Он взглянул на нее и увидел, что она ему улыбается.

Глава 17

Итак, Брэт завоевал Лэтчетт и всех его обитателей, кроме Саймона.

В воскресенье он поехал в церковь, приговоренный к тому, что все будут не сводить с него глаз полтора часа. Он сидел между Би и Элеанор, Саймон — с другой стороны Би, а близнецы — за Элеанор. Рут купалась в блеске чужой славы и самозабвенно пела псалмы, а Джейн смотрела на собравшихся с ледяным выражением осуждения. Брэт снова и снова читал эпитафии членов семьи Эшби и слушал спокойный голос пастора, который обеспечивал жителей Клэр еженедельной порцией пищи для ума. Пастор не провозглашал проповеди в буквальном смысле этого слова. Он говорил так, словно размышлял вслух.

После проповеди Брэт пошел на ланч в дом священника, но сначала ему пришлось выслушать целую гамму поздравлений и пожеланий от жителей деревни. Би вышла из церкви вместе с ним, готовая прийти на помощь во время этого тяжелого испытания, но ее остановила миссис Глум. Брэт со страхом взглянул на первую незнакомую особу, которая приблизилась к нему: это была полная женщина со щеками словно румяные яблоки, в широкой шляпе, украшенной розовыми розами. Притвориться, что он знает ее? Так же, как и всех остальных, кто пока еще не подошел?

— Ты помнишь Сару Годуин, которая всегда приходила помогать в дни стирки? — услышал он рядом тихий голос Элеанор.

Она переходила с ним от группы к группе и, как заправская секретарша, шепотом коротко сообщала сведения о каждом новом лице: "Гарри Уоттс. Он чинил наши велосипеды. Мисс Марчант, учительница деревенской школы. Миссис Стейпли, акушерка. Томми Фитт. Он был помощником садовника. Миссис Стак, владелица магазина сельскохозяйственных товаров". Затем ловко провела его до самой железной калитки, ведущей к саду священника, открыла ее и сказала:

— Теперь ты в безопасности. Это "запрятанка".

— Что-что?

— Только не говори, что мог это забыть. Когда мы играли в прятки, то всегда так называли безопасное место.

“Однажды, Брэт Фаррар, — думал Брэт, идя по тропинке в сторону дома священника, — ты столкнешься с чем-то, о чем ты не мог забыть ни при каких обстоятельствах”.

Во время ланча они с хозяином дома сидели молча, пока Нэнси развлекала их беседой, потом Брэт гулял по саду с пастором и отвечал на вопросы, касающиеся последних восьми лет его жизни. Умение слушать было одним из несомненных достоинств Джорджа Пека.

В понедельник Брэт поехал в Лондон и сидел, пока перед ним разворачивали рулоны тканей, которые он должен был шупать, чтобы определить их толщину, фактуру и качество. Работники фирмы “Кор и Боуэн” помогли ему подобрать материал, а Уолтерс снял мерки, и все убеждали, что за рекордный срок он будет одет так, что ни один англичанин не постеснялся бы подобного гардероба. Брэт с удивлением узнал, что рубашки тоже шьются по мерке. Он был доволен, что может показаться портным семьи Эшби в приличном костюме, пошитом для него портным мистера Сэндала, и с искренним изумлением услышал нелестное мнение о своей любимой чистой голубой американской рубашке. Ну что ж, раз попал в чужой монастырь...

На ланч он пошел с мистером Сэндалом, который потом повел его в банк и представил директору. Там Брэт реализовал чек, купил конверт для заказного письма и отправил толстую пачку банкнот Алеку Лодингу. Так они договорились. Между ними не должно быть никаких контактов, кроме анонимных банкнот, пересылаемых заказными письмами.

Брэт сел на поезд, который отправлялся в 4.10, и Элеанор ждала его на станции в Гессгейт с “клопом”.

— Нехорошо было бы заставлять тебя ждать автобус, раз у меня есть свободное время, — сказала она. — Теперь тебе долго не надо будет выезжать. Может, только встретить дядю Чарльза. А пока наслаждайся спокойной жизнью.

И Брэт стал наслаждаться.

По утрам объезжал лошадей или учил их прыгать через барьеры на выгоне. Ездил с Элеанор и детьми в Клэр-Парк. Удовлетворил романтическую душу Тони Тоселли, который однажды утром приехал на урок в “детском костюме для верховой езды”, присланном Брэту. Тренировал годовалых лошадей для Элеанор и наблюдал, как она учит молодого чистокровного коня гордо держать голову. Почти все дни напролет они проводили вместе с Элеанор, а когда вечером возвращались домой, тут же составляли план работы на следующий день.

Би с удовольствием наблюдала за их дружескими отношениями, но ей хотелось, чтобы их разделил и Саймон. Саймон же изобретал все больше предлогов, чтобы целыми днями находиться вне дома. Утром он объезжал Гордеца или Ласточку, а потом всегда находил какую-нибудь причину, чтобы поехать на ланч в Вестауэр. Би решила, что Саймон избегает долго находиться дома специально, чтобы таким образом снять напряжение, и надеялась, что скоро он присоединится к Элеанор и Патрику, дружба которых так чудесно развивается.

— Ты должен выступить на шоу в Бьюрсе, — обратилась однажды Элеанор к Брэту, когда они устали вернулись из конюшни. — Иначе люди будут очень удивляться.

— Я мог бы принять участие в скачках, как предлагала Рут.

— Но это же просто смешно. Никто не относится к этим скачкам серьезно. Ты должен продемонстрировать одну из лошадей. У тебя к тому времени будет собственный костюм для верховой езды, и нет никаких причин отказываться от участия.

— Какую лошадь я должен продемонстрировать?

— После Гордеца самая быстрая — Шеврон.

— Но Шеврон — это лошадь Саймона.

— О нет! Шеврон купила Би за деньги, заработанные на конюшне. Тебе уже доводилось принимать участие в скачках?

— Да. Часто. В скачках местного масштаба, конечно. За невысокое вознаграждение.

— Я думаю, что Би хочет продемонстрировать Шеврон как лошадь для верховой езды, но это не причина, чтобы в конце дня Шеврон не могла бы принять участие в скачках. Она очень нервная и возбудимая, но прыгает отлично, и очень быстрая.

Во время ужина они сказали о своем решении Би, и Би с ними согласилась.

— Сколько ты вешишь, Брэт?

— Девять стоунов тридцать фунтов.

Во время ужина Би задумчиво приглядывалась к Брэту. Он был слишком худым. Никто из Эшби двух последних поколений не обладал нормальным весом, но этот юноша выглядел прямо-таки истощенным. Как только закончатся торжества, связанные с вступлением в совершеннолетие, надо будет что-то сделать с его ногой. Может быть, именно хромотой объясняется болезненное выражение его лица, да еще подчеркнутое худобой. Должно быть, это тяжело для него — и физически, и психически. Надо будет спросить Питера Спенса насчет хорошего хирурга.

Би пришла в восторг, когда обнаружила у Брэта качество, которое совершенно отсутствовало у Саймона: теоретический интерес к коневодству. Саймон разбирался в выведении пород лошадей настолько, насколько это соответствовало его интересам, но его теоретические знания в этой сфере ограничивались "Современными скачками". А Брэт так увлекся просматриванием родословных книг, как другие увлекаются криминалистикой. Однажды вечером Би зашла в библиотеку, чтобы выключить свет, и застала там Брэта, погруженного в изучение родословной книги. Он объяснил, что пытается установить происхождение Пчелки.

— Это не тот том, — сказала Би и вручила ему нужную книгу. Поскольку у нее было еще много работы, она оставила его в библиотеке и совсем про него забыла. Но через два часа увидела, что в библиотеке по-прежнему горит свет. Брэт сидел, обложившись разнообразными томами, и даже не заметил, как она вошла.

С этого времени, когда Брэт исчезал, она знала, что его можно найти в библиотеке — он либо искал что-то в родословных книгах, либо просто любовался снимками лошадей, достойных особого внимания.

Би была глубоко благодарна судьбе не только за то, что племянник вернулся, но и за то, каким он стал. Представляя себе все возможные воплощения Патрика, она поражалась, насколько действительность похожа на ее мечты. Брэт был именно таким, какого бы она выбрала, если бы имела право выбора. Может, слишком молчаливый, несомненно, излишне сдержанный. Но в его обществе даже незнакомые люди чувствовали себя спокойно. Его ровный характер был намного легче, нежели постоянная изменчивость Саймона.

Би написала дяде Чарльзу длинное письмо, которое должно было ожидать его приезда в Марсель, описав ему нового племянника и рассказав обо всем, что невозможно было описать в телеграммах. Чарльз терпеть не мог лошадей, считал их бесконечно глупыми и бесполезными животными, норовистыми и лишенными способности обучаться чему-либо. Он утверждал, что трехмесячный ребенок, который не страдает воспалением мозговых оболочек или каким-либо врожденным дефектом, более способен делать правильные выводы, чем самый умный и идеально выдрессированный породистый конь. Чарльз любил кошек, и если иногда, вопреки своим принципам, поддавался уговорам и входил в конюшню, то заводил дружбу с мест-

ным котом и вместе с ним удалялся в какой-нибудь укромный уголок до окончания показа лошадей. Он сам напоминал кота — это был добродушный полный мужчина с мягким круглым лицом, и хотя рост его превышал шесть футов, он легко ступал своими большими ногами, словно накачанный воздухом.

Чарльз был очень привязан к своему старому дому и семье, но с удовольствием утверждал, что принадлежит к древней, более мужественной эпохе, когда лошади были всего-навсего транспортным средством, способным перевозить тяжелые грузы, а человеку незачем было напрягать слабые мускулы, чтобы заставлять изнеженных породистых скакунов преодолевать ненужные препятствия.

К тому же даже полуголодный кот способен прыгнуть выше коня, и его даже не надо этому обучать.

Но внуков брата он любил самозабвенно.

Би писала:

“...Самый большой успех Брэта — завоевание Джейн, которая из-за Саймона сначала восприняла его недоброжелательно. Поэтому она долго сторонилась его, пока наконец не капитулировала. Рут же сначала ужасно липла к нему, но он не очень это поощрял — я думаю, потому, что чувствовал ее нелояльное отношение к Саймону, — и теперь она немного сторонится его.

Джорджу Пеку он, пожалуй, нравится, но, как мне кажется, Джордж с трудом прощает ему многолетнее молчание. Я, конечно, тоже.

Саймон держится безукоризненно. Он принял свой отход на второй план с потрясающей силой духа и стойкостью. Я думаю, он чувствует себя очень несчастным, и ему трудно сопоставить нового Патрика с прежним. Самую большую обиду своим многолетним молчанием Патрик нанес Саймону. Я могу лишь предположить, что он вообще не собирался возвращаться. Я пыталась что-нибудь разузнать, но из него нелегко вытянуть даже капельку сведений. И в детском возрасте он был весьма сдержанным, а сейчас — тем более. Может быть, он более откровенно побеседует с тобой, когда ты приедешь.

Мы все заняты подготовкой к показу лошадей в Бьюрсе, который — я думаю, это известие тебя обрадует — состоится за три дня до твоего предполагаемого приезда в Англию. Мы надеемся, что Лэтчетт добьется хотя бы скромного успеха, и наши труды будут вознаграждены. У нас есть три новые лошади, на уровне гораздо выше среднего, и надеемся, что хотя бы две из них соответствуют требованиям соревнований в “Олимпиаде”. Посмотрим, как они поведут себя на соревнованиях, когда возьмем их в Бьюрс. Патрик решительно отказался принимать какое-либо участие в выступлениях этого года, оставив всю славу Саймону и Элеанор, которым она по праву принадлежит. Я считаю, это более всего характеризует того Патрика, который к нам вернулся”.

Глава 18

Саймон должен был представлять Гордеца и участвовать на нем в соревнованиях, поэтому Брэт целиком предоставил ему возможность тренировать коня, а сам занимался другими лошадьми. Но бывали дни, когда Саймон отсутствовал, и кому-то другому приходилось тренировать Гордеца. Брэта такие дни радовали даже больше, нежели он сам себе признавался. Ведь Гордец — это было нечто совершенно иное. Гордец — это вызов, восторг и удовлетворение, это неуверенность и триумф.

Как-то Брэт решил проехаться на Гордеце по столетним травмам Клэр-Парка.

Конь грациозно обходил каждую группу деревьев, пока они не приблизились к огромному дубу. Оказавшись в тени развесистого великана, конь внезапно встал на

дыбы и испуганно всхрапнул. Брэт удивился. Какое воспоминание, связанное с этим деревом, вызвало столь сильную реакцию? Может, не воспоминание, может, он что-то увидел в траве?

— Вы всегда подкрадываетесь к девушкам, сидящим под деревьями? — спросил чей-то голос, и из травы вынырнул тюленеобразный силуэт мисс Парслоу. Опираясь на локоть, она рассматривала всадника. Брэт был немного удивлен, что она одна. — Вы что, никогда не ездите на другом коне — только на этой черной бестии?

Брэт ответил, что ездит и на других лошадях, и довольно часто.

— Наверное, с моей стороны будет нескромно предположить, что вы искали в парке меня?

Брэт ответил, что ищет подходящее место, чтобы поучить Гордеца хорошим манерам.

— А он что, плохо себя ведет?

— У него есть дурная привычка внезапно нырять под дерево и сбрасывать седока из седла.

Мисс Парслоу крепче оперлась на локоть и с еще большим интересом взглянула на коня:

— Да что вы говорите! Никогда не думала, что у животных хватит на такое ума! И как вы собираетесь его отучить?

— Я сделаю так, что проезжать под деревьями станет для него болезненным.

— Вы будете его бить?

— О нет! Это бы не помогло. Он не должен связывать битье с деревом. — Брэт потер хлыстом темную гриву Гордеца, и тот наклонил голову. — Вы себе и представить не можете, как странно иногда соображают лошади.

— Что касается лошадей, меня ничто не удивит. Так как же вы собираетесь это сделать?

— Я позволю ему приблизиться к дереву, а когда он свернет под него, дам в бок шпорой, чтобы он запомнил это на всю жизнь.

— Ох нет! Это слишком жестоко. Бедное животное. Он вас возненавидит.

Брэт вдруг вспомнил, что мисс Парслоу давно не принимала участия в уроках верховой езды и что в последнее время ее не видно возле конюшен. Он спросил, как продвигаются ее занятия верховой ездой.

— Я от них отказалась.

— Совсем?

— Угу.

— Но ведь у вас неплохо получалось. Элеанор говорила, что вы научились правильно держаться в седле.

— Ну, если ерзание в седле называть "правильно держаться"... Мне гораздо удобнее находиться в седле, чем лошади — под седлом. Я ощущаю все намного болезненнее. — Она сорвала длинную травинку и принялась жевать ее, глядя на Брэта с лукавой улыбкой. — Да мне уже и не надо вертеться около конюшни. Если я хочу увидеть Саймона, то знаю, где его найти.

— Где? — невольно вырвалось у Брэта.

— "У Ангела", в баре наверху.

— В Вестауэре? Но разве вы можете ездить туда всякий раз, как вам захочется?

— Я езжу туда к зубному врачу, — рассмеялась она. — Или, точнее выражаясь, ездила. Школа договорилась о первом визите к дантисту, разумеется, а потом я просто должна извещать их, когда у меня следующий визит. Я подсчитала, что у меня около тридцати зубов, значит, до конца семестра должно хватить. — Она рассмеялась. Зубы у нее были великолепные. — Вот я и жду здесь автобус на Вестауэр. Я могла бы уе-

хоть предыдущим рейсом, но в этом автобусе очень симпатичный кондуктор. Он уже пригласил меня в кино на будущей неделе. Если Саймон и дальше будет вести себя так, как все эти месяцы, то есть совершенно игнорируя меня, я, может, займусь этим кондуктором — у парнишки ресницы с целый дюйм длиной. Но пока Саймон прекратил задирать нос, поэтому я, наверное, дам кондуктору отставку. — Она продолжала демонстративно жевать травинку. — Можно сказать, я теперь — настоящая подружка Саймона.

— О!

— А вы отбили у него Гейтс, как я советовала?

— Нет.

— Забавно. Он ее явно избегает. И вас не больно-то любит, если говорить честно. Поэтому я и подумала, что вы у него отбили Пегги. Наверное, все дело в том, что вы отняли у него Лэтчетт.

— Вы опоздаете на автобус.

— Вы умеете быть таким же грубым, как Саймон.

— Я просто хотел сказать вам, что автобус уже почти доехал до кузницы. Он будет у ворот через...

— Что?! — воскликнула она, срываясь с места так резко, что Гордец испуганно закружил на месте. — О Боже! Ох Боже ты мой!..

Шейла помчалась через парк к воротам, что-то выкрикивая на ходу. Брэт смотрел, как зеленый автобус притормозил у ворот Клэр-Парка, и думал, что она успеет на автобус и ее день не пропадет напрасно. Она найдет Саймона. "У Ангела". В баре наверху.

В том, что Саймон проводит время в Вестауэре, в баре "У Ангела", не было ничего странного. Станным было представить себе Саймона в роли "друга" Шейлы Парслоу. Раньше она не была достойна даже его презрения. Он считал ее чем-то вроде примитивной формы жизни. Что же с ним случилось, почему он не просто терлит ее общество, но и стал ее "другом"? Ведь девушка явно не врала. Брэт попытался представить себе Саймона с Шейлой, но у него ничего не получилось.

Что случилось с Саймоном, высокомерным, критичным Саймоном, если он находит возможным терпеть эту девушку и проводить целые часы в ее обществе?

Возвращаясь верхом на Гордце домой, Брэт размышлял над странным характером и поведением Саймона, но, как всегда, не пришел ни к каким выводам.

Он передал коня Артуру, чтобы тот вытер животное, и пошел с Элеанор посмотреть на нового жеребенка Регины.

— Невероятная старушка! — улыбнулась Элеанор, глядя на новорожденного, который шатался на неправдоподобно длинных ногах. — Еще один великолепный жеребенок. Неудивительно, что она выглядит такой довольной. Сколько лет люди приходят восхищаться ее детьми! Прямо старая герцогиня! Я думаю, жеребята — просто повод каждый год принимать поклонение. Она о них ни капельки не заботится.

— Он ничуть не лучше жеребенка Пчелки, — заметил Брэт, без особого энтузиазма рассматривая жеребенка.

— Ох уж эта твоя Пчелка!

— Вот подожди — посмотришь, какого жеребенка принесет Пчелка в следующем году от своего нового друга!

— Твой энтузиазм по отношению к Пчелке выходит за рамки приличия.

Они дружно рассмеялись, а потом Элеанор заметила:

— Как хорошо, что ты с нами, Брэт, — и взяла его за руку.

— Этот парень... Этот доктор — он собирается приехать в Бьюрс на праздник? — неожиданно для обоих вырвалось у Брэта.

— Не думаю. Он слишком занят. Почему ты спрашиваешь о нем?

Брэт и сам не знал.

Они ходили по выгонам так долго, что опоздали к чаю и пили его вдвоем. Джейн, старательно расправлявшаяся с вальсом Шопена, при виде их с нескрываемым облегчением прекратила барабанить по клавишам.

— А можно мне двадцать пять минут считать за полчаса, Элеанор? — спросила она. — Точнее, двадцать пять с половиной минут.

— Можешь считать, как тебе угодно, лишь бы нам не пришлось выслушивать этот вальс во время еды.

Джейн сползла с табурета, сняла с носа очки, которые делали ее похожей на сову, сунула их в карман бриджей и, преисполненная благодарности, скрылась за дверью.

— Рут вкладывает в ноты все нюансы и настроение, несмотря на то что немилосердно фальшивит, а Джейн признает точность или ничего. Не знаю, какую манеру исполнения больше возненавидел бы Шопен, — заметила Элеанор, соорудив себе бутерброд из толстого куска хлеба, щедро намазанного маслом.

Брэт с удовольствием смотрел, как она наливает чай точными, неспешными движениями. Однажды фундамент, на котором зиждется его жизнь, рухнет: Саймон осуществит свой план, чтобы уничтожить его, или его собственное неосторожное слово приведет к тому, что все шаткое строение рассыплется. И тогда не будет Элеанор. Это было не последним из его опасений.

Они ели в дружелюбной тишине, время от времени обмениваясь незначительными фразами.

Потом Элеанор спросила:

— Ты говорил с Би о куртках для соревнований?

Брэт ответил, что забыл.

— Пойдем, посмотрим на них. Они в шкафу в седельне.

Они вернулись в конюшню, и Элеанор, раскладывая жокейские куртки на столе, говорила:

— От них остались практически одни лохмотья, такие они старые. Их шили для отца, а потом немного сузили для Саймона, когда он был худее, чем сейчас. Потом опять расширили, когда он набрал вес. Может, мы сейчас сможем позволить себе... — она запнулась.

— Да. Мы закажем новые.

— Я думаю, что фиолетовый и розовый — красивые цвета, как ты считаешь? Но они очень быстро выгорают. Саймон зимой от холода синееет, он говорит, что эти цвета выбрали специально, чтобы они гармонировали с его лицом.

Они рылись в шкафу, находя сувениры с прежних соревнований, ходили по седельне и разглядывали длинный ряд розеток; под каждой находилась табличка с объяснением, где и как она была завоевана.

В конце концов Элеанор закрыла шкаф со словами:

— Пора нам готовиться к ужину. — Повернула ключ в замке и повесила на место. — Возьмем эти куртки с собой. Надеюсь, они будут тебе впору, потому что в последнее время их носил Саймон. Но куртки надо погладить.

Они вышли из седельни и столкнулись лицом к лицу с Саймоном.

— О, Саймон, ты вернулся... — начала Элеанор и осеклась, увидев выражение его лица.

— Кто ездил на Гордеце? — кипит бешенством, спросил он.

— Я, — ответил Брэт.

— Гордец — мой конь, и ты не имеешь права брать его, когда меня нет.

— Должен же был кто-то сегодня потренировать его, — спокойно проговорил Брэт.

— Никто, кроме меня, не будет тренировать Гордеца. Никто. Если я собираюсь отвечать за то, как он будет прыгать, то я решаю, кто и когда будет тренировать его.

— Но, Саймон, это глупо, — возразила Элеанор. — Есть...

— Заткнись! — прошипел он сквозь стиснутые зубы.

— Я не стану молчать! Это лошади Брэта, и если кто-то будет командовать, что и когда делать с ними, то...

— Заткнись, я тебе сказал! Я не позволю, чтобы тупоголовая деревенщина из глубокой провинции портила такого коня, как Гордец.

— Саймон! Да ты что?

— Приехал неизвестно откуда и командует в конюшне, как будто прожил здесь всю свою жизнь!

— Ты, наверное, напился, Саймон, раз позволяешь себе так говорить со своим братом.

— Какой он мне брат! Ты дуручка несчастная, да он даже не Эшби. Бог его знает, кто это. Конюх какой-нибудь. Я в этом не сомневаюсь. И он годится только на то, чтобы подметать наши конюшни. Нечего ему разъезжать повсюду на моих лучших лошадях. С этого дня, жалкий чертов выскочка, ты не смеешь прикасаться к лошадям, которых я собираюсь объезжать. Они будут стоять, пока я не скажу, что их можно взять, а когда я позволю взять их, не ты будешь объезжать их. У нас полно других конюхов.

Его вздернутый подбородок находился в двух футах от лица Брэта, и Брэту ужасно хотелось одним ударом сбить Саймона с ног, но он не мог сделать этого в присутствии Элеанор.

— Ну? Ты слышал, что я сказал? — выкрикнул Саймон, еще более разъяренный его молчанием.

— Слышал, — спокойно ответил Брэт.

— Запомни это. Гордец — мой конь, и ты не сядешь на него, пока я тебе не позволю. — Саймон развернулся и бросился к дому.

Элеанор выглядела подавленной.

— Ох, Брэт. Мне так неловко! Ему взбрело в голову, что ты — не Патрик, еще до того, как он тебя увидел, а сейчас, когда выпил, со зла высказал все вслух. Со злости Саймон часто говорит такие вещи, которых на самом деле не думает.

Брэт по опыту знал: наоборот, в ярости люди говорят именно то, что думают, но успокоил Элеанор, объясняя, что с каждым может приключиться подобное, когда он выпьет, и не о чем беспокоиться.

Они пошли в дом за Саймоном, но хорошее настроение от проведенного вместе дня исчезло, словно его и не было.

Саймон не появился на ужине, а когда Элеанор спросила, где он, Би ответила, что он поехал на станцию Гессгейт, чтобы встретиться в баре со знакомым. Кто-то позвонил ему перед самым ужином.

Би выглядела спокойной, и Брэт решил, что она действительно поверила в историю со знакомым, который остановился на ночь на постоялом дворе в Гессгейт.

А утром Саймон спустился к завтраку, как обычно, в нормальном настроении.

— Боюсь, я слишком поддал вчера, — сказал он. — И, должно быть, вел себя не очень хорошо. Приношу мои искренние извинения. — И взглянул на Брэта и Элеанор доверчивым и дружелюбным взглядом. — Мне вообще нельзя пить джин, — добавил он. — Этот напиток затмевает разум и разрушает душу.

— Ты вел себя просто ужасно, — холодно произнесла Элеанор.

Но атмосфера стала менее напряженной, и день прошел спокойно. Би пришла со двора выпить вторую чашечку кофе, потом появилась Джейн, прижимая к животу мисочку с овсянкой, которую она принесла с кухни, как это было заведено в Лэтчетт, очень поздно явилась Рут с “бриллиантовой” заколкой в волосах, ее отправили обратно, чтобы она сменила заколку.

— Откуда она выкопала эту гадость? — спросила Би, когда Рут удалилась с громкими воплями протеста, что из-за Би опоздает на уроки.

— Она купила эту заколку, когда мы были в последний раз в Вестаузере, в магазине Вулворта, — объяснила Джейн. — Знаешь, тетя, это не настоящие бриллианты, но я считаю, что на шиллинг и шесть пенсов — это очень удачная покупка.

— А почему ты не купила себе такую же, Джейн? — поинтересовалась Би, глядя на старенькую заколку в волосах девочки.

— О, я считаю, что бриллианты — не мой стиль, — ответила Джейн.

Так дом Эшби вернулся к привычному образу жизни и подготовке ко дню в Бьюрсе, который должен был изменить их жизнь.

Глава 19

Бьюрс — небольшой торговый городок, расположенный на север от Вестаузера в центре графства. Он выглядит почти так же, как и другие маленькие торговые городки на юге Англии, если не считать того, что расположен в той части, которая побогаче. По этой причине сельскохозяйственная выставка в Бьюрсе, хотя и была событием местного масштаба, имела репутацию и значение значительно большие, чем можно было ожидать от события в таком маленьком городке. Ежегодно там появлялись лошади, для которых это был только этап на пути к большим триумфам в других местах, и было привычным явлением, когда кто-то, наблюдая за конем, выставленным на серьезном показе, говорил: “Я помню, как его первый раз выставляли в Бьюрсе три года назад”.

Ежегодная ярмарка, которая проходила в начале лета, была не только торговым мероприятием, но и событием светской жизни, и заканчивалась она балом в зале собраний лучшей гостиницы, где жены фермеров обменивались сплетнями, а молодые удалыцы, которые не встречались со дня охотничьего бала, обсуждали лошадей.

Грэгг привез лошадей в Бьюрс во вторник вечером. Артур в среду утром последовал за ним с пони и конем Элеанор, Бастером, который не выносил других боксов, кроме собственного, и способен был разнести чужую конюшню вдребезги. Саймон, девочки и Би поехали на автомобиле, а Брэт, Элеанор и Тони Тоселли — на “клопе”. Тони Тоселли умолял, чтобы ему разрешили принять участие в соревновании на лучшего всадника среди детей, и Брэт злился, что это похожее на головастика создание сидит между ним и Элеанор. Он чувствовал, что скоро может потерять Элеанор, и поэтому каждая минута, проведенная с ней, имела для него огромное значение.

— Погода будет чудесная, — сказала она, глядя на высокий купол безоблачного неба. — Я положила свои перчатки в карман?

— Да.

— Что ты собираешься делать все утро? Изучать выставку джемов миссис Гудвин?

— Пройдусь по трассе соревнований.

— Это очень разумно с твоей стороны, Брэт, — похвалила она его. — Правильно.

— Другие участники, должно быть, знают эту дистанцию до последнего дюйма.

— О да. Для большинства из них это ежегодное событие. Би не забыла дать тебе билет на трибуну?

— Не забыла.

— Он у тебя с собой?

— С собой.

— Я сегодня что-то разболталась, да? Но рядом с тобой всегда как-то спокойнее. Ты что, Брэт, никогда не нервничаешь?

— Вообще, никогда.

— Я слышала, что у Пегги Гейтс есть новый наряд по случаю праздника. Не помню, ты уже видел ее верхом на лошади?

— Нет.

— Выглядит она прекрасно, — одобрительно произнесла Элеанор. — Пегги — очень хорошая наездница. Думаю, она отлично представит коня Дика Поупа.

В темном холле гостиницы "Под шахматной доской" их поджидала Би и сказала, что Саймон пошел в конюшню.

— Наши комнаты — номер 17, 18 и 19, Брэт. Ты занимаешь номер 17 с Саймоном, мы с Нелл — 18, а девочки будут рядом, в номере 19.

Брэт не ожидал, что ему придется делить комнату с Саймоном. Он взял сумку Элеанор и свою и пошел с ними наверх, а Элеанор последовала за ним.

— Когда я приехала сюда в первый раз и мне разрешили переночевать в гостинице, я думала, что ничего более приятно в моей жизни уже не случится, — сказала она. — Поставь сумку здесь, Брэт, спасибо. Мне надо быстренько распаковаться, потому что иначе платье будет безнадежно измято.

В семнадцатом номере везде были разбросаны вещи Саймона, даже на второй кровати. Странно, но эти предметы и в отсутствие хозяина несли на себе отпечаток его агрессивности.

— Если ты потеряешься, Брэт, — сказала Би, когда он спустился в холл, — то знай, что ланч начнется в половине первого в специально установленной для этого палатке. Последний столик налево от входа. Что ты собираешься делать сегодня утром?

— Он хочет пройти по трассе соревнований, — сказала Элеанор.

— Хорошо. Только не забреди на территорию государственных учреждений, а то тебя арестуют.

Брэт осмотрел выставку и вошел в парк, где красными флажками была обозначена трасса предстоящих соревнований. Не считая нескольких острых поворотов и хорошо замаскированных препятствий в поле, это была не особенно трудная трасса. Препятствия установлены строго по правилам, а трава выглядит великолепно.

Сердце Брэта учащенно билось от волнения, он с неохотой вернулся на территорию выставки. Но вдруг с изумлением понял, что рад видеть знакомые лица вокруг стола, когда вошел в большую палатку, где подавали ланч. Люди подходили и приветствовали, люди, которые знали Билла и Нору Эшби, и даже еще отца Билла. Никто из них не ожидал, что он будет их помнить, достаточно было проявлять простую вежливость.

— Ой, кажется, мне нехорошо, — сказала Рут, когда они с Брэтом остались одни на трибуне.

— Меня это ничуть не удивляет.

— Почему? — удивилась она, ожидая совершенно другой реакции.

— После трех порций мороженого с сиропом...

— Это вовсе не из-за еды, — запротестовала Рут, — а потому, что у меня деликатная нервная система. Я заболела от волнения. Меня тошнит. Ой, вон стоят Роджер Клинт с Элеанор.

— Кто такой Роджер Клинт?

— У него здесь недалеко большое имение.

Роджер Клинт, молодой человек с черными бровями, вел себя с Элеанор как старый друг.

— Он любит Элеанор, — драматическим тоном произнесла Рут.

— Как же можно не любить Элеанор? — проронил Брэт, но его сердце сжалось.

— Здорово бы было, если бы она вышла за него замуж. У него куча денег, красивый большой дом и страшно много лошадей.

Сам того не желая, Брэт спросил, думает ли Элеанор о браке с Роджером.

— Он должен ждать свои семь лет. Знаешь, как библейский Яков. Бедный Роджер по ней с ума сходит, а она — *La Belle Dame Sans Merci* — прекрасная дама, не знающая жалости.

La Belle Dame Sans Merci тем временем распрощалась с мистером Клинтом и пришла к ним на трибуну в тот момент, когда юные всадники в возрасте до десяти лет выезжали к старту.

— А вы знаете, что Тони с трудом попал в эту группу? — спросила она, садясь рядом с Брэтом. — Ему только послезавтра исполнится десять лет.

Новички ездили шагом, рысью и галопом под снисходительными взглядами судей, а потом начался отсев. Даже с трибуны было видно выражение фанатичной решимости в темных глазах Тони.

Он решил либо выиграть, либо погибнуть от героических усилий. Из шести кандидатов, имеющих виды на победу, осталось всего четыре, но эта четверка озадачила судей. Снова и снова их выпускали в галоп, звали на просмотр, а потом опять посылали на трассу. Наград было только три, следовательно, одного надо было отсеять.

В этот момент Тони разыграл свою, как ему казалось, козырную карту. Галопируя перед трибуной, он встал на колени в седле, а потом, неуклюже карабкаясь, гордо выпрямился в седле.

— Господи ты Боже мой! — взволнованно воскликнула Элеанор.

По трибуне прокатилась волна смеха. Но у Тони наготове был еще один номер. Он снова упал на колени, ухватился за передний край седла и встал на голову, довольно неуверенно размахивая в воздухе тонкими паучьими ножками. Это вызвало целую бурю аплодисментов и смеха, а Тони, счастливый, снова сел в седло и пришпорил удивленного коня, который было замедлил бег.

Этот маневр определил решение судей, и огорченный Тони наблюдал, как его соперники получают три розетки.

— Лучше мне не встречаться с ним, пока я не остыну, — проговорила Элеанор, — потому что я готова убить его.

Тони отдал лошадь Артуру и подошел к ней с веселым выражением на лице.

— Тони, идиот ты несчастный! — воскликнула Элеанор. — Как тебе в голову пришло выкинуть такое?

— Я хотел показать, как я умею ездить.

— А где ты научился подобным цирковым штучкам?

— Я тренировался на пони, которого запрягают в газонокосилку. У него спина намного шире, чем у Мазилы, и поэтому мне трудно было сегодня удержать равновесие. А эти люди не умеют оценить хорошую езду, — добавил он, кивком указывая на судей.

Элеанор потеряла дар речи.

Брэт рассмеялся, дал ему денег и велел сходить за мороженым.

— Я хочу посмотреть, как будет выступать Джейн, — сказала Элеанор.

Джейн на Радже, в своем лучшем костюме для верховой езды, выглядела отлично. До сих пор Брэт всегда видел ее в вытертых брюках и растянутом свитере, которые она носила дома, и его удивила маленькая подтянутая фигурка девочки.

— Джейн из всех Эшби лучше других держится в седле, — нежным голосом продолжала Элеанор, следя за тем, как девочка серьезно и сосредоточенно покоряет Раджу своей воле. — Единственная ее соперница — вон та высокая девочка на сером коне.

Серый конь высокой девочки был очень красив, но судьям больше понравились Джейн и Раджа.

— Славная старушка Джейн, — сказал Саймон, подходя к ним. — Десятилетний ветеран.

— Ох, Саймон, ты видел это? — спросила Элеанор, заново переживая свой позор наставницы.

— Пусть тебя, Нелл, утешит мысль о том, что все могло быть гораздо хуже, — ответил он и сочувственным жестом положил руку ей на плечо.

— Куда уж хуже?

— Он мог бы при этом еще выводить рулады на тирольский манер.

Она рассмеялась:

— Это очень смешно, и, наверное, я над этим еще долго буду смеяться, но пока что мне хочется провалиться сквозь землю.

— Пойдем, Нелл, — позвал Саймон, — пора забирать лошадей. — И они ушли, а на трибуне появилась Джейн.

— Сейчас будет интересная группа с Роджером Клинтон и Элеанор, — быстро проговорила она.

Элеанор уже садилась на стройную лошадь по кличке Ласточка, а Роджер Клинт сидел рядом с ней на гнедом красавце, у которого на ногах были самые длинные и белые "чулки", какие когда-либо доводилось видеть Брэту. Они тихо о чем-то переговаривались.

— Как ты думаешь, кто придет первым? — спросила Джейн у Брэта.

Брэт оторвал взгляд от Элеанор и Клинта и заставил себя сосредоточиться на остальных участниках заезда. Судья велел Би проехать галопом на Шеврон. Брэт удивился. Это была новая, серьезная, даже строгая Би.

— Ну, так что ты думаешь, Брэт? — переспросила Джейн.

— Конечно, Гордец.

— Не конь Пегги?

— Гром? Нет. Он может выиграть в прыжках, но не в этом забеге.

И Брэт не ошибся. Судьи впервые увидели Гордеца, и он произвел на них слишком большое впечатление. Это мнение разделяли все. Когда, получив розетку победителя, Саймон ехал на Гордеце перед трибунами, аплодисменты перешли в шквал оваций.

— Это не та тварь, которая убила старого Феликса? — спросил какой-то голос сзади. — Они должны были пристрелить эту скотину, а не давать ей награду.

Второй оказалась румяная и счастливая Пегги на Громе, третье место довольно неожиданно выиграла Би на Шеврон.

— Эшби, как всегда, на первых местах, — сказал кто-то из зрителей на трибуне. Громкие овации заглушили его, а потом раздался голос Рут:

— Ох, я проиграла все свои карманные деньги на будущий месяц!

— Кому? — спросила тетя Би.

— Богу, — ответила Рут.

Глава 20

Брэт взглянул на себя в маленькое треснутое зеркало в мужской раздевалке и убедился, что в розовом и фиолетовом цветах он выглядит так же плохо, как и Саймон. Надо было иметь смуглое лицо Роджера Клинта, он в этих цветах выглядел бы великолепно. Но Брэт в этот момент не смог бы дружелюбно смотреть на Роджера Клинта. Сколько раз за сегодня он видел Элеанор, она неизменно пребывала в его обществе, более того, выглядела чрезвычайно довольной этим обстоятельством.

Брэт поглубже на глаза надвинул козырек жокейской шапки.

“Какое, собственно говоря, тебе дело до всего этого? — спросил его внутренний голос. — Ты же ее брат. Помнишь об этом?” “Заткнись!” “Не твоя это забота”. “Да заткнись же ты наконец!”

Он вышел из почти пустой раздевалки и пошел искать Шеврон. Все серьезные дела этого дня были завершены — в тени деревьев участники соревнований неспешно водили под уздечки пони, другие сидели в кафе, ожидая результатов последнего забега. Одинокая Пегги Гейтс на темно-гнедом коне искала взглядом кого-то в толпе и казалась усталой и опечаленной. Поравнявшись с ней, Брэт приостановился.

— Вам просто чертовски не повезло.

— О, здравствуйте, мистер Эшби! Что вы сказали?

— Вам просто не повезло.

— Ах это! — Она улыбнулась. — Ничего, иногда такое случается. — Она произнесла это философским тоном, но Брэт готов был поклясться, что у нее в глазах стояли слезы. — Мистер Эшби, как вы считаете, может, я сделала что-то такое, что могло обидеть Саймона? Мне кажется, что в последнее время он меня избегает, а я не сделала ничего такого... что могло бы... — Она попыталась улыбнуться, но ей это не удалось, и девушка отъехала, махнув ему рукой.

Значит, не желание стать хозяйкой Лэтчетт руководило прекрасной Пегги, а любовь к Саймону. Бедная Пегги!

Элеанор ждала на Бастере под деревьями, но стремя в стремя рядом с ней стоял Роджер Клинт, который тоже нашел себе коня для этого соревнования. Он рассказывал какую-то длинную историю, а Элеанор сочувственно кивала головой. Брэт обогнул их издали и пошел в конюшню, где застал Би и Грэга. Грэг наблюдал, как Брэт взвешивается и седлает нервную и недовольную Шеврон.

— Ее раздражает шум толпы, — объяснил он. — Она слышит что-то непонятное. На вашем месте, мистер Патрик, я вывел бы ее и проехался шагом. Покажите ей толпу, она к ней привыкнет и забудет о своих нервах.

И Брэт забрал взволнованную лошадь в парк, где она постепенно успокоилась, как и предсказывал Грэг. Там и нашел его Саймон, чтобы напомнить — уже пора на старт.

— Ты не забыл подписаться в книге? — спросил он.

— В книге? — удивился Брэт. — Зачем подписываться?

— Что ты согласен на участие твоего коня в соревновании.

— Я никогда не слышал, что надо подписываться в какой-то книге. Ведь конь заявлен на соревнования, правда?

— Да, но в прошлые годы были неприятности с безбилетными посетителями. Несколько ловкачей взяли лошадей, которых хозяева не собирались выпускать на дистанцию, бесплатно покатались на них, а одного коня даже загнали.

— Хорошо. Где же книга?

— Возле весов. Я покараулю Шеврон, пока ты не вернешься.

В маленькой конторе за столом сидел полковник Смоллетт.

— Ну, молодой человек, ваша семья сегодня в ударе. Три приза! Вы намереваетесь завоевать четвертый? Книга? Какая книга? Ах, этот документ. Да-да, пожалуйста.

Брэт сказал, что никогда не слышал о подобной процедуре.

— Возможно. Я тоже не слышал. Но это в некоторой степени страшает руководство соревнований от расходов. Один человек, коня которого взяли без его согласия, подал в суд и чуть не выиграл дело. Поэтому ваш брат посоветовал такую форму подстраховки.

— Мой брат? Это посоветовал Саймон?

— Да. У Саймона есть голова на плечах. Теперь никто не сможет сказать, что коня выпустили на дистанцию без согласия хозяина.

— Понятно.

Брэт вернулся в парк и взял поводья Шеврон у Артура.

— Мистер Саймон сказал, что не может больше ждать, мистер Патрик, но он желает вам удачи. Он пошел к остальным на трибуны, чтобы понаблюдать за финишем.

— Хорошо, Артур, спасибо.

— Мне пойти с вами, сэр?

— Спасибо, не надо.

— В таком случае тоже поищу себе место на трибунах. Удачи вам, сэр. Мы на вас поставили. — И конюх начал быстро проталкиваться через толпу.

Брэт перебросил вожжи через голову Шеврон и уже хотел было вскочить в седло, но вдруг решил проверить подпругу. Оказалось, что кто-то ее сильно расслабил. Этот кто-то рассчитал так, что он смог бы въехать на открытое пространство и взять, может, два препятствия. Потом седло начало бы скользить на спине нервной Шеврон, и лошадь понесла бы.

Артур? Нет, не Артур. Наверняка Саймон.

Брэт затаил подпругу и двинулся на старт. Там его догнал на Чулке Роджер Клинт в бело-красной одежде.

— Вы — Патрик Эшби, да? Меня зовут Роджер Клинт. — Он перегнулся в седле, и они пожали друг другу руки. — Как приятно, что вы здесь.

— Кто выиграл последний забег? — спросил Брэт.

— Я. На голову опередил Нелл.

— О, Нелл!

— В прошлом году она обошла меня на Бастере, поэтому справедливо, что в этом году наступила моя очередь. А мне очень нужен серебряный кубок.

У Брэта не было времени спросить, зачем же ему так нужен серебряный кубок? Пора было становиться на старт, у него был пятый номер, а Роджер Клинт стоял далеко, с внешней стороны. Участников было четырнадцать, и, конечно, на старте неизбежно возникла сумятица.

Брэт не спешил. Он позволил другим опередить себя, чтобы оценить противников, и понял, что по крайней мере пять из лошадей сегодня уже так устали, что вообще не стоит их воспринимать всерьез как соперников. Еще трех он наблюдал во время соревнований юниоров, и ему не верилось, что они вообще справятся с дистанцией. Оставалось пять, из них три представляли опасность: гнедой конь, на котором ехал какой-то офицер, рослый молодой карий конь и конь Клинта.

Брэт начал выдвигаться вперед.

Без особых усилий он обошел пятого из самых сильных коней. Четвертый соперник издавал такие звуки, словно оркестр духовых инструментов, но еще как-то держался. Перед ним по самому краю дорожки ехали военный на гнедом коне, фермер на своем большом скакуне карей масти и Роджер Клинт на коне каштановой масти

с белыми чулками. Не считая Шеврон, конь Роджера Клинта, видимо, был самым лучшим, но военный ехал как опытный ветеран, а фермер несся сломя голову.

Когда всадники вернулись в парк, их было уже только четверо: военный, фермер, Клинт и Брэт. Первые двое его не волновали, но он очень хотел победить Роджера Клинта.

Клинт оглянулся в тот момент, когда они съезжали с поля, и дружески улыбнулся ему. Потом уже было не до вежливости. Темп внезапно возрос, и все четверо гнали по зеленой аллее, огороженной красными флажками, словно в конце дистанции их ждала всемирная слава. Конь фермера начал спотыкаться, а конь военного, хотя и крепкий, и, казалось, неутомимый, не мог развить достаточную скорость, чтобы победить. Брэт решил держаться за конем фермера и посмотреть, как будут развиваться события. Он хорошо видел Чулка и понял, что тот быстро теряет силы и что Клинт об этом знает, потому едет осторожно. Перед ними было еще два препятствия. Брэт не знал, какую скорость способна развить Шеврон и сколько у нее осталось сил, поэтому решил, что самым безопасным будет попытаться обмануть Клинта. Он прищипнул Шеврон так, что она сравнялась с Чулком. Клинт увеличил скорость, и оба взяли два последних препятствия одновременно. Но затем Брэт изо всех сил пустил Шеврон на полную скорость и, словно ракета, выскочил вперед. Изумленный Клинт начал подгонять своего коня, но поздно — они находились слишком близко от финиша. Брэт победил.

— Дать обмануть себя с помощью такого старого трюка! — смеялся Клинт, когда они вместе вели лошадей к весам. — Где моя голова!

А Брэт думал, что, независимо от того, собирается Элеанор выходить за этого парня или нет, Роджер Клинт ему очень нравится.

Глава 21

Вечером начался бал.

Весь день Брэт радовался, что будет танцевать с Элеанор, но сначала пригласил на танец Би. Он прошел через весь зал и остановился перед ней:

— Потанцуешь со мной?

Они танцевали, счастливые и спокойные. Би только спросила:

— Кто научил тебя применять на соревнованиях такие приемы?

— Никто. С этим рождаются.

Она рассмеялась и похлопала его ладонью по плечу. Би была очень милой женщиной, и Брэт любил ее. Он любил ее так же сильно, как когда-то любил своего коня по имени Дымок.

— Я сегодня почти не видела тебя после кошмарного трюка Тони, — заметила Элеанор, когда Брэт пригласил ее на танец.

Брэт ответил, что хотел поговорить с ней перед соревнованием, но она была занята разговором с Роджером Клинтом.

— Ах да. Я помню. Его дядя хочет, чтобы он оставил ферму и переехал в Ольстер. Его дядя — Тим Коннелл, у него конюшня в Килбэрти. Тим с удовольствием уступил бы место Роджеру, но тот не хочет уезжать из Англии.

“Вполне понятно, — подумал Брэт. — Англия и Элеанор — это рай”. А вслух произнес:

— Что-то я его не вижу здесь.

— Нет, он не остался на танцы. Он приезжал только затем, чтобы завоевать серебряный кубок и отвезти его своей жене.

— Своей жене?

— Да, на прошлой неделе она родила первого ребенка и послала его на эти соревнования, чтобы он завоевал серебряный кубок для крестин. Что случилось?

— Напомни мне, что я должен когда-нибудь хорошенько надрать уши Рут, — весело рассмеялся Брэт.

Элеанор удивленно взглянула на него.

— Что, Рут опять что-то нафантазировала?

— Она сказала, будто он хочет жениться на тебе.

— Ну что ж, когда-то давно у него была такая мысль. Впрочем, он недавно женился, может, она об этом и не знала. Ты же не собираешься быть таким старомодным и контролировать мои matrimониальные планы?

— А у тебя есть какие-то планы?

— Абсолютно никаких.

Вечер продолжался, он танцевал с ней снова и снова, пока она не проговорила:

— Почему бы тебе не потанцевать еще с кем-нибудь, Брэт?

— Я уже танцевал.

— Только с Пегги Гейтс.

— Ага, значит, ты за мной следила. Я что, отбиваю у тебя поклонников?

— Нет. Мне нравится танцевать с тобой.

— Значит, все в порядке.

Это был первый и, быть может, последний вечер, когда он мог танцевать с Элеанор. Незадолго до полуночи они пошли в буфет, наложили себе на тарелки еды и сели за одним из столиков на террасе. Буфет находился в здании гостиницы, а терраса, окруженная железной изгородью в стиле регентства, выходила в небольшой сад. В саду и над столиками на террасе были развешены китайские фонарики.

— Я слишком счастлива, чтобы есть, — вздохнула Элеанор. Она выглядела задумчивой и молчаливой. — Тебе очень к лицу вечерний костюм, Брэт.

— Спасибо.

— А тебе нравится мое платье?

— Никогда в жизни не видел более красивого.

— Я надеялась, что оно тебе понравится.

— Ты сегодня ужинала?

— Нет. Только выпила немного и съела сандвич.

— Тогда поешь хоть чуть-чуть.

Она ела равнодушно, что было совершенно на нее не похоже.

— Эта семьдесят четвертая ежегодная выставка в Бьюрсе стала событием в жизни Эшби, да? Посиди-ка секундочку спокойно, у тебя на воротнике комар. — Она наклонилась и легко стряхнула комара.

— Ну что, поймала? — спросил он, а когда она не ответила, поднял на нее взгляд.

— Ты — не мой брат, — растерянно проговорила Элеанор. — Я не могла бы чувствовать такое... — Она осеклась, испугавшись собственных слов.

В тишине раздались далекие звуки оркестра.

— Ох, Брэт, прости меня, пожалуйста! Я так не думала! Наверное, я сегодня слишком много выпила и говорю лишнее. — Элеанор расплакалась, схватила свою сумочку со стола и, спотыкаясь, выбежала.

Брэт молча смотрел ей вслед, потом направился в бар, где в дальнем углу с бутылкой шампанского сидел Саймон.

— А, мой большой брат, — сказал Саймон. — Ты не интересуешься тотализатором? Давай выпьем.

— Спасибо. Я сам куплю себе.

Брэт подошел к бару, заказал виски и со стаканом вернулся к столу Саймона.

— Я думаю, что тотализатор для тебя — слишком скучное занятие, — философски заметил Саймон. — Ты хотел бы знать результат раньше, чем сделаешь ставку.

Брэт проигнорировал его слова.

— Я не успел поздравить тебя с победой на Гордеце.

— Совершенно не нуждаюсь в твоих поздравлениях. — Саймон наверняка был сильно пьян. — Я был очень груб с тобой, да? Но мне нравится быть грубым. Я сегодня очень плохо себя веду, да? Как хочется спать! Выпей!

— Я уже выпил.

— Я тебе не нравлюсь, да? — казалось, этот факт доставляет Саймону огромное удовольствие.

— Не очень.

— Почему же?

— Должно быть, потому, что ты единственный не веришь, что я — Патрик.

— Ты хотел сказать, потому, что я — единственный, кто знает, что ты — не Патрик.

Наступило долгое молчание, пока наконец взгляд Брэта не встретился с горящими глазами Саймона.

— Ты его убил, — с внезапной уверенностью проговорил Брэт.

— Разумеется, я его убил. — Саймон наклонился вперед, излучая злобную радость. — Но ты никогда и никому этого не сможешь сказать. Потому что Патрик жив. Патрик жив, ведь я с ним сейчас разговариваю.

— Как ты это сделал?

— Хочешь узнать, да? Ладно, я скажу тебе. Это очень просто. — Он склонился еще ниже и издевательски прошептал: — Видишь ли, я — колдун. Я могу находиться в двух местах одновременно. — Он выпрямился и удовлетворенно взглянул на ошеломленного Брэта. — Ты, наверное, думаешь, что я более пьян, чем есть на самом деле, друг мой. Я сказал тебе о Патрике, потому что ты — мой сообщник. И если ты думаешь, что я избавляю тебя от подробностей, то очень ошибаешься.

— Так почему ты это сделал?

— Он был очень глупым мальчишкой, — небрежно бросил Саймон. — И он не заслуживал Лэтчетт. Если хочешь знать правду — я его ненавижу. — Саймон налил себе в бокал еще шампанского и залпом выпил его. — Прекрасный пример духовной связи между близнецами, не так ли? Я не могу донести на тебя, а ты не можешь донести на меня.

— Однако ты — в более выгодном положении, чем я.

— Да? И в чем это выражается?

— Ты не испытываешь угрызений совести.

— Да, пожалуй, так.

— Я вынужден тебя терпеть, но ты не собираешься терпеть меня. Ты сделал сегодня все, что мог, чтобы убить меня.

— Не все.

— Но будешь продолжать свои попытки?

— Конечно, буду.

— Так я и думал. Человек, который может находиться в двух местах одновременно, способен на большее, чем просто отпустить подругу.

— Разумеется. Но, к сожалению, приходится пользоваться тем, что есть под рукой.

— Понятно.

— А, может, в ответ на мое признание ты тоже что-то расскажешь?

— Что, например?

— Кто ты?

Брэт долго смотрел на него.

— Ты меня не узнал? — спросил он наконец.

— Нет. Кто ты?

— Я — месь, — ответил Брэт, допил свой стакан и вышел из бара.

В коридоре он наткнулся на Би.

— Вы что, с ума все походили? — гневно спросила она. — Элеанор рыдает наверху, Саймон в баре напивается, а ты выглядишь так, словно только что увидел привидение. Что произошло? Вы поссорились?

— Нет, мы не ссорились. Просто у Элеанор и Саймона сегодня был трудный день.

— А ты почему такой бледный?

— Потому что в зале было мало воздуха. Я привык к открытым пространствам.

— Я всегда считала, что в бальных залах достаточно пространства.

— Можно мне взять машину, Би?

— Куда ты поедешь?

— Хочу увидеть восход над долиной Кенли.

— Один?

— Совершенно один.

— Накинь плащ, — посоветовала она. — На улице холодно.

На вершине холма, поднимающегося над долиной Кенли, Брэт остановил машину и выключил мотор. Он вышел из машины и стал на краю поросшего травой холма, опираясь на капот и вслушиваясь в тишину. После солнечного дня в ночном влажном воздухе сильно пахло землей и травой.

Значит, он был прав в своих подозрениях насчет Саймона. Был прав относительно того, что тот похож на Гордеца: породистый, с такими же изысканными манерами, но подлец. Там, в углу бара, Саймон сказал правду и получил от этого удовольствие. Недаром говорят, что некоторым убийцам нравится хвастаться своими преступлениями. Саймону давно хотелось похвастаться, какой он умный, но он не мог себе позволить, пока не нашел "безопасного" слушателя.

Он, Брэт Фаррар, был "безопасным" слушателем.

Он, Брэт Фаррар, владел Лэтчетт, и Саймон не сомневался: он не расстанется с тем, что получил, и станет сообщником Саймона.

Но это, разумеется, было невозможно. Адский союз с Лодингом — это одно, но союз с Саймоном — вещь недопустимая, просто немислимая.

Что же ему делать? Пойти в полицию и сказать: "Послушайте, никакой я не Патрик Эшби. Патрика Эшби убил собственный брат восемь лет тому назад. Я знаю об этом, потому что он мне проговорился в пьяном виде".

А они на это ответят, что в ходе следствия по делу о смерти Патрика Эшби установлено: Саймон Эшби находился во время предполагаемого убийства в обществе кузнеца в Клэр.

Брэт может сказать им правду о себе, но это ничего не изменит, кроме его собственной жизни. Патрика Эшби по-прежнему будут считать самоубийцей.

Как же Саймон сделал это?

"Приходится пользоваться тем, что есть под рукой", — сказал он, когда они говорили о подруге.

Что же было у него под рукой в тот день, восемь лет назад? Каким образом восемь лет назад он использовал невинное стечение обстоятельств, чтобы создать нужную обстановку?

Первый порыв ветра известил о приближении рассвета. Потом опять налетел ветер, заколыхались листья и трава, небо на востоке стало серым. Брэт смотрел, как

встает солнце. Он стоял здесь уже пару часов, по-прежнему далекий от решения проблемы, пока не начал дрожать от холода.

Он сел в машину и доехал до кафе, работавшего всю ночь. Ему очень хотелось выпить чего-нибудь горячего.

В кафе, теплом, ярко освещенном и особенно уютным по сравнению с предрасветной темнотой, Брэт выпил обжигающий кофе. Красивая женщина поджаривала сосиски для двух водителей грузовиков, а третий испытывал свою удачу возле игрового автомата в углу. Они равнодушно взглянули на вечерний костюм Брэта и бросили пару приветственных слов.

Брэт вернулся в Бьюрс к завтраку и поставил машину в гараж. Затем поднялся в семнадцатый номер, где увидел крепко спящего Саймона, его одежда кучей валялась на полу. Даже не приняв ванну, он быстро переоделся и спустился в столовую.

Там он застал Би и близняшек.

— Нелл и Саймон все еще спят, — сказала Би. — Поедем со мной и девочками на машине, а Элеанор заберет Саймона.

— А где же Тони?

— Он уехал вчера с миссис Стак.

Девочки восторженно обсуждали "подвиг" Тони, который теперь явно должен был войти в историю Лэтчетт, и Брэту можно было не принимать участия в разговоре. Би поинтересовалась, оправдал ли восход солнца его ожидания, и заметила, что теперь Брэт выглядит намного лучше.

Глядя на зеленый деревенский пейзаж, мелькавший за окном, Брэт думал о том, что больше никогда не поедет в Бьюрс. Может быть, больше никогда не поедет в машине с Би.

Какими бы ни были последствия признания Саймона, они означали одно: конец его жизни в Лэтчетт.

Глава 22

В воскресенье Чарльз Эшби должен был прибыть в Саутгемптон, и уже ничто не могло отсрочить торжества. Брэт с чувством отчаяния в душе вошел вслед за Би в холл.

— Ты не станешь возражать, если я покину вас ненадолго и съезжу в Вестауэр? — спросил он Би.

— Нет. Тебе действительно надо отдохнуть от семьи. Саймон, например, постоянно исчезает из дома.

Брэт приехал автобусом в Вестауэр, зашел в редакцию "Вестауэр Таймс" и попросил показать архив. Посыльный провел его в подвал и показал, где архив. Брэт перечитал все отчеты о расследовании и понял, что полученные сведения ничем ему не помогут.

Может, он найдет что-нибудь в полных материалах? Брэт ушел из архива, нашел в телефонной книге номер полковника Смоллетта и спросил у него, где находится рапорт о следствии по его делу? В полиции? Если так, не мог бы полковник помочь ему посмотреть этот рапорт?

Полковник мог бы, но подобное желание показалось ему несколько странным.

Заручившись телефонной рекомендацией полковника, Брэт пошел на встречу с высокопоставленным офицером полиции, которого просьба о рапорте слегка позабавила. Он усадил Брэта в кожаное кресло, предложил сигареты и с поспешностью фокусника, достающего из цилиндра кролика, положил перед ним рапорт коронера восьмилетней давности.

Брэт несколько раз внимательно перечитал его. Это было подробное повторение напечатанной в "Вестауэр Таймсе" информации, дополненное всего несколькими деталями.

Он поблагодарил полицейских, угостил их своими сигаретами и ушел, в общем-то, ни с чем.

Дойдя до порта, Брэт остановился, облокотился на ограду и принялся задумчиво рассматривать окружающий пейзаж.

По крайней мере, он установил один факт. Факт, опровергнуть который невозможно. Саймон Эшби в тот день был в Клэр. Так утверждал человек, который не имел причин лгать и не подозревал, что этот факт имеет какое-то значение. Саймон никогда не отдалялся от Пилбима настолько, чтобы его отсутствие стало заметным.

Было два часа дня, когда Брэт спохватился, что уже давно стоит на пристани, и пошел перекусить в маленький портовый бар. Из еды там мало что осталось, но это не имело значения, потому что он сидел, уставившись в тарелку, пока перед ним не положили счет.

Брэт вернулся в Лэтчетт и, не заходя в дом, пошел в конюшню, чтобы прогулять одного из коней. Там был только Артур, он доложил, что все лошади вернулись благополучно, кроме Гордеца, который немного нервничает.

Брэт оседлал лошадь и выехал в сторону пастбища, как и в то утро, когда ездил на Гордеце, и повторил все, что делал в то утро. Он спешился и сел на том же месте, где сидел месяц тому назад, всматриваясь в небольшую зеленую долину. Тогда она казалась ему раем. Даже эта глупая девушка, с которой он разговаривал, не могла испортить впечатление. Брэт вспомнил, как она вытаращила глаза, обнаружив, что перед ней — не Саймон. Она пришла сюда, уверенная, что застанет Саймона здесь, потому что знала — это его любимое место. Потому что он...

Брэт так резко вскинулся, что конь, которого он дернул за уздечку, поднял голову.

Потому что он...

Голос девушки четко звучал в его мозгу. Брэт медленно поднялся и долго стоял, глядя в другую сторону долины.

Теперь он знал, как Саймон сделал это. Знал и ответ на вопрос, который его так озадачил. Знал, почему Саймон боялся, не вернулся ли чудом настоящий Патрик.

Брэт сел на коня и вернулся в конюшню. Ветер гнал с юго-запада тяжелые тучи, начинался дождь. В седельне он вынул из стола листок бумаги и написал на нем: "Я не приду ужинать. Не запирай парадную дверь на ключ и не беспокойся, если вернусь поздно". Вложил записку в конверт, написал на нем имя Би и попросил Артура передать ей, когда будет проходить мимо дома. Потом взял непромокаемый плащ и вышел в дождь. Теперь он знал все. Вот только что с этим делать?

Он шел без определенной цели, не осознавая ничего, кроме страшного вопроса, на который должен найти ответ. Дошел до кузницы, где все еще работал мистер Пилбим, поздоровался, поговорил о работе и видах на погоду и направился дальше по тропинке, ведущей на Танбитчес, пока не достиг вершины холма, где начал прогуливаться среди толстых стволов, угнетенный и нерешительный.

Как ему рассказать Би?

Как рассказать Элеанор? Что будет с Лэтчетт?

Неужели он причинил Лэтчетт недостаточно вреда?

А если бы Саймон остался хозяином поместья, как был им восемь лет? Кому бы это причинило вред? Только одному человеку — Патрику.

Если бы Саймона осудили за убийство Патрика, это было бы ужасно для Би и остальных членов семьи.

Он не должен ничего говорить. Он может уйти, инсценировать самоубийство. В конце концов, ведь Саймон инсценировал самоубийство Патрика, и полицейское расследование ничего не раскрыло. Если это смог сделать тринадцатилетний мальчишка, то сможет и Брэт. Он просто исчезнет, и все останется так, как было месяц назад.

А Пат Эшби?

Пат, если бы мог выбирать, не желал бы наказания для Саймона ценой катастрофы для всей семьи. Пат, который был так добр ко всем и думал прежде всего о других.

А Саймон?

Неужели он, Брэт, подтвердит ужасное предположение Саймона и не сделает ничего? Неужели Саймон проживет долгую жизнь хозяином Лэтчетт? Неужели его дети унаследуют Лэтчетт?

Какую пользу принесло бы Лэтчетт то, что он утаит правду об убийстве?

А может быть, он именно для того и появился здесь таким необычным способом, чтобы раскрыть давнее преступление?

Брэт проехал полмира, чтобы случайно встретить на улице Лодинга. Может, такое странное стечение обстоятельств — некое предназначение? Что он должен делать? С кем посоветоваться? Это нечестно, что на его плечи обрушилась такая огромная тяжесть. Он не обладает достаточной мудростью, опытом, чтобы принимать решение в этом сложном деле.

“Я — месь”, — сказал он Саймону, именно так он и думал. Но когда произносил эти слова, в его руках еще не было орудия мести.

Что делать?..

Пойти сегодня вечером в полицию? Или завтра?

Ничего не делать и позволить, чтобы после приезда Чарльза Эшби начались торжества?

Что делать?

Была поздняя ночь, когда Джордж Пек услышал стук в окно и открыл дверь. Не в первый раз люди стучали в это окно поздней ночью.

В полосе света, падавшей из холла, пастор увидел одного из братьев Эшби, пока что из-за промокших полей шляпы, которые затеняли глаза, не мог сказать, которого именно.

— Святой отец, могу я войти и поговорить с вами?

— Конечно, Патрик. Заходи.

Брэт стоял на пороге, вода струями стекала с его плаща.

— Боюсь, я слишком промок, — нерешительно проговорил он.

— Сними плащ и оставь здесь, — сказал пастор. — Я дам тебе другой, когда будешь уходить. — Он подошел к шкафу и вытащил полотенце. — Вытри-ка голову. — Затем провел юношу в свой кабинет и поставил чайник на электрическую плитку. — Сейчас закипит. Я часто пью здесь чай, когда засиживаюсь допоздна. О чем ты хотел поговорить?

— О ловушке.

— О чем?

— Простите, голова совершенно не работает. У вас найдется что-нибудь выпить?

Пастор налил Брэту чистого виски.

— Спасибо. Простите, что побеспокоил вас и пришел сюда со всем этим, но мне надо с вами поговорить. Надеюсь, вы на меня не сердитесь.

— Я здесь для того, чтобы разговаривать с людьми. Налить еще виски?

— Нет, спасибо.

— Тогда позволь дать тебе сухую обувь.

— О нет, спасибо. Я, знаете ли, привык ходить в промокшей одежде. Святой отец, мне необходим ваш совет в одном необыкновенно сложном деле. Но могу ли я сейчас говорить с вами как на исповеди? То есть я имел в виду, чтобы вы не думали, буд-то должны с этим что-то сделать.

— Что бы ты ни сказал мне, я буду считать это исповедью.

— Сначала я должен вам кое в чем признаться. Я — не Патрик Эшби.

— Да, я знаю, — сказал пастор, и Брэт изумленно взглянул на него.

— То есть... то есть вы хотите сказать, что знали об этом?

— Так мне казалось.

— Почему?

— В каждом человеке есть что-то более значительное, чем внешний облик, привычки и характер. Это его индивидуальность, аура. А я был почти уверен, когда впервые увидел тебя, что раньше мы не встречались. Я ничего в тебе не узнал, хотя у тебя много общего с Патриком и ты очень на него похож.

— И вы ничего с этим не сделали?

— А что я должен был делать? Ваш адвокат, семья, все друзья приняли и приветствовали тебя. У меня не было возможности доказать, что ты — не Патрик. Не было ничего, кроме внутренней уверенности. Мне казалось, что ситуация так или иначе разрешится без моего вмешательства, сама по себе.

— То есть вы имеете в виду, что меня уличат во лжи?

— Нет. Я хотел сказать, что ты не казался мне кем-то, кто мог бы быть счастливым в новой жизни, которую выбрал. Судя по твоему сегодняшнему визиту, я оказался прав.

— Я пришел сюда не только для того, чтобы признаться, что я — не Патрик.

— Не только?

— Я... У меня в голове все перепуталось. Я гулял, чтобы хоть как-то привести в порядок мысли...

— Может быть, мне легче было бы понять все, если ты объяснишь, как вообще попал в Лэтчетт.

— Я... Я встретил в Америке людей, которые раньше жили в Клэр. Они... то есть она подумала, что раз я так похож на Эшби, надо попытаться выдать себя за Патрика.

— А ты должен был выплачивать ей какую-то часть доходов от этого обмана.

— Да.

— Могу сказать только, что она заслужила эти проценты. Из нее получилась бы великолепная учительница. Я никогда не встречался с более солидной подготовкой к экзамену. Так значит, ты — американец?

— Нет, — ответил Брэт, и пастор слегка улыбнулся, заметив, с каким особым выражением было произнесено это слово. — Я воспитывался в детском приюте. Меня подкинули на порог приюта.

И он вкратце рассказал пастору историю своей жизни.

— Я слышал об этом приюте, — продолжал пастор, когда Брэт умолк. — Это объясняет одну вещь, которая меня очень интриговала: твое хорошее воспитание. — Он налил чай и добавил туда виски. — Кстати, может, ты съел бы что-нибудь посолиднее, чем бисквиты? Нет? Тогда возьми вот эти — овсяные, они очень питательные.

— Я должен был сказать вам обо всем этом, потому что мне кое-что стало известно. Патрик не покончил с собой. Его убили.

Пастор поставил чашку на стол. Впервые Брэт видел его потрясенным.

— Убили? Кто его убил?

— Его брат.

— Саймон?

— Да.

— Но Патрик! То есть... Кстати, как тебя зовут?

— Вы забываете, что у меня нет имени. Меня всегда называли Брэт.

— Но, дружище, это же абсурд! Невероятно! Какие у тебя доказательства?

— Мне сказал об этом сам Саймон.

— Саймон?!

— Он хвастался этим и что я никогда не смогу ничего сделать с его признанием, потому что таким образом выдам себя. Видите ли, как только он меня увидел, то сразу понял, что я — не Патрик.

— Когда произошел этот невероятный разговор?

— Вчера вечером, на балу в Бьюрсе. Это не было так неожиданно, как могло бы показаться. Я спровоцировал его, когда он сказал, что знает, что я — не Патрик, и при этом смеялся и хвастался.

— Мне кажется, обстоятельства, при которых происходил ваш разговор, объясняют многое.

— Вы думаете, что мы были пьяны?

— Не совсем. Скажем, вы были подвыпившими. Ты спровоцировал Саймона на разговор, а он, со своим извращенным чувством юмора, сказал тебе то, чего ты от него ожидал.

— Вы на самом деле считаете меня настолько глупым? — спокойно спросил Брэт.

— Должен признаться, ты меня удивляешь. Я всегда считал тебя очень умным.

— Так поверьте же, что я пришел сюда не из-за каких-то дурацких шуток Саймона. Патрик не покончил жизнь самоубийством. Его убил Саймон. Это было предусмотренное убийство. Более того, я даже знаю, как он это сделал.

И он рассказал обо всем пастору.

— Но даже сейчас у тебя нет никаких доказательств. Все, о чем ты мне рассказал, — только теория. Оригинальная и правдоподобная теория, это я признаю. Ее достоинство — в простоте. Но у тебя нет доказательств.

— Мы можем получить их, если полиция узнает правду. Но дело вовсе не в этом. Я прошу совета — надо ли затевать дело или лучше "не будить спящую собаку"?

Пастор не испытывал никаких сомнений. Если было совершено убийство, значит, в силу должен вступить закон. Все остальное — просто анархия.

Однако он считал, что у Брэта нет доказательств против Саймона. Брэт подозревал его в убийстве и высказал эти обвинения Саймону, который в своем, как обычно, импульсивном настроении "признался" в содеянном.

— И вы думаете, что я с четырех утра гулял под дождем из-за глупой шутки Саймона? Думаете, я пришел сюда и признался, что я — не Патрик, из-за этого? — Пастор молчал. — Скажите мне, святой отец, вы удивились, узнав, что Пат совершил самоубийство?

— Необычайно.

— Вы знаете хоть кого-нибудь, кого бы это не удивило?

— Нет. Но любое самоубийство — вещь неожиданная.

— Я сдаюсь, — сказал Брэт.

Пастор пронзительно взгляделся в Брэта.

— Я не защищаю Саймона — у него всегда был нелегкий характер, но подвохи по отношению к обманщику, который выдает себя за другого человека, — это одно, а убийство любимого брата — совершенно другое. Кстати, почему Саймон не обвинил тебя во лжи сразу же, если не поверил, что ты — его брат?

— По той же причине, что и вы.
— Понимаю. Все просто посчитали бы его, мягко выражаясь, недоверчивым.
— И, разумеется, если ему удалось безнаказанно избавиться от одного Патрика, он считал, что легко избавиться и от другого.
— Брэт, как бы я хотел убедить тебя в том, что все это — плод твоего воображения!
— Должно быть, вы весьма высокого мнения о силе моего воображения.
Когда в два часа ночи Брэт уходил от пастора, тот по-прежнему оставался тверд в своем мнении, что все рассказанное Брэтом — всего лишь плод его воображения.
— Приходи ко мне еще, пока ты не принял окончательного решения, — сказал на прощание пастор.
По крайней мере, он помог ему в одном — ответил на главный вопрос. Если выбирать между любовью и правосудием, выбор должен пасть на правосудие.
Парадная дверь в Лэтчетт была не заперта, на столе в холле лежала записка от Би: "Суп — на плите", а к серебряному кубку прислонена написанная рукой Элеанор карточка: "Ты забыл это, ковбой несчастный!"
Он потушил свет, тихо прошел через спящий дом в бывшую детскую и лег в кровать. Постель была теплой: кто-то положил в кровать бутылку с горячей водой. Он уснул, как только его голова прикоснулась к подушке.

Глава 23

В пятницу утром Саймон пришел на завтрак в веселом настроении и мило приветствовал Брэта. Ничто, кроме короткого острого блеска в его глазах, не указывало на перемену в их взаимоотношениях.

Элеанор тоже старалась всячески подчеркнуть, что отношения между ней и Брэтом остались нормальными, хотя и выглядела слегка растерянной. Она предложила после обеда отвезти четыре серебряных кубка в Вестауэр и отдать граверу, чтобы он сделал на них соответствующие надписи.

— Приятно будет снова прочесть на кубке "Патрик Эшби".

— Конечно! — согласился с ней Саймон.

Когда Элеанор и Брэт стали собираться в Вестауэр, Саймон начал настаивать на том, что непременно должен поехать с ними третьим. Один из кубков был результатом его собственных титанических усилий, и у него есть право решать, что будет на нем выгравировано и какими буквами: римскими, арабскими, греческими, кириллицей или просто стенографическими знаками.

Приехав в Вестауэр и договорившись о надписях на кубках, Саймон и Элеанор отправились пить чай, а Брэт сказал, что ему надо сделать кое-какие покупки. Он уже принял решение — так как нельзя идти в полицию без доказательств, он добудет эти доказательства.

Брэт пошел в порт, нашел нужный магазин и купил двести футов веревки. Она была тонкой, зато крепкой как сталь. Он попросил запаковать покупку в картонный ящик и доставить в гараж при заведении "У Ангела", где стоял "клоп".

Когда Саймон и Элеанор появились в гараже, Брэт с невинным видом ждал их в машине с газетой в руках.

Они уже собирались выехать, но Саймон вдруг воскликнул: "Стоп! Мы забыли оставить здесь старую шину!" — Вышел из машины и открыл багажник. — Что в этом ящике, Нелл?

— Я не ставила туда никакого ящика, — не выходя из машины, ответила Элеанор.

— Это не наше.

— Это мое, — сказал Брэт.

— Что это?

— Секрет.

— "Джеймс Фризелл и сын. Корабельная оснастка", — прочел вслух Саймон.

О Боже! На ящике была наклейка, которой Брэт не заметил.

Саймон с громким стуком захлопнул багажник и снова сел в машину.

— Что ты купил, Брэт? Один из корабликов в бутылке? Нет, ящик слишком большой. Наверное, это галеон с полным снаряжением, которыми украшают серванты в пригородных домах, радуя сердца островитян и компенсируя их страдания от морской болезни.

— Перестань дурачиться, Саймон! Что это, Брэт? Или в самом деле секрет?

Если Саймон захочет узнать, что находится в ящике, он все равно так или иначе узнает. Лучше все откровенно объяснить.

— Ну если тебе так уж хочется знать, я просто боюсь, что теряю навыки спиннингиста, вот и купил себе кусок веревки, чтобы потренироваться.

Элеанор пришла в восторг. Брэт должен сегодня же показать, как он это делает.

— Нет. Сначала я должен попробовать сам.

— Ты научишь меня, хорошо?

Да, он научит ее забрасывать веревку. Скоро она его возненавидит, если веревка оправдает цель, для которой куплена.

Когда они приехали в Лэтчетт, Брэт вытащил веревку и оставил ее на видном месте в холле. Би спросила, что это, и он объяснил. Никто больше не обратил на веревку внимания. Брэту очень хотелось, чтобы в последние короткие минуты его пребывания в Лэтчетт ему больше не пришлось бы лгать.

Еще можно было отступить, оставить все как есть. Оставить веревку там, где она лежит, и не отвечать ни на какие вопросы. Веревка не очень годилась для спиннинга, но у него не было времени, чтобы заменить ее настоящей.

Когда наступила ночь и Брэт остался один в своей комнате, он понял, что у него нет выбора. Он прошел полмира именно для того, чтобы сделать это.

Все домашние рано легли спать, утомленные успехами в Бюросе, и Брэт подождал до половины первого, а затем отправился проверить обстановку. Нигде не было света. Царила абсолютная тишина. Он спустился в холл и взял веревку. Открыл окно в столовой, сполз через подоконник в темную ночь и осторожно стянул за собой веревку. Подождал немного, но вокруг было тихо.

Он неслышно прошел через дорогу к газону, сел в тени деревьев возле первого выгона, вдаль от окон, и в темноте ловко завязал узлы, для того чтобы опираться ногами, на равных расстояниях по всей длине веревки. Ему приятно было ощущать под пальцами надежную веревку, эти знакомые прикосновения успокаивали его. Первоклассная веревка, и великолепно годилась для намеченной им цели.

Брэт смотал веревку и перебросил через плечо. Через полчаса должна взойти луна. Молодая луна не очень сильно освещает, но у Брэта в кармане лежали два фонарика, к тому же этой ночью ему совсем не нужен лунный свет.

Слабый свет восходящей луны приветствовал его у подножия холма Танбитчес, и он легко нашел тропинку, ведущую в Вестауэр. Затем Брэт свернул с тропинки и направился к зарослям на высокой стене бывшей каменоломни. Там он обвязал веревку вокруг ствола самого большого из молодых буков и позволил ей разматываться над краем расщелины, пока она не коснулась зеленых зарослей внизу. Это был высокий и крутой склон.

Брэт несколько раз проверил, не перетирается ли веревка, и начал спускаться вниз, нащупывая ногой точку опоры. Он прикоснулся ступнями к первому узлу на веревке, и вдруг услышал голос Саймона, небрежно цедившего, как обычно, слова.

— Я бы не пережил, если бы ты ушел, не попрощавшись. Я мог бы перерезать веревку, и ты бы подумал, что веревка просто лопнула. Но это было бы слишком скучно, правда?

Брэт видел его силуэт на фоне неба. Саймон встал на одно колено на краю скалы, рядом с веревкой. Если бы Брэт протянул руку, то коснулся бы его.

Какая глупость! Саймон не оставил ему ни малейшего шанса. Он даже не стал рисковать и следить за ним. Просто пришел первым и подождал.

— Если ты перережешь веревку, это ничего тебе не даст, — спокойно проговорил Брэт. — Я свалюсь на ветки одного из деревьев и буду кричать до тех пор, пока кто-нибудь не появится.

— Я лично познакомился с этим карьером, можно сказать, почти породнился. — Саймон тихо рассмеялся. — С половины склона ты свалился бы на землю.

Брэт думал о том, удастся ли ему одним быстрым движением спуститься по веревке раньше, чем Саймон перережет ее. Узлы должны были облегчить его подъем, но он мог бы, не обращая на них внимания, съехать по веревке вниз.

А может, лучше... Да. Он оттолкнулся ногой от узла и подтянулся вверх так, что почти коснулся коленом Саймона. Но Саймон почувствовал движение веревки.

— Ну нет! Ты этого не сделаешь! — закричал он и коленом прижал ладонь Брэта. Брэт другой рукой поймал его за ногу и повис на ней, уцепившись пальцами за каблук. Саймон вытащил нож и ударил в запястье Брэта. Тот вскрикнул, но не отпустил руку, потом вытащил ее из-под башмака Саймона и схватил его сзади за каблук. Всем своим телом Брэт старался прикрыть веревку от Саймона, и пока он ее прикрывал, Саймон не мог повернуться и перерезать ее.

— Отпусти! — прошептал Саймон, продолжая в бешенстве колоть его ножом.

— Если ты не прекратишь, — тяжело дышал Брэт, — я потяну тебя вниз за собой.

— Отпусти! Отпусти! — повторял Саймон, не слушая его и рубя ножом, как саблей, в слепой панике.

Брэт отпустил его башмак и схватил руку с ножом.

Саймон отступил как можно дальше, но Брэт изо всех сил сжимал его запястье. Сам он крепко опирался ногой на узел, сделанный на веревке, но у Саймона не было никакой опоры. Он дернул рукой, которая держала нож, а Брэт, сильно изогнувшись, схватился за его левую руку. Теперь он держал Саймона, изогнутого как лук, обеими руками.

— Брось нож! — приказал Брэт.

Говоря это, он почувствовал, что дерн у края карьера сползает. Для него это не имело значения, он только немного отодвинулся от скальной стены. Но для Саймона, который и так прогнулся под весом Брэта, это обстоятельство оказалось роковым.

В ужасе Брэт увидел, как на него валится темная масса. Потеряв опору под ногами, он упал вместе с Саймоном в темноту.

Яркая молния вспыхнула на мгновение в его голове, а потом он вообще перестал что-либо чувствовать.

Глава 24

Би сидела в задымленном кафе над чашкой кофе и в сотый раз за последние сорок восемь часов вчитывалась в надпись на противоположной стороне улицы: "ВОДИТЕЛЕЙ ПРОСИМ НЕ ПРИМЕНЯТЬ ЗВУКОВЫЕ СИГНАЛЫ. БОЛЬНИЦА". Было всего

семь часов утра, но кафе открывалось в шесть, и утром кроме нее всегда был хотя бы один посетитель. Но она не замечала никого. Сидела над чашкой кофе и вглядывалась в большую стену напротив. Теперь она стала постоянной посетительницей этого кафе. "Может быть, вы пойдете что-нибудь перекусить?" — вежливо предлагали ей в больнице, и она переходила через улицу, выпивала чашечку кофе и возвращалась обратно.

Ее жизнь сейчас ограничивалась этим движением между больницей и кафе. Она с трудом могла припомнить прошлое и совершенно не в силах была представить будущее. Существовало только "сейчас", страшный полумир мрачного несчастья. Прошлой ночью ей разрешили поспать в одной из комнат для дежурных сестер, а накануне она просидела до утра в приемном покое. Она слышала теперь только две фразы, до безумия знакомые, как и надпись на стене больницы: "Нет, изменений нет" и "Может быть, вы пойдете что-нибудь перекусить?"

Неопрятная официантка подошла и поставила перед ней чашку свежего кофе, забрав предыдущую.

— Эта уже остыла, — сказала она, — а вы к ней даже не притронулись.

Би была благодарна неряшливой официантке, но чувствовала себя оскорбленной ее сочувствием. Та явно наслаждалась чужой житейской драмой, присутствием Би в кафе и скрытым значением этого факта.

Дверь открылась и вошел доктор Спенс. Небритый, со взлохмаченными рыжими волосами.

— Кофе, пожалуйста, — попросил он официантку и сел за столик Би.

— Как там? — спросила она.

— Еще жив.

— Пришел в сознание?

— Нет. Но появились симптомы улучшения. То есть я хотел сказать, что он может прийти в сознание, но это вовсе не означает, что он выживет.

— Ясно.

— Мы знаем, что в черепе трещина, но пока не можем сказать, есть ли какие-либо другие повреждения.

— Ага.

— Вы не должны жить на одном кофе, вы ведь так ничего и не ели, да?

— Даже кофе не выпила, — доложила официантка, ставя перед доктором полную чашку.

В душе Би поднялась волна гнева на эту женщину, которая вмешивалась не в свое дело.

— Позвольте мне пригласить вас перекусить где-нибудь в городе.

— Нет-нет, спасибо.

— Бар "У Ангела" — всего в миле отсюда, вы могли бы там хорошо отдохнуть и...

— Нет-нет. Мне нельзя уходить так далеко. Лучше я выпью этот кофе. Он горячий и вкусный.

Спенс залпом проглотил свой кофе и расплатился. Какой-то момент он словно сомневался, надо ли оставлять Би одну.

— Я должен возвращаться в Клэр. Вы ведь понимаете, что я бы не оставил его, если бы он не находился в хороших руках? Они сделают для него больше, чем мог бы я.

— Вы и так много сделали для всех нас, — сказала Би. — Я никогда этого не забуду.

Она начала пить кофе, не поднимая глаз. Дверь опять открылась. Это не могло быть очередным известием из больницы, а ничто другое ее не волновало. Она удивилась, когда заметила, что рядом с ней сел Джордж Пек.

- Спенс сказал мне, что ты здесь.
- Джордж, что ты делаешь в Вестауэре так рано?
- Я приехал, чтобы сообщить тебе утешительную вест: Саймон мертв.
- Утешительную?
- Да.

Он вытащил из конверта какой-то предмет и положил перед Би на стол. Это была обычная старенькая авторучка, которая, видимо, долго пролежала под открытым небом, но ее еще можно было узнать благодаря тонкой золотой спирали.

Би долго смотрела на нее, потом подняла взгляд на пастора.

- Значит, нашли... это...
- Да. Она лежала там. Хочешь говорить об этом здесь? Или, может быть, хочешь вернуться в больницу?
- Какая разница? И там, и здесь надо ждать.
- Кофе? — спросила официантка, возникнув рядом с Джорджем.
- Нет-нет, спасибо.
- Что... что там было? То есть что осталось? Что нашли?
- Только кости, моя дорогая. Скелет. Под толстым слоем сгнивших листьев.

И обрывки одежды.

- А авторучка?..
- Она лежала отдельно.
- Ты думаешь, что ее... бросили потом?
- Не обязательно, но, пожалуй, да.
- Понятно.
- Не знаю, утешит ли это тебя, или нет... наверное, утешит...полицейский хирург считает, что он был уже... без сознания, когда его...
- Когда его столкнули, — закончила за него Би.
- Да. Об этом свидетельствует повреждение черепа, насколько я понял.
- Меня это утешает, конечно. Скорее всего, он ничего не успел понять. Просто однажды летним днем перестал жить в тот момент, когда был очень счастлив.
- Рядом с обрывками одежды лежало несколько маленьких предметов. Видимо, вещи, которые были у него в карманах. Но их забрала полиция. Полковник Смоллетт дал мне это, — Джордж взял авторучку и положил обратно в конверт, — с просьбой, чтобы я показал тебе для опознания. Как дела в больнице? Спенс как раз уезжал, когда я пришел.

— Никак. Он без сознания.

— Знаешь, я чувствую себя ужасно виноватым, — продолжал пастор. — Если бы я выслушал его с пониманием, он не затеял бы эти безумные таинственные ночные поиски.

- Джордж, мы должны как-то узнать, кто он.
- Я думаю, что тот сиротский приют...
- Да, я знаю. Они провели обычное расследование и не слишком при этом старались. Мы наверняка могли бы сделать лучше.
- Исходя из предположения, что в его жилах течет кровь Эшби?
- Да. Я не верю в неправдоподобное стечение обстоятельств. Слишком он похож...

- Хорошо, дорогая моя. Ты хочешь приняться за это прямо сейчас?
- Да. Именно сейчас. Время дорого.
- Я поговорю с полковником Смоллеттом. Он знает о расследовании и считает, что все можно провести без твоего присутствия. Нэнси просила, чтобы я спросил у те-

бя, хочешь ли ты, чтобы она приехала в Вестауэр и была с тобой, или, может, люди тебя раздражают?

— Милая Нэн. Скажи ей, что мне легче, когда я одна. Пусть лучше побудет с Элеанор. Это, должно быть, страшно для Нелл — заниматься сейчас повседневными делами, связанными с конюшней.

— А я как раз считаю, что это поможет ей успокоиться.

— Ты уже сказал ей о том, о чем я тебя просила: что Брэт — не Патрик?

— Да. Честно признаюсь, Би, я боялся этого. Ты дала мне одно из самых тяжелых поручений в моей жизни. Она была в состоянии шока, узнав о гибели Саймона. Но случилось нечто поразительное.

— Что именно?

— Она меня расцеловала.

Дверь открылась, и на пороге кафе появилась практикантка из больницы. Молодая, красивая, румяная, в лиловом форменном платье и белом фартуке, она выглядела словно пришелец из другого мира. Девушка заметила Би и подошла к ней.

— Простите, вы — мисс Эшби?

— Да, — ответила Би, встав со стула.

— Мисс Беатрис Эшби? Очень приятно. Ваш племянник пришел в себя, но он не узнает никого и не понимает, где находится. Все время говорит о ком-то по имени Би. Мы подумали, что это, наверное, вы. Сестра послала меня поискать вас. Простите, что прервала ваш разговор, да и кофе вы не допили, но понимаете ли...

— Да, понимаю, — ответила Би, уже стоя в дверях.

— Может быть, он успокоится, когда вы будете рядом с ним, — говорила девушка, идя за ней. — Так часто бывает, что пациенты успокаиваются в присутствии близкого человека, хотя и не осознают его присутствия. Они словно чувствуют близких кожей. Я часто такое видела.

Весь день, и всю ночь, и весь следующий день Би сидела возле кровати Брэта и слушала нескончаемый поток беспокойных слов. "Би?" — спрашивал он. "Да, я здесь", — отвечала она, и Брэт, успокоившись, возвращался в тот мир, где он находился.

Он все время думал, что находится в том госпитале, куда попал когда-то со сломанной ногой, и это его очень беспокоило. "Я ведь смогу ездить верхом, да? С моей ногой ведь ничего серьезного? Ее не отрежут?" "Нет, — успокаивала его Би. — Все в порядке".

Однажды он спросил:

— Ты очень сердисься на меня, Би?

— Нет, я не сержусь. Спи.

За стенами больницы жизнь шла своим чередом, но для Би мир сузился до размеров палаты, где лежал Брэт, и кровати в комнате дежурной сестры, где она спала.

В среду утром в больнице появился Чарльз Эшби. Он легко и бесшумно ступал своими большими башмаками по блестящему полу коридора. Би спустилась вниз, чтобы поздороваться с ним, и провела его в палату Брэта. Чарльз крепко обнял ее, как тогда, когда она была маленькой девочкой, и она почувствовала себя увереннее и комфортнее.

— Милый дядя Чарльз! Как хорошо, что вы на пятнадцать лет моложе папы, иначе вас не было бы здесь на радость всем нам.

— Самая большая польза от факта, что кто-то на пятнадцать лет младше брата, — это то, что не приходится донашивать его одежду, — ответил Чарльз.

— Брэт сейчас спит, — Би приостановилась перед дверью, — так что зайдем тихонечко, хорошо?

Чарльз взглянул на молодое лицо с отвисшей челюстью, на закрытые глаза с тенями под ними, на темную щетину на щеках и подбородке и сказал:

— Уолтер.

— Его зовут Брэт.

— Я знаю. Просто имел в виду, что он похож на Уолтера.

Би подошла ближе и пригляделась к Брэту.

— Значит, он — сын Уолтера?

— Вне всяких сомнений.

— Я не замечаю никакого сходства. Он похож сам на себя.

— Тебе никогда не доводилось видеть Уолтера после хорошей попойки. — Он некоторое время внимательно рассматривал юношу. — Однако у него более приятное лицо, чем у Уолтера. Красивое лицо. — Чарльз вышел за Би в коридор. — Похоже, он вам всем понравился.

— Мы его полюбили.

— Все это чрезвычайно грустно. Как ты думаешь, кто был его сообщником?

— Кто-то из Америки.

— Да, именно так сказал мне Джордж Пек. Но кто бы это мог быть? Кто из Клэр уехал в Америку?

— Семья Уиллеттов переселилась в Канаду. И у них были дочери. А это вроде бы женщина. Может, они переехали в Америку?

— Я готов съесть собственную шляпу, если это была женщина.

— Мне тоже кажется, что это мужчина.

— В самом деле? Умница. Ты — невероятно проникательная женщина, Би. К тому же красивая. Так что же нам делать с этим мальчиком? Я имею в виду — в будущем?

— Мы еще не знаем, будет ли оно у него — это будущее, — тихо проговорила Би.

Глава 25

Пока что только пастор, Би, Чарльз, Элеанор, да еще юридическая фирма "Косет, Трингл и Ноубл" знали, что Брэт — не Патрик Эшби.

И еще полиция.

Полицейским рассказали все, и теперь они пытались, насколько это возможно, заглядеть дело, по возможности не нарушая закон, который обязаны защищать. Короче говоря, следовало соблюсти юридические формальности, не раскрывая опасной правды.

Коронер продолжал обследовать несчастные останки, найденные в карьере, и откладывал завершение следствия до бесконечности. В полицию не поступало заявления, что кто-то пропал в этих окрестностях. С другой стороны, Танбитчес всегда было любимым местом кочевых цыган, которые не имели привычки, в случае если кто-то пропал, заявлять в полицию. От одежды остались только лохмотья, и опознать их было невозможно. Найденные поблизости от костей предметы тоже не удалось идентифицировать: заржавевший кусок металла, когда-то, возможно, бывший свистком, второй, похожий на перочинный нож, и несколько мелких монет.

— Джордж, — спросила Би, — а что случилось с авторучкой?

— С авторучкой? Я ее потерял. Кто-то же должен был потерять ее, моя дорогая. Полковник Смоллетт не мог, ведь он — солдат, и долг для него прежде всего. Полицейские тоже не могли — у них есть чувство собственного достоинства и обязанности перед обществом. А я отвечаю только перед собственной совестью и Богом. Думаю, хотя никто ничего не говорит, они мне благодарны.

Отложенное следствие по делу Саймона Эшби возобновили, когда с Брэтом уже можно было разговаривать. Полицейский, допрашивавший его, написал в протоколе, что мистер Эшби не помнит ничего, связанного с этим случаем, не помнит также, зачем они с братом пошли в заброшенный карьер. Он серьезно повредил голову и все еще очень болен.

Расследование закончилось выводом, что смерть произошла из-за несчастного случая, и коронер выказал семье соболезнование по поводу гибели многообещающего молодого человека.

Таким образом была решена проблема Саймона. Саймона, который в возрасте неполных четырнадцати лет убил брата, спокойно написал от его имени записку, бросил авторучку в пропасть вслед за телом и спокойно вернулся домой к ужину. Саймона, который потом на своем пони принял участие в поисках брата и в удобный момент подбросил на скалу куртку Патрика с запиской в кармане. Теперь этого Саймона будут оплакивать все местные жители как незабываемого, многообещающего молодого человека с недюжинным очарованием.

Оставалась еще проблема Брэта.

Не проблема, кто он на самом деле, а проблема его будущего. Врачи пришли к выводу, что, раз он до сих пор остался в живых, то, скорее всего, выживет. Но он нуждается в длительном лечении и спокойном образе жизни, если хочет по-настоящему выздороветь.

— Когда ты был болен, к тебе приходил дядя Чарльз, — сказала как-то Би. — Его поразило твое сходство с Уолтером Эшби, моим кузеном.

— Да? — равнодушно бросил Брэт. Его это не заинтересовало. Какая разница?

— Мы начали расследование, связанное с тобой.

— Полиция уже этим занималась, — устало заметил он. — Несколько лет назад.

— Да, но они немного узнали. Только то, что какая-то молодая девушка с ребенком приехала на поезде, а уехала тоже поездом, но без ребенка. Поезд прибыл из густонаселенного района Бирмингема. Мы начали с другого конца, от Уолтера. Вернулись на место, где Уолтер был около двадцати двух лет назад. Он нигде не задерживался долго, поэтому поиски были нелегкими. Но мы узнали, что кроме прочих занятий он пару месяцев занимался конюшней в графстве Глостер, пока отсутствовал хозяин поместья, которому делали операцию. В доме были еще экономка и молодая девушка, которая готовила еду. Она была неплохой поварихой, но мечтала стать медсестрой. Экономка очень хорошо к ней относилась, как и хозяин имения, и когда они поняли, что она скоро станет матерью, позволили ей остаться, и ребенка она родила в местной больнице. Экономка всегда была уверена, что это ребенок Уолтера, хотя девушка ни в чем не хотела признаваться. Она не собиралась в будущем выходить замуж, хотела стать медицинской сестрой. Сказала, что забирает ребенка с собой в родные края, чтобы окрестить его, и больше не вернулась. Потом экономка получила от нее письмо, в котором девушка благодарила ее за доброе сердце и писала, что ее мечта исполнилась — она стала медицинской сестрой. "Никто не знает о моем ребенке, — писала она, — но я постаралась, чтобы он попал в надежные руки". — Би взглянула на Брэта, лежавшего с отсутствующим взглядом, и продолжила: — Ее звали Мэри Вудвард. Медсестра из нее получилась даже еще лучше, чем повариха. Она погибла во время войны, когда выносила пациентов из палаты в убежище.

Они долго молчали.

— Значит, кулинарные способности я унаследовал от матери, — наконец заговорил Брэт, и Би не могла бы сказать, была в его словах доля иронии, или нет.

— Я любила Уолтера. Он был очень добрым и милым. Правда, с одним недостатком: любил выпить, а голова у него была слабая. Я не верю, что он знал о беременности девушки. Это такой человек, что обязательно бы женился на ней. Видимо, она сама не хотела, чтобы он знал о ребенке.

— Боюсь, это все, что нам удастся узнать о тебе. Но никто из нас не сомневается. Чарльз только взглянул на тебя — и сказал: “Уолтер”. А мне кажется, что ты немного напоминаешь свою мать. То есть Мэри Вудвард. Эта фотография была сделана на второй год ее работы в больнице святого Луки. Она показала ему фотографию, и этот снимок так и остался у него.

Спустя неделю или две Би обратилась к Элеанор:

— Нелл, я собираюсь уехать от вас. Буду заниматься конюшней Тима Коннелла в Килбэрти, возьму ее в аренду.

— Ох, Би!

— Не сейчас, только, когда Брэт сможет перенести путешествие.

— Ты забираешь туда Брэта? Да, конечно, тебе надо ехать! Это прекрасная идея, Би! Сразу решит множество проблем! Вот только можешь ли ты это себе позволить? Может, помочь тебе, дать денег на уплату аренды?

— Спасибо, не надо, это сделал дядя Чарльз. Любопытная вещь: дядя Чарльз — и помогает в разведении лошадей! Вам самим понадобятся деньги, чтобы уплатить налог на наследство, дорогая. Мистер Сэндал сообщил банку, что имение все время принадлежало Саймону.

— А как мы известим людей о Брэте? В смысле о том, что он — не Патрик.

— Думаю, ничего не надо делать. Новость разойдется само по себе. Так всегда бывает. Просто не надо сопротивляться ее распространению. Факт, что мы приняли Брэта в семью, вместо того, чтобы подать в суд и так далее, лишит сплетников пищи. Мы переживем, Нелл. И он тоже.

— Разумеется, переживем. Когда кто-нибудь спросит меня, я небрежно отвечу: “Мой кузен? Да, он действительно выдавал себя за моего брата. Правда же, он действительно очень похож на Патрика?” — Элеанор немного помолчала, а потом добавила: — Но мне хотелось бы, чтобы эта новость разошлась поскорее — раньше, чем я стану слишком старой для того, чтобы выйти за него замуж.

— А ты хочешь? — спросила застигнутая врасплох Би.

— Я твердо решила.

Би немного поразмыслила и поняла, что лучше не вмешиваться в развитие событий.

— Не беспокойся, такие новости распространяются очень быстро, — только и ответила она племяннице.

— Сейчас, когда дядя Чарльз здесь и намеревается осесть в Лэтчетт, — чуть позже сказала она Брэту, — я могу устраивать собственную жизнь в каком-нибудь другом месте.

Юноша оторвал взгляд от потолка и посмотрел на нее.

— Я присмотрела для себя место в Ольстере. Имение Тима Коннелла в Килбэрти. — Она заметила, что его пальцы нервно теряют край простыни.

— Значит, ты собираешься переехать в Ольстер? — тихо спросил Брэт.

— Только при условии, что ты поедешь вместе со мной и сможешь управлять конюшней. Его глаза мгновенно наполнились влагой, и по щекам побежали слезы.

— Ох, Би! — прошептал он.

— Надо полагать, это означает, что ты согласен, — улыбнулась Би и нежно погладила его по руке.

Перевод с английского Евгении БУГАЕВОЙ.

ЗИМНЕЕ

Начинается в синих венах ли, в тихой снежности процесс совести, процесс ненависти, процесс нежности.

Все невысказанные признания прорываются, словно свадебное шампанское проливается...

А под вьюгами, раскрахмаленными словно скатерти, звезды яблоками румяными в руки скатываются...

Я не ведаю — отчего это ходит синяя ночь над ветками с лампой лунною керосиновой.

Что-то зябкое и звериное в ее поступи, мрак развешивает по пригородам свои простыни!

Дремлют улицы, спят автобусы, спит Вселенная, дышат заморозки, охватывая сокровенное...

Жизнь горячая, жизнь чудесная, сны до робости в каждом шорохе, в каждой весточке, в каждой пропасти.

Затаенная спозаранками — жизнь единственная, где, дыханием лед оттаивая, дышит истина...

*Дышит истина, спит Вселенная, ходит синяя ночь под ветками несказанная —
как алхимия!*

Пусть не выразим, но притронемся, но останется в слове — зимнее, в крике — звонкое это таинство...

Это чудо необратимое в звездной темени — вьюги синие, мысли тайные, чудо времени...

...Чу... до времени.

* * *
Пока еще судьба зачем-то бережет
и почему-то не дает в обиду,
и я живу, не подавая виду,
что непонятен мне ее прехитрый ход...

Поскольку остро чувствую, как перст
судьбы уперся когтем мне в печенку...
О чем судьба бормочет?
Ах, о чем-то
неведомом, из неизвестных пьес...

Не выдал Бог и не попутал бес,
пока еще судьба зачем-то холит,
но я уже всей кожей чую холод —
он веет, хохот, в глубине небес...

Но не пойму, с кой стати бережет
и не дает в обиду, хоть и мучает,
рвет и терзает в жизни неминучей
и словно бы железом душу жжет...

* * *
Отброшена юность, как битая карта...
— Я тоже хлебнул алкоголя и марта.

Метался от ревности, плакал от вьюги,
терзался в житейской хмельной заварухе.

Менялись законы. Ломались устои.
Хрипели небесные кони Истории.

Сводили с ума, ускользя во мраке,
мои электрички и звездные знаки...

Споткнулась душа — под вселенскую синюю
всемирно повеяло горькой полынью.

Не надо иллюзий. Ни неба, ни рая, —
как в юные годы, впотьмах замираю,

не веря, что начисто порваны узы:
ушла моя юность в бездонные шлюзы
времен...

я погубил

“Но мне казалось — не я виноват в его смерти”, — утверждал человек, написавший мне письмо из колонии строгого режима.

Очкарик и бандитское кодро

Я не ждал этого письма. Хотя, да, конечно, сам же предложил человеку, только что выслушавшему приговор, написать из колонии. Был уверен — не напишет, а предложил на всякий случай.

Очень уж странно он защищался — отрицал все, даже очевидные факты.

И странно выглядел на скамье подсудимых: худощавый очкарик, похожий на студента, среди рослых, бугрящихся накачанными мышцами, коротко стриженных особей, смотревших из-за решетки исподлобья — прицельно и насмешливо.

Казалось невероятным это соседство — интеллигент, окончивший два вуза, друживший с известными людьми из артистического мира, мелькавший вместе с ними на телевизионном экране, и бандитское кодро, “замочившее” по заказу и по случаю почти два десятка человек.

После приговора, когда толпа родственников окружила клетку с подсудимыми, я протиснулся с диктофоном к решетке, спросил очкарика:

— Вы по-прежнему считаете себя невиновным?

И услышал:

— Да, считаю.

А спустя два года получил от него письмо из колонии:

“...Человек, которого вы видели на суде, — писал он про себя, — не ощущал своей вины, потому что не понимал, как вляпался в такую историю. Этому человеку тогда казалось: это не он сам, а кто-то другой погубил близкого друга.

Теперь я, кажется, понял...”

Дружны были с детства

В начале девяностых у них хорошо пошел общий бизнес. Ко второй половине этого нервного десятилетия они стали миллионерами. Долларовыми, разумеется.

Вокруг них творилось Бог знает что: возникали и пропадали банки, отправлялись в тюрьму строители финансовых пирамид, гибли известные предприниматели.

А они упорно наращивали капитал, мотались в загранкомандировки, крепили связи, и когда появлялись — с женами и без — в очередной тусовке московских знаменитостей, производили впечатление близнецов-братьев: оба поджарые, в очках, в строгих костюмах, улыбчивые, синхронно движущиеся, легко переходящие с друзьями-иностранцами на английский.

Братьями они не были.

Но дружны были с детства — жили в одном доме, в одну школу ходили. В институтах, правда, учились разных. Затем один из них стал младшим научным сотрудником, другой — преподавателем.

И оба, до гайдаровского отпуска цен, успели получить еще по одному высшему образованию, однако это не спасло

ДРУГА

их от мгновенно обрушившейся на всех нищеты.

Подрабатывали челноками.

Продавали пиратские компакт-диски и компьютеры.

Наконец, зарегистрировали свою фирму — многопрофильную. Стали входить в самые престижные деловые клубы, где решения о крупных сделках принимали за картонным столом или у стойки бара.

«...Нам так везло, что становилось не по себе, — читаю письмо, пришедшее из Череповца, где Олег Комраков отбывает наказание. — Все время были в напряжении, ждали прокола или просчета. Не могло же без этого обойтись. Но — обходилось. И это тревожило. Потому что других без конца трясло, а нас беды обходили. Пока что-то не случилось в наших с Павлом отношениях...»

Они стали ссориться.

Поводы — смехотворные. Истинные причины? В них разбираться некогда — торопил бизнес, одно дело наслаивалось на другое. Да и примирение всякий раз наступало быстро.

Стоило ли копаться в том, что “проехали”?

Я стал его ненавидеть

«...И чем дальше, тем чаще возникали конфликты, — писал Олег. — Но никогда при посторонних! Тем более при женах! Мы дружили семьями, и эта дружба считалась образцовой. (А впрочем, и была таковой.)

Конфликтовали мы один на один, в его или в моем кабинете. Теперь я понимаю: наружу вылезала мелочная амби-

циозность, и мы, поддавшись ей, спорили из-за несущественной ерунды. Например, из-за сроков сделки, которые никак не влияли на ее сумму. Затем кто-то уступал, чаще я.

Мы иногда мирились, достав из его или моего бара бутылку коньяка...»

Они мирились, но что-то копилось у каждого. Иначе бы однажды не возник разговор о том, а не поделить ли им их бизнес, чтобы пуститься каждому в самостоятельное плавание.

Разговор был достаточно спокойный. Именно поэтому, трезво прикинув, они поняли: задача неразрешима, ибо невозможно точно определить, кому из них фирма больше обязана. Делить же все поровну они уже не могли — каждый был тайно убежден в том, что именно его усилия принесли их делу главные деньги.

«...А как-то я поймал себя на ощущении, будто за мной кто-то наблюдает. Стал “проверяться”, как это делают агенты спецслужб, но ни разу “хвоста” за собой не заметил.

Потом возникло подозрение, что меня подслушивают. Искал дома и в кабинете “жучки”, не нашел. Затем я вдруг уверил себя, что Павел не во всем со мной откровенен, что-то скрывает, а крупная сумма, которую мы перевели одному компаньону за границу, на самом деле Павлом заначена...

И то, что когда-то мне в Павле нравилось — быстрота реакции, подтрунивание, шутивное смешивание русских слов с английскими, — сейчас казалось отталкивающим...

Словом, я стал его ненавидеть, хотя признаться себе в этом не мог”.

Затмение нашло

Длиться до бесконечности такое состояние не могло, и оно сменилось другим. Олег определил его так:

“Я стал жить в автоматическом режиме. То есть все мои поступки совершал какой-то “другой Олег”, поселившийся во мне. Это было похоже на временное умопомешательство”.

Тот “другой Олег” как-то оказался в компании “крутых”. Привел его туда известный певец, бравировавший своей дружбой с криминальными авторитетами.

Впрочем, дело не столько в особых симпатиях певца, сколько в повальной моде, охватившей ту часть нашей интеллигенции, которая чаще всего “светится” на телеэкране: люди этого толка с удовольствием пользуются воровским жаргоном, обожают лагерные песни, исполняемые с истерическим надрывом, пересыпают свои высказывания матом.

Олег, по его признанию, тоже “играл в эти игры”, не предполагая, как далеко они его заведут. Не удивлялся, оказавшись в ресторанной компании рядом с плечистым мордворотом, чьи волосатые руки были украшены сизой татуировкой. Переходил на его зековский сленг, ощущая в лагерных словечках — “мусора”, “маза”, “жмур”, “кичман”, “мокрык” — особую остроту той запредельной жизни, которой живут не боящиеся крови люди.

Он знал о криминальном происхождении капиталов многих, весьма авторитетных бизнесменов, о том, что некоторые коммерческие банки и крупные производственные объединения контролируются организованными преступными группировками. И воспринимал это как неизбежную реальность нынешнего состояния России. То есть если уж так сложилось, то по этим “законам”, стихийно сложившимся, и надо жить.

В конце концов однажды, доверительно расслабившись, он рассказал та-

туированному собеседнику историю некоего своего знакомого, будто бы попавшего в серьезный финансовый переплет из-за невозвращенного долга, который вернуть можно, лишь устранив должника. Причем, рассказывая, и в самом деле ощущал себя посторонним человеком, желающим помочь своему знакомому.

— Двадцать штук, — лениво процедил ему собеседник, — адрес с фоткой и месяц сроку. И проблемы не будет.

— Я ему скажу, — торопливо согласился Олег.

Двадцать тысяч и фотку Павла с адресом своего офиса он передал “крутому” в жуткой спешке, в ряду других срочных дел, как раз накануне своего отъезда в Лондон, где у их фирмы появился новый филиал.

А вернувшись, узнал: Павел убит.

И в ошеломлении повторял самому себе: не может быть!

Собственное участие в организации гибели друга ему казалось дурным сном, наваждением, чем-то произошедшим не с ним, Олегом, а с кем-то другим.

Визит “рыжего”

Павла застрелил в собственном кабинете молодой человек с ярко-рыжей шевелюрой, пришедший в офис с девушкишкой.

Случилось это в теплый сентябрьский день бабьего лета. Синело безоблачное небо, шуршала под ногами опадавшая листва, звенел ребячьими голосами школьный двор напротив через дорогу. У подъезда офиса отблескивали черным лаком автомобили.

Ни охранник на ступеньках крыльца, ни секретарша, распахнувшая окно приемной по случаю хорошей погоды, не заметили, из какого именно автомобиля вышел этот рыжий с девушкой. К ним довольно часто без предупреждения захаживали друзья Олега и Павла из артистической богемы, у них не принято было проверять документы.

Охранник лишь спросил рыжего: "К кому?" — и проводил заинтересованным взглядом крупную фигуру девушки, одетой в небесно-голубой брючный костюм с растительной аппликацией вдоль длинных ног.

В приемной рыжий по-свойски, как завсегда, спросил секретаршу, взявшись за ручку двери Павлова кабинета:

— Павлик у себя?

И вошел вместе со своей спутницей, плотно притворив дверь.

Стрельба велась из пистолета с глушителем, поэтому секретарша не сразу обратила внимание на отдаленно глухие хлопки, которые, как ей показалось, прозвучали за открытым окном, лишь удивилась тому, как быстро этот рыжий ушел с девушкой.

И еще через пятнадцать минут, обеспокоенная тишиной в кабинете, вошла туда, осторожно приоткрыв дверь. И обнаружила своего начальника неподвижно лежащим на ковре, возле письменного стола.

Вызвали "скорую" и милицию.

В кустах, у тротуарного бордюра, где стояли припаркованные автомобили, оперативники нашли рыжий парик, и тут же стали разрабатывать версию заказного убийства.

...Олег организовал похороны по высшему разряду. С приглашением тележурналистов. С участием известных людей шоу-бизнеса.

Стоял у гроба возле вдовы, подерживая ее за локоть.

"...На похоронах Павла, — признался Олег в письме, — я сказал, что вместе с ним хороню часть самого себя... Лучшую часть!.. Комок в горле душил меня: я был предельно искрен, ведь тот "другой Олег", который жил во мне, в ту минуту отодвинулся в какую-то тень, затаился. Нет, "он" не боялся разоблачения, ведь у него было железное алиби, это, во-первых. А во-вторых, мне казалось, что я с этим "другим" едва знаком..."

Свидетель своего преступления

А через год Петровка, 38, вышла на след банды, усеявшей Москву трупами своих соперников-уголовников и "заказанных" предпринимателей.

Исполнитель Олегова "заказа", пытаясь облегчить свою участь, подробно рассказал, как выслеживал Павла, как нанял "девку", не подозревавшую "мокрого дела", для того чтобы у входа в офис притупить бдительность полусонного охранника, как покупал рыжий парик на ярмарке в Коньково с рук.

В оправдание он выдал историю своих отношений с татуированным, у которого однажды взял "мерседес" — покатав девчонку, попал в аварию, разбил автомобиль так, что тот не подлежал ремонту, задолжав тем самым хозяину большую сумму. Татуированный поставил его "на счетчик", поэтому отрабатывать пришлось "по полной программе". Программа в основном состояла из выполнения "заказов на удержание".

В "заказах" же недостатка не было.

...Олега арестовали не сразу — он довольно долгое время являлся на допросы как свидетель.

Молодой следователь уточнял, кто входил в круг знакомых погибшего, невозмутимо записывал в протокол громкие имена и однажды попросил объяснить странную, на его взгляд, тягу известных людей к криминальному миру.

Олег пустился в рассуждения о генетической оппозиционности интеллигенции властям предрежающим, о подсознательном бунтарстве людей искусства, о том, что именно в этой точке пересекаются их психологические установки с душевным настроем тех, кто побывал за "колючкой".

— Ну, знаете ли, — вдруг сказал следователь, отложив ручку, — не могу с вами согласиться... Разный же образовательный уровень, разное воспитание...

Какие общие темы для разговора у них могут быть?

— Да таких тем сколько угодно! — оживился Олег.

И, вспомнив застольные разговоры известного певца с татуированным, стал описывать, какого восхищения достойны верность лагерной дружбе, спайка заключенных, объединившихся в группу, их коллективистский оптимизм.

В этих описаниях он не удержался от подробностей застолья. Опомился, когда следователь, назвав ему имя татуированного, попросил рассказать о своих отношениях с ним. С этого момента Олег почувствовал: дело идет к аресту. И стал защищаться.

Подлая заноза

Система его защиты была до наивности проста: "Павел был для меня самым близким человеком! Да как вы можете меня подозревать!.." А когда ему процитировали показания татуированного, начавшего под давлением улики сдавать своих, несмотря на "верность дружбе" и "спайку", Олег вскинулся: "Меня оговаривают!"

Оказавшись в Бутырке, он вначале впал в ступор. Не мог разговаривать с сокамерниками — они, по его признанию, казались ему "призраками из кошмара", даже отдаленно непохожими на его прежние представления о зеках.

К тому же в камере на 20 человек их было больше 50, спали по очереди, от спертых воздуха у Олега в горле першило, поэтому один из первых его вопросов к следователю был таким: "Неужели трудно оборудовать камеры кондиционерами?" На что следователь сказал: "Не до жиру, тут на питание заключенных денег не хватает..."

Постепенно выходя из ступора, он в разговорах с сокамерниками усваивал их манеру оправдывать себя даже тогда, когда факты были очевидны. И в конце концов у него сработал защитный механизм: он так упорно убеждал и сокамер-

ников, и следователей в своей непричастности к убийству друга, что сам стал в это верить.

"...И вот сейчас, здесь, в этой барачной, жуткой, "другой" жизни, — писал он мне из лагеря, — среди людей, живущих лишь инстинктами, не способных осмыслить собственную беду, я, наконец, понял: я все-таки не был настоящим преступником.

Я был в состоянии, которое называют "затмение нашло". Я был душевно болен, и душу мою мог бы излечить любой психолог, попадись он на моем пути.

Но давно уже не принято ходить к попу на исповедь, те же, кто стал недавно ходить, следуют недавно возникшей моде, а значит, неискренни.

Психоаналитиков-профессионалов у нас, насколько я знаю, нет. Те же, кто выдает себя за профессионалов, скорее всего просто дурят людей, наваривая деньги на чужих бедах...

А мне-то всего-навсего достаточно было бы, наверное, одной беседы, чтобы вытащить из моего подсознания подлую занозу, породившую во мне "другого Олега"...

И Павел был бы жив..."

Как удержаться на краю пропасти

Вначале, прочитав это письмо, я хотел было назвать его исповедью-покаянием. Но, перечитав, понял: покаяния здесь нет.

Есть объяснение, граничащее с самооправданием. И получается так, что причина преступления, совершенного Олегом, кроется будто бы лишь в отсутствии психоаналитиков в нашей сумбурной российской жизни.

Хотя, если задуматься, может, в чем-то Олег и прав. Криминальная хроника пестрит преступлениями так называемого бытового характера, когда близкие люди вдруг хватаются за кухонный нож и губят друг друга.

Мотивы этих преступлений туманны и чаще определяются теми же, что у Олега, словами: "Затмение нашло".

Но разве наступление такого "затмения" нельзя предупредить? Ведь должны же психологи уметь заглянуть в глаза, проникнуть в обуревающее человека смятение, удержать его от рокового шага.

Сколько искалеченных судеб, надломленных душ, погубленных в бытовых конфликтах жизней могли бы спасти люди, умеющие вести душевспасительные беседы!

Только вот где их взять, таких людей?

Я спросил об этом доктора медицинских наук, профессора, академика РАЕН Евгения Александровича Шапошникова..

— По-моему, в откровениях Олега сквозит наивно-детское самооправдание, дескать, не встретился на пути спаситель души и "затмение нашло". Безусловно, если бы Олег вовремя задумался и проанализировал свою жизнь, все, наверное, сложилось бы иначе.

В то же время должен и кое с чем согласиться: нередко в подобных ситуациях, описанных Олегом, людям необходима психологическая помощь, так как личностные конфликты близких людей бывают очень запутанными. И распутать их без потерь можно лишь с помощью постороннего человека, обладающего соответствующими знаниями и умением.

На Западе, а больше — в Америке уже много лет широко практикуют психоаналитики. У нас эта профессия пока официально не утверждена Минздравом. А жаль. Ведь психиатр, психотерапевт, медицинский психолог, активно практикующие сегодня в России, не всегда владеют методикой психоанализа, позволяющей вскрыть бессознательные мотивы любых человеческих поступков. Поэтому я считаю, что в чем-то Олег прав, говоря о психоаналитиках в России.

В последние годы психологические факультеты вузов стали "ударно" давать студентам образование психологов. Но реальность такова, что далеко не всегда количество переходит в качество. Образование психолога у выпускников наших вузов часто не перерастает в профессию.

А ведь некомпетентные действия и поверхностные знания доморощенного, скороспелого психоаналитика или психотерапевта могут нанести ущерб здоровью человека.

Я искренне убежден, что истинный психолог может преподать своему пациенту нечто такое, что исправит обратившегося к нему человека и наставит его на правильный путь. И самое главное — удержит его от сползания в пропасть зла..

И последнее: в длинном письме Олега, в том месте, где он подробно описывает барачную жизнь и нравы уголовников, есть такое признание:

"Всем тем певцам, пропагандирующим с телеэкрана уголовную романтику, полезно было бы хотя бы недельку попариться на нарах. Куриными своими мозгами они не могут дотумкать, что творят, насаждая в нашем обществе идеализированное представление об уголовном мире! Это страшный мир! Это мир, в котором извращение становится нормой, унижение личности — повседневностью, а так называемая верность лагерной дружбе — страхом, замешенном на крови..."

Если бы я не знал этот мир "за колючкой", где не раз бывал по командировочным своим делам, я бы подумал: преувеличивает. Но я знаю — он прав. И резкие его слова о певцах уголовной романтики верны.

Только вот не знаю, услышат ли они голос Олега "оттуда"?

P.S. Олег просил меня не называть его подлинное имя, чтобы не травмировать лишним раз своих близких, если я буду публиковать его письмо. Я выполнил его просьбу.

Данил Корецкий

В ЗОНЕ ОСОБОГО

ВНИМАНИЯ

Из действующих сотрудников МВД Данил Корецкий по популярности уступает, пожалуй, только министру, а по литературной славе – и вовсе персона номер один. Профессор Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, полковник милиции, Почетный сотрудник МВД, автор свыше 160 научных трудов, 350 публикаций, 12 предложений, вошедших в законы и практику, разработчик альтернативного «Закона об оружии», основатель науки об оружии – армалогии. Член Союза российских писателей, автор 13 детективных романов, изданных тиражом свыше 15 млн. экземпляров.

2003 год для Данила Корецкого выдался особенно богатым на события: увидел свет его новый роман «Расписной», вышел на широкий экран «Антикиллер-2». А в связи с рассмотрением поправок к закону об оружии Корецкий оказался втянут в очередной виток дискуссии как автор альтернативного законопроекта.

Наш корреспондент побеседовал с Данилом Корецким о литературном творчестве.

— Данил Аркадьевич, как вы считаете, настоящий мужчина должен иметь оружие?

— Я считаю, что любой законопослушный гражданин должен иметь возможность легально приобрести оружие и использовать его для самозащиты.

— Кто может поручиться, что оружие не попадет к «нехорошим людям»?

— «Нехорошие люди» уже владеют оружием, не спрашивая разрешения депутатов. А законопослушный гражданин практически лишен этой возможности. Действующее законодательство ставит целью прежде всего сохранность оружия, существенно ограничивая возможность его использования для самозащиты.

— Депутаты полагают, что право на свободное владение оружием ухудшит криминогенную ситуацию.

— Я полагаю, все будет ровно наоборот. Вооруженность придает населению уверенность в своей защищенности. В нашей стране, где власть позаботилась о том, чтобы разоружить население, оказывают сопротивление при нападении лишь 13% жертв. И все равно в половине случаев сопротивление оказывается успешным. Когда преступник будет знать, что, покушаясь на жизнь или имущество человека, может получить пулю, пылу у него поубавится.

— Видимо, государство считает, что способно само защитить граждан. Мы периодически слышим победные рапорты об улучшении криминогенной об-

становки...

— Определенные положительные сдвиги есть: упорядочились отношения в экономической сфере, стало меньше взрывов и расстрелов... Но я бы не сказал, что жизнь становится безопаснее. Террористических актов стало больше, растет число убийств и иных тяжких преступлений, обостряется их дерзость. И при этом число арестованных за тяжкие преступления снижается. Совершить преступление сегодня легко, а попасть за решетку трудно, что говорит вовсе не о достижениях демократии, а о капитуляции перед преступностью.

— Вот уж кто не замечен в капитуляции перед преступностью, так это герои ваших книг. Познакомьте с главным персонажем вашего нового романа «Расписной».

— «Расписной» — продолжение «Татуированной кожи». Его герой — Владимир Вольф по прозвищу Волк — сотрудник контрразведки, выполняющий специальное задание. Под видом бывалого уголовника он внедряется в преступную среду. А для того чтобы принялся за своего, он обильно покрыт татуировками.

— Известно, что у вашего Лиса-«Антикиллера» имеется реальный прототип. А Вольф — плод вашей фантазии?

— Вольф списан с реального человека. Критикам это казалось невероятным, кто-то даже написал: «Корецкий начался Ницше и выдумал белокурую бестию». Но Владимир Л. — реальный человек, он действительно немец, красивый, светловолосый, атлетически сложенный и... весь покрытый татуировками. всю жизнь он прослужил в правоохранительных органах, я, когда написал роман, нашел его по телефону, рассказал, приглашал в гости. Он очень удивлялся, считая, что ничего особого не совершил, чтобы о нем писали книги...

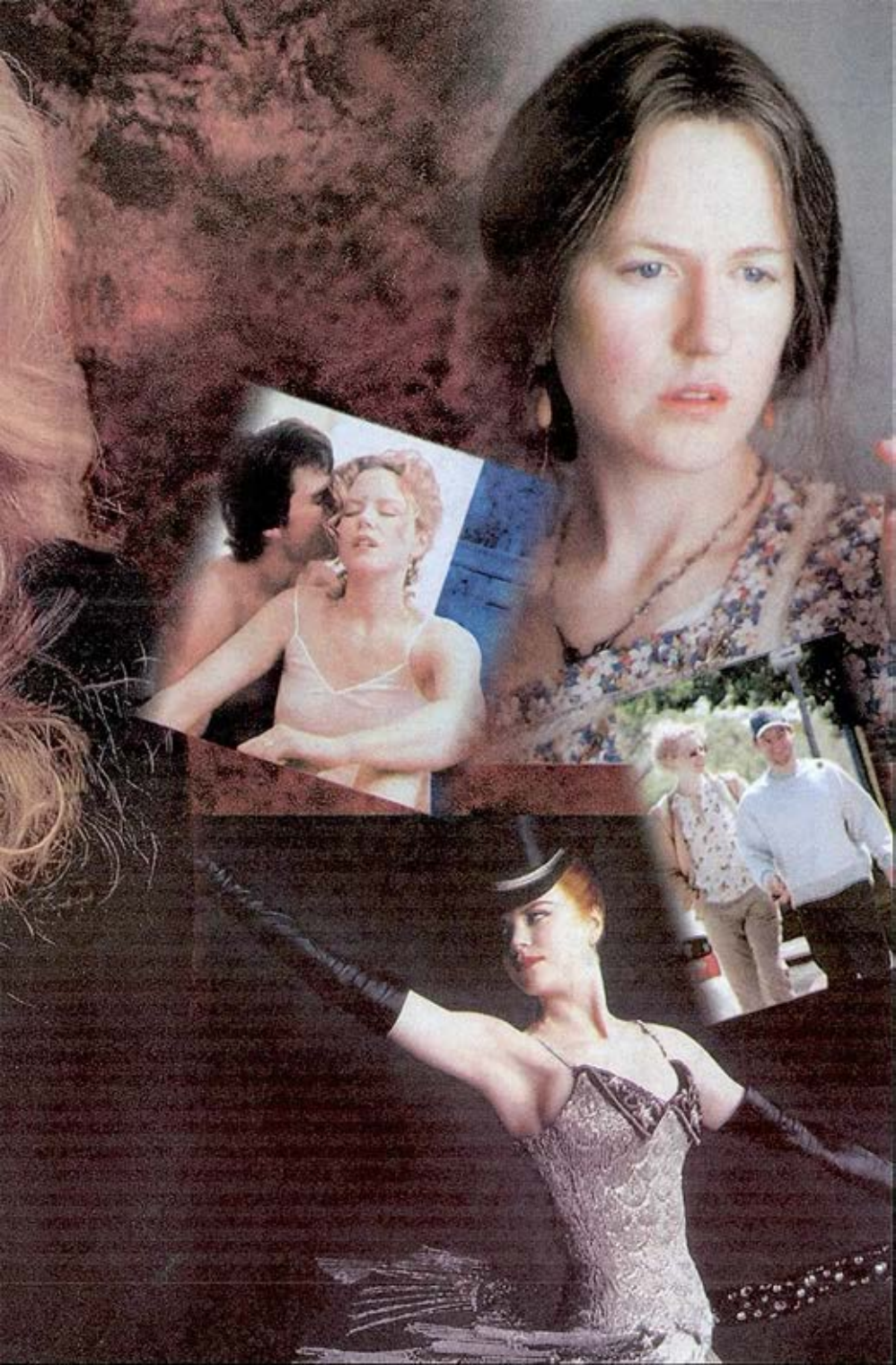

**НИКОЛЬ
КИДМАН:**

«ДЛЯ МЕНЯ
ВЛАДИМИР КИСЛОВ
ЛЮБОВЬ – ГЛАВНЕЕ
ЛИЦЕДЕЙСТВА»

Стройная, рыжеволосая красавица Николь Кидман, почти десять лет находившаяся в тени своего мужа — Тома Круза, только после развода обрела вместе со свободой уверенность в своих силах, в своем таланте. И за последние годы стала одной из самых известных актрис мира, чему при-

мером внушительный список полученных ею самых престижных наград. Похоже, свой путь она нашла в кинематографе, хотя раньше у нее были успехи на телевидении и в театре. В 18 лет — она уже телезвезда Австралии. В 1989 году блеснула в триллере Филиппа Нойса "Мертвый стиль". В 1995-м великолепно сыграла в фильме Гаса Ван Сента "Умереть за..." А затем у нее появился комплекс "миссис Круз". Видимо, Круз сковывал творческое развитие жены, подавлял ее натуру — раскованную, независимую. К тому же он — приверженец сайентологии, а Николь — католичка. А вообще-то ей приходилось сдерживать себя не только в поведении, но и не носить обувь на каблуках: ее рост — 180 сантиметров, а Круза — 165. Так что самой природой ей было уготовано смотреть на мужа сверху вниз...

Красавица, не любящая свою внешность

Кидман, очаровывающая мужчин, не считает себя красавицей. Беспокойство по поводу своего внешнего вида преследует ее с детства. В подростковом возрасте она была высокой, худой, с огненными волосами и веснушками, поэтому ее дразнили "морковкой".

Когда Стэнли Кубрик пригласил Круза и Кидман сниматься в фильме "С широко закрытыми глазами", Николь боялась, что ее внешность не устроит режиссера. Ведь у нее и рост как у каланчи, и рыжая, и костлявая. А как бы хотелось иметь нормальный для женщины рост, не выше 165, грудь побольше и смуглую кожу, без веснушек, как у итальянок, ведь Италия — ее любимая страна.

Ее не радуют призы, присуждаемые как одной из самых красивых женщин мира. Не привлекают роли, в которых главное внимание обращается на эффектную внешность.

В 2002 году Совет модельеров Америки присудил ей титул "Идол моды". Он гораздо значительнее, чем звание "Мисс Вселенной", потому что присуждается настоящим леди, обладающим не только шармом, но и умом, сообразительностью, умением со вкусом одеваться. Это почетное звание имели Одри Хепберн, Софи Лорен и Элизабет Тейлор.

Когда наступил Миллениум, американские киноведы и журналисты составили символическую двадцатку секс-символов XX века, в которую вошла Кидман.

Две родины Кидман

Мать Николь — Дженелл Кидман вспоминает: "В 1967 году я с мужем отправилась из Австралии на Гавайи пикетировать американские военные базы в знак протеста против вьетнамской войны. Я была на девятом месяце, вот почему Николь родилась в Гонолулу". Став голливудской звездой, Кидман никогда не забывает об Австралии и при любом удобном случае отправляется туда. Кру-

зу, — когда ему приходилось прилетать в эту замечательную страну в поисках жены, — казалось, что Николь знакома со всеми австралийцами.

Отец Николь — Энтони Кидман, фармацевт-биохимик, увлекся психологией, работал в раковом корпусе больницы на Гавайях, там же работала и Дженелл медсестрой и инструктором в медучилище. Они придерживаются левых социалистических взглядов и активно участвуют в рабочем движении.

Николь росла довольно взбалмошной девчонкой. Родители, одни из богатейших людей Австралии, потакали ей во всем. Она считает, что они даже "переборщили с сексуальным воспитанием детей" — ее и сестры Антонии. Отец водил 12-летнюю Николь на вечеринки с мужским стриптизом, а мать дарила дочерям фильмы о сексе и весьма открытые книги.

"Наша семья всегда была дружной, — вспоминала Николь. — Поэтому я провожу много времени в Австралии. У меня там есть свой дом". Родители приучили детей на собственном примере к трудолюбию. "Мама работала с утра до вечера и в то же время находила для нас минуты и часы. Она очень сильная женщина, — с гордостью говорит Николь. — Она не разрешает мне распускаться, если я болею или страдаю, как при разводе с Томом".

Когда у Дженелл обнаружили рак груди, Николь научилась массажу, чтобы помочь ей переносить химиотерапию. Болезнь удалось преодолеть.

Юная Кидман на телевидении и в кино

Таланты Николь проявились рано. С трех лет она занималась балетом, с восьми — пантомимой и мимикой в драматической школе, в десять лет ее приняли в труппу Молодежного театра Мельбурна. Когда Николь исполнилось 14, она сыграла первую небольшую роль в кино. В 17 бросила школу и покинула родительский дом, чтобы стать актрисой. Нашла себе

агента и получила работу, причем делала пробы самостоятельно. Кто-нибудь из друзей снимал ее на любительскую камеру, а затем кассеты рассылались продюсерам, режиссерам и сценаристам.

В мини-сериале "Бангкок-Хилтон" мы видим голенастую и угловатую Кидман, сидящую в тюрьме, с копной кудряшек и в синей робе, но тем не менее она привлекла внимание зрителей. Чувствовался сильный характер актрисы. (Кстати, Том Круз, впервые увидевший ее в этом фильме, был просто заворожен и захотел с ней познакомиться). Первым полнометражным фильмом, в котором Кидман сыграла главную роль, стал "Мертвый стиль". Тогда ей уже исполнилось 19 лет и она научилась для исполнения роли в этой картине в одиночку управлять 80-футовой яхтой.

"Для родителей я была настоящим кошмаром, — призналась Николь, — но они сразу же поддержали мое право на независимость и выбор профессии". Приехав в Голливуд на премьеру "Мертвого стиля", Кидман все время сидела в отеле и дрожала. Она и не подозревала, что этот фильм станет поворотным пунктом в ее жизни.

Десять лет замужества

Два важных события произошли в жизни Кидман в 1990 году: успех в Голливуде и подарок Томом Крузом роскошного обручального кольца.

Романтическая свадьба состоялась в декабре 1990 среди снежных гор Колорадо. Молодожены обещали никогда не расставаться больше чем на две недели.

Детей у них не было, и никто, кроме них конечно же не знает истинную причину... (Сплетничают, что виной всему бесплодие Круза.) Поэтому Том и Николь решили завести приемных детей. Так у них появились чернокожий сын Коннор и дочь Изабелла. "Мы говорили им, — вспоминает Николь, — что они вышли не из маминого животика, а из маминого сердца". Том и Николь так беспокоились за безопасность детей, что вмонтировали

в их зубы специальные датчики, чтобы в любой момент знать, где они находятся.

Николь не любила, когда ее называли "миссис Круз" и поэтому оставила свою фамилию. И за все годы супружества им приходилось прямо-таки отбиваться от нападков прессы. Они судились с немецкими, английскими и другими журналами и газетами. "Мы вынуждены защищать себя, — заявила Кидман, — ради детей, чтобы им не пришлось оправдываться за нас в школе".

Их брак продержался десять лет, хотя более несхожих натур даже трудно представить. Так, у Тома выработалась привычка записывать в специальном блокноте подробный план на год вперед и в точности придерживаться его. Поэтому в Голливуде его считают редкостным занудой. Увидев как-то блокнот Тома, Николь долго хохотала. "Ты хочешь спланировать всю нашу жизнь? Не получится, дорогой", — заявила свободолюбивая жена. А затем закатила скандал: "Я вообще считаю, что супругам не нужно постоянно жить вместе, и вовсе не собираюсь рожать, во всяком случае, в ближайшие десять лет". Оказывается, Николь в том же блокнотике прочитала запись, предназначенную предыдущей жене Круза — Мими Роджерс: "Закончить строительство особняка в Малибу, завести ребенка".

Тогда они помирились. Особняк, который присмотрел Том, понравился Николь, и она согласилась там жить. Девять лет их супружеская пара считалась образцовой. Съёмки в фильме Стэнли Кубрика "С широко закрытыми глазами" привели к первой крупной ссоре. В фильме героиня изменяет мужу со случайным знакомым. Жизнь супругов перемешалась с вымыслом... Николь настояла на том, чтобы на время разъехаться по разным домам, а их у супругов было несколько.

"Ты вечно что-то планируешь, а я так не могу, — кричала раздраженная Кидман. — Я не знаю, что будет со мной через час, а ты требуешь, чтобы я всегда жила с тобой под одной крышей!"

С широко закрытыми глазами

Трещина во взаимоотношениях супругов постепенно расширялась. Николь поняла, что живет в соответствии с названием фильма Кубрика — с широко закрытыми глазами. Съемки фильма продолжались два года, и Кубрик настаивал на том, чтобы Том и Николь занимались любовью перед камерой по-настоящему, что шло вразрез с сайентологическими убеждениями Круза. Он требовал от Харви Кейтеля, исполнявшего роль любовника, чтобы было меньше натурализма. Кейтель не вытерпел и отказался сниматься в фильме.

Сказывались и различия в их характерах. Если Круз — человек педантичный, то Кидман привыкла к небрежности и раскованности, так, встречаясь для интервью с журналистами, всегда выкладывала на стол связку ключей со словами: «Извините, я все теряю, так что запомните — ключи лежат здесь». Причем она сама приезжает к журналистам, а Круз как суперзвезда везде появляется с охраной.

После съемок фильма «С широко закрытыми глазами» Николь стала подыскивать себе дом в Мельбурне. Круз предпринял последнюю отчаянную попытку спасти семью: перестал звонить Кидман и увлекся съемками «Миссия невыполнима-2». В прессе появились сообщения, что он будет сам забираться на отвесную скалу. Николь тут же прилетела на съемки. Но семья все равно развалилась. В Мельбурне у Николь гостил Рассел Кроу, с которым она знакома с юности. Круз закатил по этому поводу грандиозный скандал.

Вскоре после празднования 10-летия свадьбы Том и Николь в последний раз вспомнили свою клятву о том, что они не расстанутся и через 10, и через 20, и через 50 лет. После чего Круз подал ходатайство на развод, в котором указывал на «непреодолимые разногласия», слишком долгие разлуки и невозможность договориться о религиозном вос-

питании детей. Эти доводы никого не удовлетворили. В это время на съемках фильма «Ванильное небо» у Тома начался роман с Пенелопой Крус, а у Николь случился выкидыш на третьем месяце беременности.

Экстремальные увлечения Николь

У Николь много любимых занятий, причем они связаны с экстремальными ситуациями. Они помогали ей перенести занудное существование рядом со звездой блокбастеров. Видимо, она не прочь пощекотать себе нервы: прыгает с парашютом, ныряет с аквалангом, занимается аэробикой, то есть делает воздушные виражи на своих самолетах, занимается альпинизмом и может усмирить и объездить любую лошадь.

С самолета Николь обожает прыгать без парашюта и парить в воздухе до тех пор, пока ее друзья-каскадеры не прицепят к ней парашют. Она входила в клетку с тиграми и львами, как-то заявила, что готова положить голову в пасть аллигатору и взять в руки тарантула. «Во мне, — объясняет звезда свою любовь к таким необычным видам увлечений, — просто выработалась страсть к адреналину, а связано это с тем, что я с 14 лет — в кино и на съемках сталкивалась с разными вариантами острых ощущений».

Что любит Кидман?

Николь не привыкла много сил уделять своей внешности и одежде. Да ей и не надо тратить время на тренажерах. Она считает это скучным занятием. Кроме своих экстремальных увлечений, Кидман любит плавать и заниматься спортом вместе с детьми. «Мы бегаем, катаемся на лыжах, играем в мяч...»

Одевается Кидман в соответствии с наставлениями мамы, которая считает, что «одежда должна быть артистичной, выражать настроение и чувства». Как и большинство голливудских звезд, Николь поклонница таланта дизайнера Валентино Гаравани. Она предпочитает ро-

зовый цвет, хотя однажды ее появление в розовом на одной из церемоний вручения "Оскара" весьма плохо восприняли. Критики написали, что она выглядела в такой одежде слишком слащаво. Во время съемок фильма "Догвилль" она прошлась по датским магазинам. "Иногда меня в магазинах узнают, — сказала Николь, — особенно если в это время на экранах идет фильм с моим участием, а иногда нет". Когда отправляется по магазинам с мамой или стоит в очереди, то Дженелл, будучи общительным человеком, вступает в разговоры со всеми. "Парапаци от меня отстали, — с удовлетворением заявила актриса, — хотя так было не всегда. С Томом мы не выходили на улицу без телохранителей". Если прохожие узнают Кидман, то они "здороваются, улыбаются, говорят приятные слова".

Николь любит неяркое освещение, потому что при нем "легко смотреть в глубь себя". По утрам ей нравится пить кофе с молоком и просматривать газеты. Кидман собирает черно-белые фотографии знаменитых мастеров — Штейхона, Уэстона, Миллера, Мэна Рэя.

В 1998 году она сыграла сразу пять ролей в спектакле "Голубая комната" сначала в Лондоне, а затем на Бродвее. В Лондоне Николь имела колоссальный успех а на Бродвее благодаря игре Кидман, спектакль стал самым популярным по числу проданных билетов.

После развода с Крузом Кидман наконец-то смогла позволить себе носить любые каблуки. С ее ростом можно спокойно дефилировать по подиумам. Все десять лет замужества Николь носила обувь только на плоской подошве.

Что делили Том и Николь?

Когда Круз и Кидман подписывали контракт с Кубриком, они знали, что у него очень тяжелый характер и из-за этого от него уходило многие знаменитые актеры. Но супруги очень хотели сняться у гения. Они не знали, что съемки растянутся на два года, причем по контракту актеры

в любую минуту, даже ночью, должны были мчаться к Кубрику. Съемки проходили от рассвета до поздней ночи, и Том и Николь изматывались физически и психологически. Неудивительно, что они стали ссориться даже на съемочной площадке. А свободное от съемок время превратилось в ад. Не помогали загородные прогулки с детьми и пикники на природе. Дружная семья рушилась от истерик Николь, оскорбительных выкриков Тома и циничных замечаний Кубрика.

Слухи о романе Круза с Пенелопой Крус поползли после начала съемок "Ванильного неба". 6 июля 2001 года Пенелопа пришла на день рождения Тома и с тех пор они стали жить вместе в доме Тома в Беверли-Хиллз. Кидман в свою очередь принялась встречаться со своим тренером по фитнесу Питером Кроуном. Он подготавливал актрису для съемок в фильме "Мулен Руж".

Огромное богатство, накопленное за десять лет совместной жизни, нужно было делить. Три дома в США, один — в Австралии, квартира в центре Лондона, три самолета и 250 млн. долларов на банковских счетах. Во время съемок фильма "С широко закрытыми глазами" Круз и Кидман купили еще дом в Англии, в викторианском стиле, состоящий из семи спален, гимнастического зала, бассейна и нескольких бильярдных.

Еще Том подарил Николь на день рождения дом в Теллурайде, штат Колорадо. Из-за постоянного страха за себя, Николь и детей он оборудовал дом звукозаписывающими датчиками, сигналы от которых поступали в компьютер соседнего полицейского участка. На ночь все коридоры и комнаты перекрываются инфракрасными лучами.

После развода Николь отошли особняк "Пасифик Пэлисайдз" в пригороде Лос-Анджелеса с пятью спальнями, дом на океанском побережье в Сиднее и имение в Теллурайде стоимостью 10 млн. долларов. 40-футовая моторная яхта признана совместным имуществом. Половина самолетов — у

Кидман. Один из них — “Питтс” — стоит всего 100 тысяч долларов, зато “Бич” — 1 млн. 200 тысяч, а реактивный “Гольфстрим” — 28 млн. долларов. Николь так тяжело переживала развод, что не проявляла большого интереса к разделу имущества.

Кидман снова на подъеме

Женщины по-разному переживают разводы. Одни тут же находят новых мужчин, другие обращаются к психоаналитикам, глотают транквилизаторы, третьи занимаются детьми или развлекаются на всю катушку. Николь после развода находилась в состоянии депрессии, целыми днями лежала, зашторив окна, и ни с кем не встречалась. Как всегда, на помощь ей пришла мама, прилетевшая к ней из Австралии и заявившая, что никакой мужчина не может сломить дух дочери. Сестра Антония тоже помогла ей пережить трудный период жизни.

Хотя и до развода Николь считалась одной из лучших актрис Голливуда, никто не подозревал, насколько на самом деле она талантлива. Если раньше Кидман играла голенастых, хамоватых девчонок (мини-сериал “Вьетнам”), беспринципных, обворожительных прохиндеек (“Умереть за...”), то в фильме “С широким закрытыми глазами” все увидели великолепную светскую даму. А после развода с Крузом Кидман стала осваивать все новые и новые амплуа. Не успели зрители удивиться, как Николь играет русскую оторву в фильме Дджеза Баттерурта “Именинница”, с акцентом матерясь на русском и хмуро смоля сигарету, как она появилась в жестком, мрачном фильме Алехандро Аменабара “Другие”. Затем последовала ослепительная игра в фильме ее земляка База Лурмана “Мулен Руж”, за которую она получила премию “Золотой глобус”. Полтора часа на экране мелькали длинные загорелые ноги Николь. Холодноватая белокурая красавица оказалась такой страстной, что критики наградили ее титулом нового

секс-символа. “Петь перед аудиторией для меня, — сказала Кидман, — труднее, чем играть”. Когда Лурман пригласил ее на съемки, она играла в спектакле “Голубая комната”. “Каждый вечер после спектакля, — заявила Николь, — я по два часа репетировала танцевальные номера”. И в фильме “Мулен Руж” она танцевала канкан не хуже девушек из варьете.

Не успели зрители перевести дух от шика и блеска “Мулен Руж”, как на экранах мира появились удивительные “Часы” Стивена Долдри, где Николь сыграла роль знаменитой писательницы Вирджинии Вульф. “Я перечитывала ее произведения и была потрясена ее письмами, — вспоминала Кидман. — Во время съемок я жила в отдельном домике, чтобы острее ощутить одиночество моей героини. Мне пришлось учиться писать правой рукой, хотя Долдри на этом не настаивал”. (Николь — левша.) Приклеенный нос изменил актрису до неузнаваемости. “Сын Коннор просил меня, чтобы я больше так не делала, — с улыбкой говорит Николь, — но я думаю, что мне удалось убедить зрителей, что такая сложная роль мне по плечу”. За исполнение этой роли она получила премию “Оскар”, появившись на церемонии вручения с гладко зачесанными волосами и в черном платье.

“Если Том — звезда блокбастеров, — решила Николь, — то я стану звездой фестивального кино”. И ее трудолюбие и талант были достойно оценены. Кидман стала не только одной из высокооплачиваемых актрис Голливуда (гонорар за исполнение роли Вульф составил 7,5 млн. долларов), но и ее именная звезда в январе этого года появилась на Аллее голливудской славы рядом со звездой Стивена Спилберга.

“Каждый мой фильм, — сказала Николь, — это риск. Нельзя заранее знать, ждет ли тебя успех. Но я люблю рисковать”. Она сама напросилась сыграть в малобюджетном фильме Ларса фон Триера “Догвилль”. Гонорары у Триера небольшие, но даже в маленьких ролях в “Догвилле” почли за честь выступить

знаменитые актеры. В этом фильме Кидман сыграла роль почти библейскую, так как ее героиня Грейс (по-английски — милосердие) соединяет в себе черты раскаявшейся грешницы Марии Магдалины и чуть ли не самого Христа. На пресс-конференции Каннского фестиваля Николь — в очках, строгом черном платье, обтягивающем ее восхитительную фигуру, — не успев появиться перед фотокамерами, попросила у Стеллана Скаргарда, сыгравшего роль злодея-насильника, сигарету, небрежно отодвинув микрофон в сторону. Раньше она никогда не позволяла себе появляться курящей на публике.

На натурные съемки драмы "Холодная гора" в Румынии Кидман прилетела со своим давним другом Расселом Кроу, поселившимся в отведенном актрисе роскошном доме. После чего Круз, несмотря на "дружбу" с Пенелопой, пришел в бешенство, а пресса ехидно заговорила о новом увлечении актрисы.

Николь мечтает о любви

С тех пор как Кидман развелась с Крузом, журналисты и киномены жадно прочитывают любую информацию о ее личной жизни. Кого только не называли досужие журналисты героями ее романа! И Дзад Лоу, с которым она снималась в фильме "Холодная гора", и Энтони Броуди, с ним она шепталась на вручении "Оскара". "Дзад — заявила Николь, — мой друг, но между нами ничего не было". Когда появились сообщения о ее романе с телохранителем Дэвидом Гаррисом, то одни говорили, что это пародия на фильм "Телохранитель" с Уитни Хьюстон в главной роли, а злопыхатели утверждали, что "скорее, это лекарство от недавнего развода".

Психика детей — Изабеллы и Коннора — сначала была травмирована предательством настоящих родителей, так как Кидман и Круз взяли их из приюта. Теперь же им приходится привыкать жить на два дома. Пока они находятся с Николь, но Круз хочет добиться совместной материальной и правовой опеки над

детьми. Насчет религии, в которой они будут воспитываться, бывшие супруги не смогли договориться, и этот вопрос предстоит решать судьям.

Коннор все время говорит о самолетах и мотоциклах, а Изабеллу Николь хочет научить играть на гитаре. Она ответственно относится к своим материнским обязанностям. "Дети меня поддерживают и вдохновляют, — заявила Кидман. — Конечно, я разрываюсь между ними и съемками, мне бывает трудно, но я стараюсь проводить с ними каждую свободную минуту. Они видят, как я много работаю, и гордятся мною, а это — лучший способ воспитания. Так же поступала со мной моя мама".

Снявшись в мюзикле "Мулен Руж", Николь доказала, что у нее нет никакой депрессии. Хотя съемки и были приостановлены на две недели после того, как она сломала ребро на одной из репетиций. Несмотря на это, отправилась на открытие филиала студии "XX Век Фокс" в Австралии, и никто даже не догадался, что Николь испытывала сильную боль. "Со стороны Николь это был настоящий подвиг, — сказал режиссер Баз Лурман. — Она улыбалась и старалась быть приветливой со всеми гостями". После чего Лурман пригласил Кидман сниматься вместе с Колином Фарреллом в фильме "Александр Македонский".

Недавно Кидман купила себе весь 15-й этаж в доме в престижном районе Нью-Йорка. Здесь живут многие актеры, например Кельвин Клайн, а напротив Кидман находится... квартира разлучницы Пенелопы Круз. Теперь, шутят журналисты, Тому Крузу придется стать еще меньше ростом, чтобы мышкой проскальзывать к своей новой возлюбленной.

Недавно Кидман заявила, что оставит актерскую карьеру, как только влюбится. "В жизни есть другие вещи, которые интересуют меня больше, чем лицедейство, — сказала актриса. — Но и сразу все бросить я тоже не могу. Скорее всего буду прощаться с актерской профессией постепенно..."

Сейчас в кинотеатрах не так много зрителей, как раньше. Многие люди предпочитают смотреть фильмы дома. Но это не значит, что кино потеряло свою популярность. Просто изменились привычки людей. Кино остается одним из самых любимых видов досуга. Многие люди приходят в кино, чтобы отдохнуть и забыть о своих проблемах. Кино помогает нам лучше понять мир и себя. Оно дает нам возможность увидеть то, что мы не можем увидеть в реальной жизни. Кино — это искусство, которое никогда не потеряет своей актуальности. Оно будет существовать всегда, потому что оно так интересно и полезно для нас.

Алла ЛЮДЕН

Фраза о том, что у нас сейчас «кино нет, а фестивалей слишком много», стала расхожей. Но тем не менее отечественные фильмы потихоньку снимаются и даже бывают очень неплохими. Конечно, картин не так много, чтобы на каждом фестивале показывать новую программу, но композиция из фильмов, представленных на «Киношоке», где наш журнал участвовал в качестве информационного спонсора, удачно выделила этот фестиваль из общей картины.

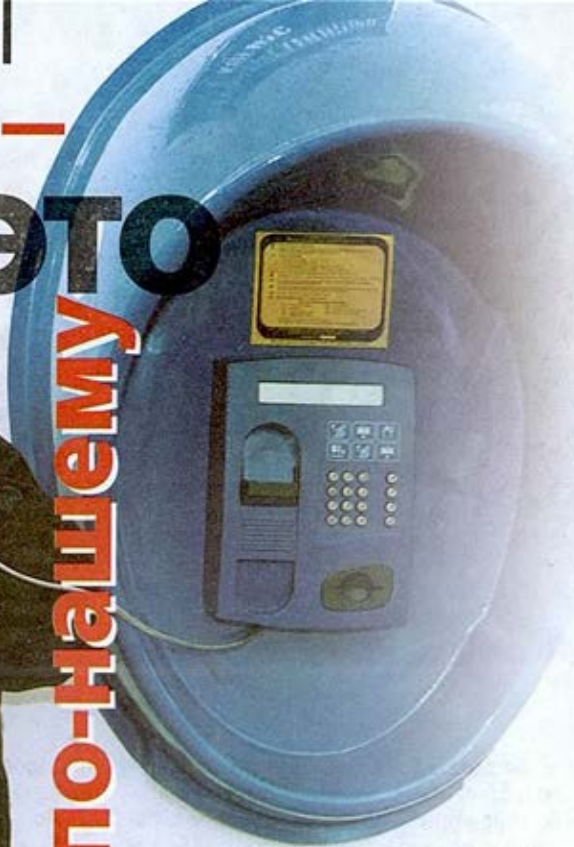
Главным событием «Киношока», конечно, были картины, и все разговоры сводились к ним. Фильмов оказа-

лось много: полнометражные, короткометражки, анимация, видео. И это обрадовало, потому что за прошедшее десятилетие кинематографу на всем постсоветском пространстве приходилось очень трудно. Практически свернулось кинопроизводство в Таджикистане, Туркмении, Молдове, где раньше блистали многие знаменитые имена. Сильнейший кризис поразил когда-то довольно сильный кинематограф Украины, Белоруссии, Казахстана. И вдруг оказалось, что везде потихоньку он возрождается. В этом году в Анапе триумфатором стало среднеазиатское кино. Выбирая лауреатов, и

ШОК — ЭТО

по-нашему

жюри и киноведы порой не знали, какому фильму отдать предпочтение. Спорили до хрипоты, иногда даже сцелялись в острых дискуссиях, обижались на тех, кто не хотел принять их выбор. В результате, большинством голосов присудили Гран-при «Золотая лоза» картине «Ангел справа» таджикского режиссера Джамшеда Усмонова. Ему же отдали призы за лучший сценарий и от Гильдии киноведов.

Казахские кинематографисты привезли фильм «Молитва Лейлы» — трагический рассказ об одном из поселков Семипалатинской области, расположенном недалеко от полигона, где в

фото Владимира Балабанова

советское время секретно испытывали смертельное оружие, можно сказать, ставили опыты на своем же народе. Исполнительница главной роли, 15-летняя Аян Есмагамбетова, необычайно красивая, талантливая девушка, стала одним из открытий фестиваля. Ей присудили приз за лучшую женскую роль.

Интересно, что большинство кинорежиссеров из разных бывших республик свои работы так или иначе посвящали советской власти, видя в ней виновника всех бед. Например, в азербайджанском «Колдуне» вооруженный отряд жестоко устанавливает в горном ауле советскую власть. В эстонском «Имена в граните» гимназисты погибают в борьбе против «красных». «Имена в граните» получил специальный диплом жюри с определением «За углубленный поиск национальной идентичности». Как попыталась объяснить известный кинокритик Ирина Шилова, «похоже, что создатели этих фильмов сначала хотят осмыслить

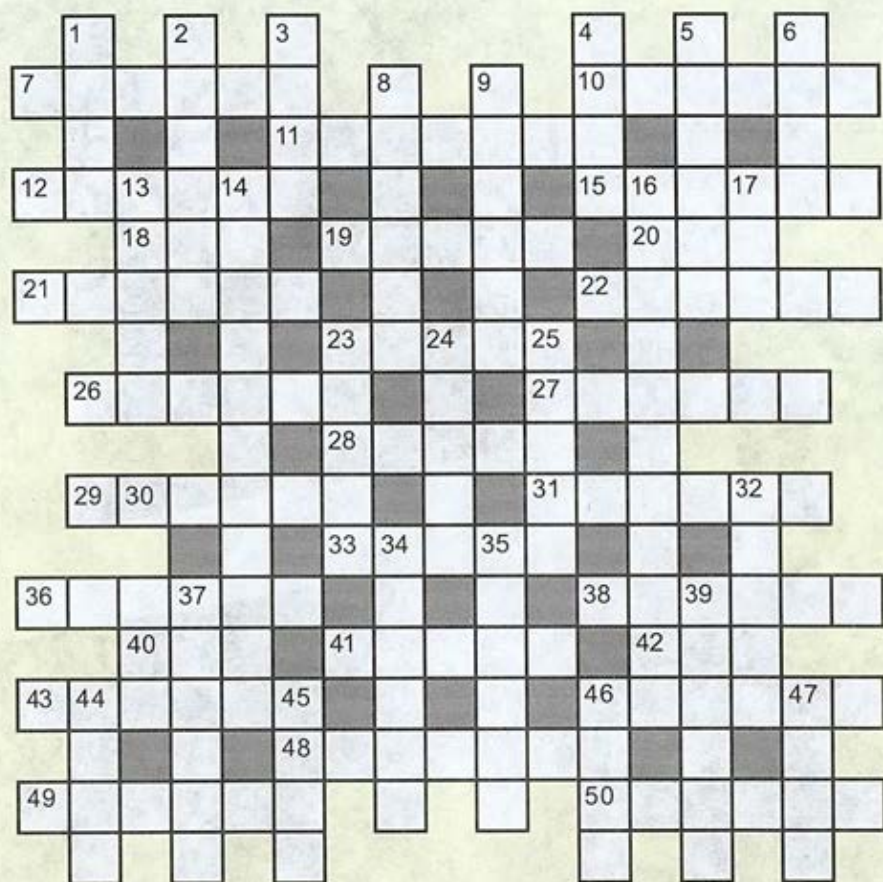
прошлое, чтобы спокойно перейти к показу настоящего».

Но главным событием стали дебюты. Выяснилось, что у нынешнего «Киношока» — юное лицо. Авторы конкурсных короткометражек, 23—27-летние студенты и дипломники, показали много хороших, умных картин. Фильмы Юлии Колесник, Дениса Карро, Вячеслава Росса, Александра Ламакина вызвали самые бурные дискуссии на фестивальных обсуждениях. В них есть как раз и осмысление прошлого, и осознание настоящего. Про них опытные мастера говорили, что это поколение завтра станет определять погоду в нашем кинематографе стран СНГ и Балтии.

Фестиваль закончился, а в памяти осталось интересное кино и уверенность в том, что у кино все-таки есть зритель.

Теперь остается ждать, какие неожиданные сюрпризы и открытия принесет нам фестиваль следующий... ■

КРОССВОРД

По горизонтали. 7. Лесной попугай, распространенный от Тасмании до Филиппин. 10. Человек, оцениваемый, как гостиница или коньяк, числом звездочек. 11. Застежка, пряжка, а также ожерелье с застежкой. 12. Автобиографический роман А. Куприна. 15. Минеральная вода в «Княжне Мери» М. Лермонтова. 18. Орган с зеницей. 19. Нежная укротительница женщин. 20. Голливудский актер-буддист в разводе с Синди Кроуфорд. 21. Загадка от старика Синицкого в «Золотом теленке». 22. Канцлер ФРГ, чья политика породила «западногерманское чудо». 23. Стихотворение с моралью. 26. Русский сплин. 27. На топчане. 28. Человеческое качество, доходящее до люто́сти. 29. Сыр из овечьего молока. 31. Город на юго-востоке Болгарии. 33. След от зажившего пореза кожи. 36. Природа для художника. 38. Дрофа, иначе называемая джеком. 40. Русь испытала его в татаро-монгольском варианте. 41. Телеведущий, угадывавший мелодию с одной ноты, а теперь угады-

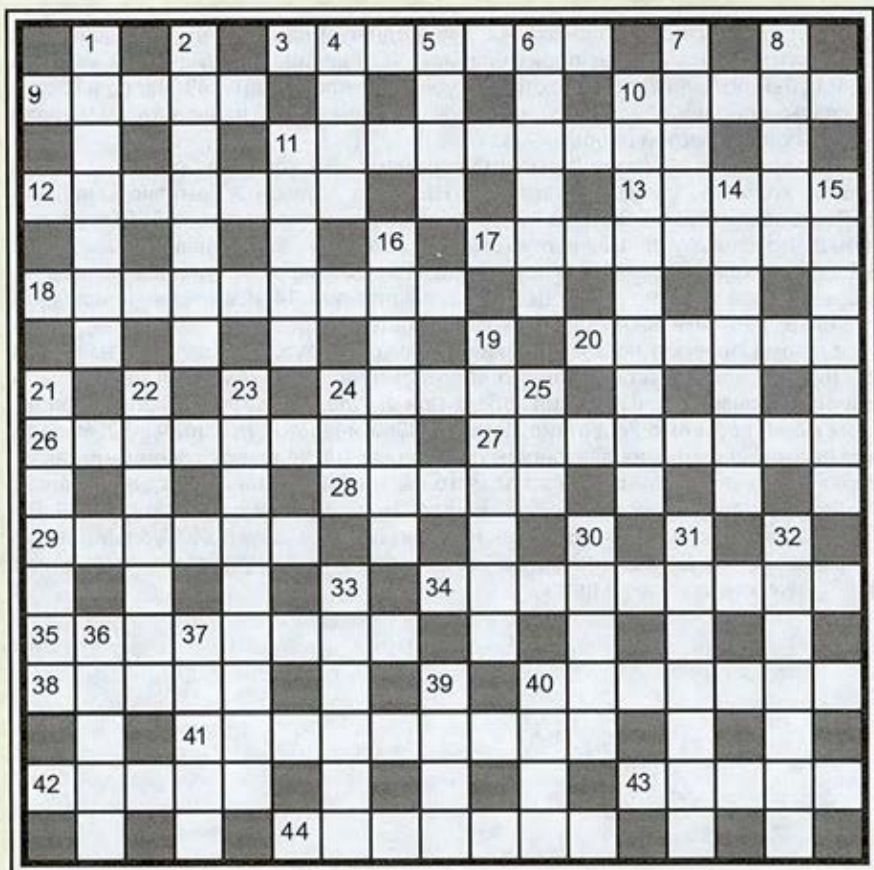
вающий блюдо с одного понюха. 42. Чуб, поднятый на дыбы. 43. Имя дочери Ж. Санд, встречаемое и в ее произведениях. 46. Единица электрической емкости. 48. Вид ивы, из чьей коры в некоторых губерниях плели лапти. 49. Народ в России, на свадьбу пекущий пирог «груди молодухи» с начинкой из творога. 50. Дерево, «зажигающее» весной свечи.

По вертикали. 1. Автор знаменитого романа «Иосиф и его братья». 2. Беспорядочное хозяйство ушедшего на покой Шерлока Холмса. 3. Земляной миндаль. 4. Персонаж оперы Р. Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры». 5. Голливудская немка, по фильму прозванная «голубым ангелом». 6. Кровельный материал. 8. Единство как анаграмма к слову «тирада». 9. «На цифре 37 один шагнул под пистолет» (герой из песни В. Высоцкого). 13. Наст по сути. 14. Настоящее название багульника, весной в Забайкалье окрашивающего в розовый цвет целые сопки. 16. Система приемов по возделыванию сельхозкультур. 17. Котлета с начинкой. 23. Лишние кости в игре в домино вдвоем или втроем. 24. Самая ценная часть уличного фонаря с точки зрения кобеля при выгуле. 25. Житель острова в Карибском море, воспетого Робертино Лоретти. 30. Минерал, руда титана. 32. Нападение шахматного коня на две фигуры противника. 34. Человек с хорошими, как говорят в народе, руками. 35. Растущая толпа голубых возле учреждений власти. 37. Государство с одним из старейших в Восточной Африке университетом. 39. Поэма В. Маяковского. 44. О нем никак не скажешь: ну и фрукт! 45. Русский кувшин с крышкой. 46. Довод, способный обезоружить невооруженного противника. 47. Паническое сверканье пяток. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали. 5. Минога. 8. Арфист. 11. Брно. 12. Арка. 14. Постулат. 16. Хастелой. 17. Астра. 18. Эротоман. 19. Интриган. 20. Топаз. 21. Бровка. 24. Миазмы. 27. Чай. 29. Ромашка. 30. Олдридж. 31. Дед. 33. Кунгас. 37. Пижама. 41. Ведро. 43. Ветрянка. 44. Пародист. 45. Давао. 46. Носитель. 48. Воинство. 50. Лаба. 51. Цирк. 52. Шельма. 53. Чистка.

По вертикали. 1. Диктатор. 2. Югра. 3. Ярка. 4. Эстетизм. 6. Обломов. 7. Антанта. 8. Архаизм. 9. Фасетка. 10. Добро. 13. Комар. 15. Стопка. 22. ...обман. 23. Кошка. 25. Индри. 26. Заика. 27. Чад. 28. Йод. 32. Ендова. 34. Украинец. 35. Гендель. 36. Свадьба. 37. Попович. 38. Журфикс. 39. Модистка. 40. Щегол. 42. Яство. 47. Лама. 49. Орик.

Э Р У Д И Т

По вертикали. 3. Музыкант, игравший на инструменте, какой поэты Востока называли «согдийской птицей». 9. Художник, которому о картине «Толстой на пашне» писатель сказал: мол, все вы написали правильно, только вот вожжи в руки дать забыли. 10. Один из любимых цветов М. Цветаевой. 11. Малоизвестный художник, зато известный как автор воспоминаний о передвижниках. 12. Римский император, еще ребенком в 367 году ставший соправителем отца Валентиниана I. 13. Немецкий историк, основатель научно-критического метода в изучении истории. 17. Русский бальный танец, близкий к чардашу. 18. В повести И. Тургенева «Несчастная» на поминках «упоминалась смерть, обращалось внимание на краткость человеческой жизни, на ...земных надежд». 20. Самоцвет, которого в XVIII веке было в одной Троицкой лавре, по мнению иностранца, «больше, чем во всей остальной Европе». 24. Косырь, лучинный нож на Руси. 26. Обменная реакция, ши-

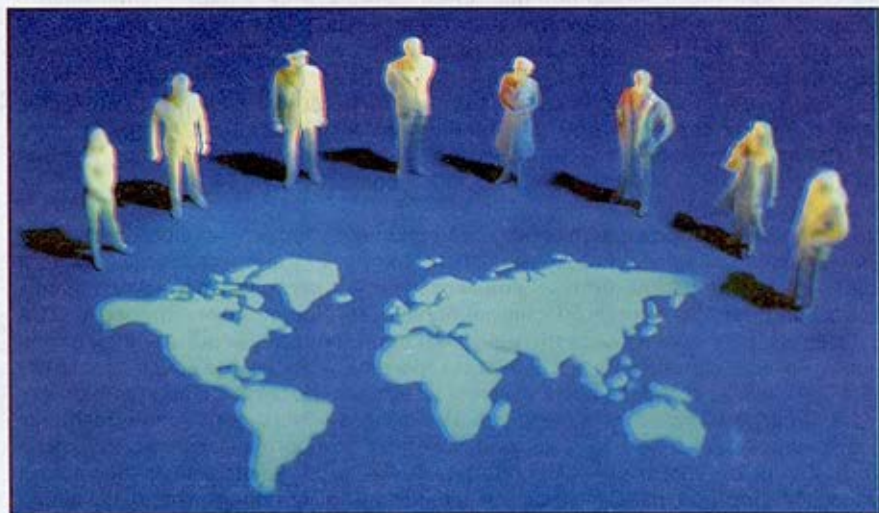
роко используемая в химии углеводов. 27. Математическая кривая, разновидностью которой И. Бернулли считал брахистохрону. 28. Металл, в чистом виде активнее урана. 29. Житель города, где отбывали ссылку А. Одоевский и В. Штейнгель. 34. Советский клоун, названный Марселем Марсо кумиром цирка, гением пантомимы. 35. Легкая ткань, популярная в глубинке еще в 50-е годы XX века, хотя М. Кирсанова в энциклопедическом справочнике о русском костюме и отрицает это. 38. Бежать в ... (на быстроту). 40. Блюдо, какое готовил французский акробат Блондель, идя на ходулях по канату, протянутому над Ниагарой. 41. Цветок, ставший в Альпах редким чудом, а в Монголии пастухи разводят костры из него. 42. Ландшафт сфагновых лесных болот. 43. Персонаж картины Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», чьи сложенные руки говорят: «Грущу». 44. Знатная женщина в амплу актрис.

По вертикали. 1. Город, где преподавал медицину, риторику и философию известный итальянский новеллист Джамбаттиста Чинтио. 2. Один из трех главных цветов в орнаменте расписной турецкой керамики. 4. Красноярский промышленник, продавший свою почти сотысячную библиотеку Библиотеке конгресса США. 5. Смерть дня. 6. Советский спортсмен, трехкратный олимпийский чемпион в тройном прыжке. 7. Древнее поселение на северо-западе Ирана, где найдены золотые, серебряные и из слоновой кости изделия VII века до н. э. в скифо-ассирийском стиле. 8. В басне «Пустынник и Медведь» И. Крылова «Пустынник был не говорлив, ...с природы молчалив». 10. Американский поэт, которого в мастерской художника Д. Хирли как громом поразил портрет Ф. Листа. 11. Единственный бесхвостый макак. 14. Портной, раньше обслуживавший только мужчин, а теперь шьющий и женщинам. 15. Кормовой злак, дающий до четырех укосов. 16. «Свобода смотрит в синеву. Окно открыто. Воздух резок. За желто-красную листву уходит месяца...» (А. Блок). 19. «Выходец» из кабинета, но не работник. 21. Нимфа, семь лет продержавшаяся в плену Одиссея. 22. Божество как творец мира в философии Платона. 23. Одна из лучших опер Ф. Генделя. 24. Пельта древнегреческой пехоты по своей сути. 25. Шаробойный инструмент. 30. Кулик, чьи маховые перья в токовом полете издают звуки, похожие на шелест и жужжание. 31. Самоцвет, какой в Древнем Египте считали «застывшим в камне закатом солнца». 32. Самый значительный из итальянских поэтов-сумеречников. 33. «Будь здоров, ...» — повесть Б. Окуджавы, хотя и вышедшая в «Тарусских страницах», но запрещенная до 1988 года как пацифистская. 36. Немецкий музыковед, известный монографией о Моцарте. 37. И «Одиссея», и «Мертвые души». 39. Графическая манера корейской живописи черной тушью. 40. Летнее горное пастбище в Крыму. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали: 1. Цинга. 5. Табак. 10. Чиле. 11. Лайка. 12. Щигры. 13. Халва. 14. Гета. 15. Свеча. 18. Закол. 21. Струсь. 24. Езда. 25. Юсуф. 26. Лавис. 27. Фараон. 30. Стегозавр. 33. Днище. 34. Голод. 35. Преамбула. 39. Ясырка. 40. Норна. 41. Кырш. 42. Того. 43. Миопия. 47. ...нивхи. 50. Кожан. 52. Басё. 53. Гейне. 54. Земля. 55. Биешу. 56. Джид. 57. Шпага. 58. «Виват».

По вертикали. 2. Ижица. 3. Гарбо. 4. Ликендеелер. 5. Техас. 6. Билляр. 7. Класс. 8. Эйве. 9. Мара. 16. Вьюн. 17. Чауш. 18. Зельда. 19. Кувшин. 20. Лессепс. 22. Туаз. 23. Удав. 27. Форма. 28. ...Разумовский... 29. «Органон». 31. Флеров. 32. Аджани. 36. Рыло. 37. Акри. 38. Мыло. 39. Яшма. 44. Ингуш. 45. Пайза. 46. Ябеда. 48. Исеви. 49. Халса. 50. Каба. 51. Жрец.

Приватность

■ “Честному человеку скрывать нечего” — фраза эта стала расхожей. Взглянем в ее контексте друг на друга и мы, простые пользователи Интернета: люди вроде бы порядочные, детскую порнографию не собираем, наркотиками не торгуем, скрывать нам, кажется, нечего. Ну, почти нечего.

В этом коротком “почти” заключена огромная, крайне важная и очень чувствительная к внешнему воздействию область. Она называется частной жизнью человека. У каждого есть информация, которой он не хотел бы делиться с любопытными прохожими и соседями. Номер домашнего телефона, уровень доходов, переговоры с деловыми партнерами, семейные секреты, врачебные диагнозы, проблемы в сексуальной жизни, время, когда в вашей квартире обычно никого не бывает... Никто не обрадуется, если его медицинскую карту опубликуют в Сети

для всеобщего обозрения (реальная история, произошедшая в Мичиганском университете). Вроде бы ничего такого там нет, а неприятно. Досадно, когда заполняешь анкету на интересном и полезном сайте, а его владелец продает адрес твоей электронной почты бессовестному спамеру. Всякий разумный человек будет огорчен, если злоумышленник украдет пароль для доступа в Интернет. А что вы скажете, если ретивый робот-цензор начнет заботливо вырезать “неподобающие” слова и фразы из вашей личной переписки?

Именно это и происходит в современном Интернете. С одной стороны, приватность, право граждан на неприкосновенность частной жизни, формально защищенное целой кучей международных соглашений, конституциями разных стран, национальными законами. С другой стороны, множество организаций и частных лиц, по самым разным соображениям стремящихся ваше право ограничить. Так,

спецслужбы и правоохранительные органы добиваются этого в интересах национальной безопасности и борьбы с преступностью. Возникают проекты создания крупных архивов персональных данных, различных систем наблюдения, перехвата и слежки, программы фильтрации трафика. Интернет-провайдеров заставляют хранить информацию о своих клиентах — кто, когда и кому отправлял электронную почту. Эти меры редко бывают по-настоящему эффективны, но, как правило, подразумевают вторжение в частную жизнь большого числа ни в чем не повинных людей. Коммерческие фирмы тоже собирают информацию о клиентах, а те, бывает, узнают об этом только после того, как обработанная информация становится предметом купли-продажи.

Но права человека нарушают не только фирмы, но и могущественное государство. В некоторых странах у граждан есть возможность обратиться в суд, к специальному уполномоченному по защите приватности, в соответствующую общественную организацию. В России же судебная практика по делам такого рода не развита, уполномоченного нет, общественные организации немногочисленны и слабы.

Более того, сами люди обычно не в курсе, что их права нарушены. Они чувствуют, что к ним относятся неуважительно, грубо, но не знают, что это — нарушение прав человека, и не ведают, как в таких ситуациях нужно действовать, кому писать, на какие законы ссылаться. Для многих сама фраза "частная жизнь" звучит как неродной звук, западное изобретение, не имеющее ничего общего с жестокой российской реальностью.

Понемногу наше общество принимает гражданские свободы, и в том числе — право на неприкосновенность частной жизни. Чтобы это важное конституционное право "завуча-

ло" в Думе, в судах, в кабинетах чиновников и в повседневной речи, люди должны больше о нем узнать. Где это можно сделать в Интернете?

Например, на микропортале privacy.report.ru сообщества экспертов проекта Report.ru. Здесь собраны ссылки на многие ресурсы, посвященные приватности, как на русском, так и на английском языках.

Портал "Права человека в России" (www.hro.org) предлагает читателям массу интересных материалов о праве на неприкосновенность частной жизни: газетные статьи, репортажи с конференций, прикладные программы, периодические бюллетени, даже целые книги (например, такая как "Приватность" <http://www.hro.org/editions/privacy>) — все это бесплатно и в открытом доступе.

Вы узнаете, как можно самостоятельно защитить тайну переписки с помощью популярных шифровальных программ, в чем опасность системы СОРМ-2, которой пользуются российские правоохранительные органы, кто и когда придумал слово "приватность", почему продавцам компакт-дисков с базами данных удастся избежать тюрьмы и штрафов, чем вы рискуете, заполняя разные анкеты. Вам наверняка будет интересно посмотреть, как относятся к приватности как праву граждан правительства других стран, и обнаружить, что наши соотечественники находятся не в худшей ситуации, а развитие демократии вроде США и Великобритании, вопреки устоявшимся представлениям, вводят у себя драконовы правила, позволяющие усиливать негласное вмешательство в частную жизнь.

Зная больше о своих правах, вы сможете легче их защищать, а заодно и почувствовать себя свободной и сильной личностью.

Сергей СМЕРНОВ,

"Правозащитная сеть",

privacy@hro.org

Мобильная связь там, где нет никакой

■ Жители наших областных центров, не говоря уж о москвичах и петербуржцах, становятся свидетелями и участниками коммуникационного бума. Еще каких-то лет пять назад дозвониться до нужного человека была целая проблема: о звонке приходилось предварительно договариваться, искать ближайший телефон, просить пригласить своего собеседника к аппарату. Конечно, тогда уже действовали операторы сотовой связи, но их услугами могли пользоваться лишь граждане далеко не бедные. Теперь ситуация в корне иная: сотовые операторы ведут борьбу за "массового" клиента, который, валом повалил в офисы сотовых компаний. Оснастив необходимой инфраструктурой европейскую часть страны, где сосредоточено три четверти всего населения, сотовые компании приступили к сбору урожая на ниве клиентской базы. Однако несколько иная ситуация на просторах нашей все еще бескрайней Родины за Уральским хребтом. Конечно, в областных центрах есть местные операторы сотовой связи, а кое-где и такие "ки-

ты", как МТС и "Би-Лайн", но стоит отъехать на десяток километров от города, как уровень принимаемого сигнала резко падает и даже вообще пропадает. До ближайшего населенного пункта иногда сотни километров, а ставить базовую станцию сотовой компании в чистом поле или глухом лесу — себе в убыток. Впрочем, и традиционная проводная телефонная связь с удаленными поселками постепенно отмирает: ее либо отключают за неуплату, либо местные жители срезают провода.

Выход из создавшегося положения предлагает спутниковая связь. Основанная в 1979 году авторитетная ныне международная организация INMARSAT (<http://www.inmarsat.com>) располагает собственным "флотом" из специальных спутников связи, размещенных на геостационарной орбите. Период обращения спутника на круговой орбите высотой 36 000 км над экватором равен земным суткам, поэтому наблюдателю на земле кажется, что спутник "висит" над горизонтом практически в одной точке. Использовать такую орбиту для размещения спутников связи первым додумался писатель-фантаст Артур Кларк. Если на первых этапах система Inmarsat, как это видно из названия (International Maritime Satellite), применялась для обеспечения связи морских судов, то теперь она "вышла на сушу". Для сухопутного абонента предлагаются терминалы, с помощью которых можно не только пользоваться голосовой связью, но и входить в Интернет со скоростью до 144 Кбит/с. Однако такие терминалы имеют размер с небольшой чемоданчик, да и недешевы: их стоимость — от нескольких тысяч долларов. Кроме того, в наших северных широтах геостационарный спутник висит низко над горизонтом, что ухудшает качество связи, а если еще и местность пересеченная, то его и вовсе не видно. Севернее 72° с. ш. спутник вообще за горизонтом. Совершенствование спутникового оборудования, ведущее к повышению надежно-

сти, миниатюризации, а также развитие методов цифровой обработки сигналов подвигли конструкторскую мысль на разработку низкоорбитальных систем персональной спутниковой связи и передачи данных. Так зародились проекты Iridium, Globalstar, Orbcom, ICO, Odissey, Skybridge, Teledesic, причем первые три воплотились в "железо". Надо отметить, что эти проекты несколько опередили свое время, оставшись невостребованными в полном объеме. Результат — банкротства управляющих компаний-операторов и поиск ими путей выживания. Тем не менее есть тенденция к улучшению ситуации. Iridium (<http://www.iridium.com>), к примеру, пользуется государственной поддержкой со стороны правительства США в виде контрактов на обслуживание потребителей из министерства обороны, госдепартамента и министерства внутренней безопасности. Globalstar (<http://www.globalstar.com>) "подпитывается" частными инвесторами, среди которых замечены Билл Гейтс и саудовский принц Аль-Валид. Портативные спутниковые терминалы размером с беспроводную телефонную трубку и весом не более 400-600 г вполне пригодны как индивидуальное средство голосовой связи, а в комбинации с ноутбуком или карманным компьютером — как средство доступа к интернет-ресурсам, включая и электронную почту из самого отдаленного уголка земли. Современные спутниковые телефоны позволяют отправлять и получать короткие текстовые сообщения (SMS) от абонента как спутниковой сети, так и наземной сотовой. Услугами системы Globalstar уже пользуются российские пограничники, подразделения МЧС, телефонные переговорные пункты якутских улусов. Однако особенности орбитальной системы Globalstar, 48 активных спутников которой размещены на круговых орбитах высотой около 1400 км и наклоном 50° к плоскости экватора, не позволяют обслуживать наши территории север-

нее 70°-й широты. Зато система Iridium, космический сегмент которой составляют 66 активных спутников на круговых приполярных орбитах высотой 740 км, обеспечивает глобальное покрытие всей Земли, включая и оба полюса. Пару лет назад под впечатлением, вызванным банкротством систем глобальной связи, были развернуты две региональные системы с использованием геостационарных спутников: арабская Thuraya (<http://www.thuraya.com>) и азиатская ACeS (<http://www.acesinternational.com>), причем российскими средствами выведения — ракетой-носителем "Зенит-3SSL" с морской платформы в Тихом океане и "Протоном" с Байконура. Thuraya обслуживает страны Северной Африки, Ближнего Востока и Европы, ACeS — Юго-Восточной Азии. Что касается потребителя, то появление новых игроков дает реальную возможность выбора между системами мобильной спутниковой связи, причем можно проследить аналогию с ситуацией пяти-, шестилетней давности, когда увеличение числа пользователей сотовых систем ограничивалось высокими тарифами. Стоимость современных спутниковых терминалов колеблется в пределах от 600 до 1500 долларов, а минута эфирного времени около 1 доллара. Возможно, через несколько лет спутниковая связь станет доступной десяткам тысяч наших водителей-дальнобойщиков в безлюдных районах Сибири и Дальнего Востока, туристам-экстремалам в горах Алтая и Саян, вахтовикам на нефтяных и газовых промыслах Приобья, Эвенкии и Чукотки и всем нуждающимся в устойчивой телефонной связи в местах, где телефоном, даже мобильным, и не пахнет. Возможно, и вы станете свидетелем и участником такого процесса, и мой микрорепорт ms.report.ru тоже постарается приблизить этот момент.

Владимир АВДОШКИН,

эксперт портала

"Мобильная спутниковая связь",

pinus31@mail.ru

В ожидании Деда Мороза

■ Конец года — время, когда принято подводить итоги и строить планы. Позади у каждого из нас много интересных реализованных идей, впереди — еще больше творческих планов и надежд на их выполнение. Не является исключением и наш Интервейник — совместный проект журнала “Смена” и интернет-портала Report.ru, который стартовал в мае нынешнего года. За прошедшие месяцы нашими экспертами подготовлены десятки статей на самые разные темы. Административная группа Report’a от души благодарит всех авторов.

Мы рады, что на страницах “Смены” у нас появилась возможность рассказать о своем интересе к Интернету тем людям, которые пока от него далеки, и показать им то, что привлекает нас в глобальной информационной Сети. В Report’e создаются порталы как по профессиональным темам или хобби, так и порталы, своим содержанием призванные отслеживать актуальные события. Например, в сентябре был запущен микрортал “Выборы”, посвященный выборам в Государственную Думу в декабре 2003 года (election.report.ru). В тече-

ние года Report открыл более пятидесяти новых порталов, всего их теперь уже более ста. В канун Нового года состоится встреча сообщества экспертов Report’a, посвященная трехлетию интернет-портала. За праздничным фуршетом пройдет награждение самых активных экспертов в номинации “Эксперт месяца”. Будут вручаться дипломы, праздничные призы и подарки. Такие встречи всегда проходят в неофициальной обстановке: устраиваются дискуссии, обсуждаются вопросы усовершенствования проекта. Знакомятся “ветераны” и “новички” — устанавливаются личные и дружеские контакты.

Мы приглашаем всех, кому интересно попробовать себя в ведении микрортала по любимой теме, к участию в проекте. Пишите нам по адресу: report@teleportal.ru

В преддверии замечательного праздника, в середине декабря, по адресу newyear.report.ru откроется портал “Рождество и Новый год”. Девиз наступающего года — целомудрие, осторожность, педантичность. По восточной традиции хозяйка 2004 года — деревянная Обезьяна. Из цветов спектра она предпочитает кофейно-коричневую гамму, оттенки зеленого и желтого — учитите это, выбирая праздничный наряд. Как оформить интерьер к знаменательному дню, составить новогоднее меню, выбрать подарки, вы прочтаете на сайте “Рождество и Новый год”. Ведущий портала Дед Мороз с радостью ответит на ваши письма, пришедшие по электронной почте, и вопросы на форуме. Пишите!

В следующем году “Смена” отмечает юбилей — 80 лет со дня основания. Мы от всей души хотим поздравить журнал с этой датой и пожелать новых творческих идей и успехов.

Читателям журнала “Смена” — счастья и удачи в новом году!

По поручению администрации интернет-портала Report.ru

Анна АРТЕМИЧЕВА,

anna@teleportal.ru

Игорь ОПАРИН

Долина реки Луары — один из самых красивых и романтических районов Франции. Когда попадаешь в эту "страну замков", кажется, что оказался в волшебном мире сказок. Мягкий климат, леса, полные дичи, богатые пастбища, река, полноводная и удобная для судоходства. На берегу Луары строились большие города — Орлеан, Тур, Нант, соборы и аббатства. Считается, что именно здесь, в долине Луары, говорят на настоящем французском языке, что именно здесь сохраняется истинно национальная культура Франции, живут старинные обряды и традиции.

Французская знать еще с XI-XII веков облюбовала эти земли. На берегах Луары появились крепости, окруженные рвами и мощными крепостными стенами, потом, в эпоху Возрождения, оборонительным сооружениям приходили на смену изысканные замки. Богатая французская аристократия, а особенно короли, строили рос-

замок

ШЕНОЮСО

кошные замки, этикие "охотничьи домики", богато украшали их залы, приглашая не только французских, но и лучших итальянских художников и скульпторов. Каждый замок в долине Луары — Блуа, Шамбор, Амбуаз — красив по-своему, каждый несет свои собственные тайны, собственную историю...

И среди них особенное место занимает Шенонсо, прелестный замок-мост, соединивший берега реки Шер.

С 1243 года феоды Шенонсо и Уд принадлежали овернскому семейству де Марк. В их собственность входила крепость, стоявшая на территории Шенонсо, окруженная наполненными водой рвами и соединенная с берегом реки Шер подъемным мостом. В 1412 году Жан де Марк сдал свой замок англичанам, но королю Франции Карлу VII удалось выбить врагов с берегов Шер, правда, при этом замок сгорел. А лет через двадцать король разрешил сыну Жана де Марка восстановить его. Однако судьба к семейству Марк не благоволила, их преследовали денежные неурядицы (в которых немалую роль играло мотовство Пьера Марка, одного из сыновей Жана), и в 1460 году родовое имение оказалось под угрозой. Между тем о Шенонсо уже давно мечтал некий Тома Бойе. Дворянин «в первом поколении» сумел выгодно жениться на Екатерине Брисонэ, дочери суперинтенданта финансов, и сделал успешную карьеру, прослужив при дворе трех королей: Карле VIII, Людовике XII и Франциске I. Амбициозный придворный грезил о своем собственном блестящем замке, куда бы мог приглашать друзей и конечно же короля! Тайком он методично скупал закладные и кредиты семейства Марк и в 1496 году все-таки вынудил Пьера продать имение за 7374 ливров. Наследники Жана де Марка были возмущены и попытались опротестовать сделку, но у них ничего не получилось, Бойе выиграл все тяжбы и в 1512 году стал полноправным владельцем Шенонсо.

Он сразу же приказал строителям разрушить старый замок, за исключением донжона, и возвести новое сооружение: прямоугольную конструкцию с выступающими угловыми башнями, окружившими с четырех сторон вестибюль со стрельчатыми сводами. На строительство шли огромные деньги, тщеславный Бойе не жалел средств, и недаром у входа в замок был выгравирован его девиз: "Пришедший сюда, да не забудет обо мне!"

Когда Тома в связи с государевой службой покидал Шенонсо, работами руководила его жена Екатерина, полностью разделявшая пристрастие мужа к роскоши и итальянскому искусству. В 1521 году работы завершились, после чего епископ Буржа, кардинал Боне, освятил капеллу замка. Однако Тома Бойе не пришлось долго наслаждаться красотами Шенонсо: получив рыцарское звание из рук Шарля де Амбуаза под стенами Генуи, он был назначен главнокомандующим в Италии, где вскоре и скончался. Его жена умерла через два года после смерти мужа. Замок перешел по наследству их старшему сыну Антуану. Но наследник не смог сохранить отцовское приобретение — дело в том, что к этому времени в Шенонсо уже не раз побывал Франциск I, и замок ему чрезвычайно понравился. Он придумал, что Тома Бойе совершил несколько серьезных нарушений в финансовых делах, и вынудил Антуана отдать Шенонсо казне в знак компенсации за нанесенный государству ущерб. Так Шенонсо стал королевским замком.

Франциск любил наведываться в Шенонсо с узким кругом своих приближенных, в который входили королева Элеонора, сын Генрих и его жена Екатерина Медичи, фаворитка Анна де Писселе и — Диана де Пуатье. Диана — умная, ослепительно красивая, сохранявшая свою женскую прелесть и очарование до самой смерти, сыграла заметную роль в истории Франции и в истории замка Шенонсо. Говорили, что она была любовницей Франциска — так она якобы отплатила королю за то, что тот со-

хранил жизнь ее отцу: Жан де Пуатье участвовал (уже после замужества дочери) в заговоре против короля, заговор раскрыли, Жана де Пуатье ждала неминуемая казнь, но, когда он уже стоял на эшафоте, король, вняв просьбам Дианы, помиловал его. Однако скорее всего это легенда, иначе как объяснить, что сам Франциск написал на портрете Дианы: "Красавица, недоступная обольстителям"?

Однажды после серии военных поражений король оказался в плену у испанцев. Они согласились дать ему свободу, если он подпишет договор, расчленявший Францию на части, и отдаст в заложники своих сыновей. Король подписал договор, и не думая его выполнять, отдал испанцам своих мальчиков — Генриха и Франциска-младшего. Через четыре года принцы вернулись домой, младшему Генриху тогда исполнилось 14 лет. И никто не видел, как он улыбался — четыре года, проведенные в плену, сделали его замкнутым и нелюдимым. И вот Франциск попросил Диану как-то расшевелить сына. Ее заботы привели к тому, что юный Генрих воспысал страстью к прекрасной мадам Пуатье, женщине на двадцать лет его старше! Он мечтал о ней, грезил и почитал как богиню. С этим надо было как-то бороться, и Генриху нашли невесту — четырнадцатилетнюю Екатерину, происходившую из богатого флорентийского рода герцогов Медичи. Думали, что после свадьбы Генрих забудет о своей Диане. Говорили, что Франциск сам уложил молодоженов в постель и остался в их опочивальне, возжелав наблюдать за тем, как пройдет их первый супружеский опыт, и дети выдержали испытание с честью. Однако принц, увы, не излечился от своей всепоглощающей, но пока лишь платонической страсти и по-прежнему думал только о Диане.

Как-то старший брат Генриха Франциск, разгорячившись во время спортивных забав, выпил залпом стакан ледяной воды, тяжело заболел и умер. Генрих стал наследником престола. И тогда Диана решила, что теперь их отношения могут перестать быть только платоническими.

Все произошло в замке констебля Монморанси. При дворе этот замок был весьма популярен, поскольку его украшали знаменитые витражи с эротическими сюжетами. Надо сказать, что они шокировали в свое время даже видавшего виды Рабле!

И вот началась одна из самых знаменитых в мире историй любви. Диана, до сих пор знавшая ласки подставшего за долгую жизнь, весьма немолодого мужа, столкнулась с юной и ненасытной страстью принца. С тех пор он стал носить ее цвета — черный и белый, а в его вензель изящно вписалась буква "Д".

В 1547 году умер Франциск I. Став королем, Генрих — теперь он Генрих II — подарил ей герцогский титул и позволил контролировать все, что происходило в его королевстве. Никогда еще власть фаворитки не была столь полной. Ей слали письма послы, она вела переписку с самим папой; король ничего не решал, предварительно не посоветовавшись с Дианой. Люди по-разному относились к ней — некоторые считали, что ее влияние на короля исключительно полезно для Франции, другие же придерживались абсолютно противоположного мнения. Так или иначе, но король ее боготворил — теперь Диана звалась герцогиней де Валентинуа — и проявлял невероятную щедрость, забрасывая дорогими дарами: украшениями, землями, милостями для ее родственников. Но самым роскошным подарком стало, несомненно, поместье Шенонсо, которое уже давно, еще во времена Франциска, когда она бывала там со свитой короля, очень нравилось Диане.

Итак, в 1547 году Диана стала владелицей Шенонсо — вопреки всем законам, она добилась, чтобы собственность короны перешла в ее руки — "за великие и похвальные услуги", как указали в дарственной. Благодаря неиссякаемому потоку королевских благодеяний, у Дианы оказались довольно большие средства, и она, увлекшись своей новой игрушкой, принялась за благоустройство замка и окружающих его зе-

мель. Наняла опытных садоводов и разбила на правом берегу реки роскошные фруктовые сады, оградив их решетчатой изгородью, по которой заструились виноградные заросли. В апреле 1551 года Диана занялась цветником, задумав создать самый красивый во Франции "сад удовольствий". И ей это удалось! Цветник действительно вышел на славу! Он орошался родниковой водой из источника Рош, поступавшей по трубам, проложенным Карденом де Лорансом, умелым мастером из Тура. В центре цветника вода фонтанировала из трех туазов. Затем Диана позвала королевского архитектора Филибера Делорма строить еще задуманный супругами Бойе мост через Шер. Работы начались в 1556 году и закончились к смерти короля (правда, к строительству галереи приступить не успели). Диана подолгу жила в своем любимом Шенонсо. Сюда к ней частенько приезжал король, по-прежнему обожавший свою очаровательную Диану-охотницу.

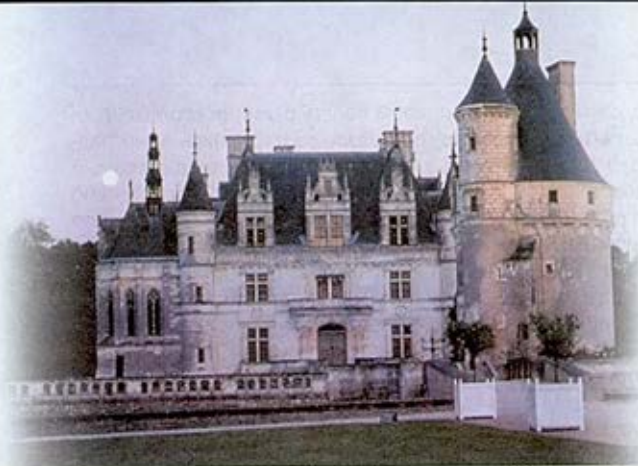
Шли годы, Диана становилась старше, но ее красота не тускнела. "Она ведьма", говорили о ней. В 1560 году Генриху исполнилось сорок лет, а Диане — шестьдесят. В этот день он подарил ей кольцо и написал: "Дорогая, умоляю Вас — носите это кольцо в знак моей любви к вам... Помните, что всю свою жизнь я любил только Вас!".

Законная королева Франции Екатерина Медичи — при всем своем желании — оказалась не в силах соперничать с фавориткой мужа. Екатерину было трудно назвать красавицей — крупный рот, большие, но невыразительные глаза — не придавали прелести этой отнюдь не глупой женщине. А десять лет бесплодия! Неудивительно, что Генрих предпочитал проводить ночи с любовницей! Но мудрая и хитрая Диана для спокойствия двора потребовала от Генриха, чтобы тот хотя бы иногда посещал спальню Екатерины (и впоследствии Екатерина родила десять детей). Понятно, что отношения между влиятельной фавориткой и королевой были далеко не дружескими, хотя внешне все выглядело вполне пристойно. "Что вы читаете, мадам?" — спросила как-то Диана Екатерину. "Я читаю историю Франции и нахожу, что во все времена шлюхи управляли страной", — ответила королева.

Казалось, Диана де Пуатье будет править Францией вечно. Но внезапно все изменилось. Однажды король, как всегда одетый в цвета Дианы, в белое и черное, участвовал в рыцарском турнире, проходившем в предместье Сент-Антуан. Его противником был граф Монтгомери, капитан гвардии шотландцев. И случилось страшное — обломок копья Монтгомери, сломавшись о доспехи короля, вошел в его глаз. Через десять дней мучительных страданий король скончался.

Корона перешла к сыну Генриха Франциску II, а власть — к вдовствующей королеве Екатерине. Кончилась эпоха Дианы де Пуатье, кончилось ее правление. Ей пришлось по велению Екатерины тут же вернуть драгоценности, подаренные королем, огромные суммы денег, и главное, расстаться с ее любимым Шенонсо. Теперь она жила в гораздо более скромном поместье в Анэ, милостиво оставленном ей королевой. Диана де Пуатье умерла 25 апреля 1566 года в возрасте 66 лет. Незадолго до кончины ее навещал Пьер Брантом, автор увлекательнейших мемуаров. Он писал: "Я увидел эту женщину за шесть месяцев до ее смерти, и она была так красива, что ни одно сердце... не могло бы не взволноваться. Я уверен, если бы эта дама прожила еще сто лет, она бы не постарела ни лицом, ни телом..."

Шенонсо перешло в руки Екатерины. С большим удовольствием и тайным злорадством она вступила во владение замком, подаренным ее мужем некогда всецельной, а теперь поверженной фаворитке. Однако обживать замок ей было некогда. 17-летний король Франциск, слабый здоровьем и характером, попал под каблучок Марии Стюарт, на которой его женили за несколько месяцев до воцарения на престол. А Мария Стюарт во всем следовала советам своих дядьев — герцога Гиза и кардинала Карла Лотарингского. Принцы Антуан Бурбон и его брат Людовик Конде не мог-

ли мириться с таким положением дел. И вот, когда борьба за власть увенчалась полной и окончательной победой клана Гизов (после страшной резни в замке Амбуаз) Екатерина, перестав волноваться за судьбу трона, обратила свое внимание на Шенонсо. Прежде всего она занялась художественным оформлением замка, ра-

боты возглавил итальянец Приматиччо. Он же придумал сценарий королевского въезда, а сочинять девизы, надписи и стихи к сооруженным в парке триумфальным аркам, обелискам, колоннам и статуям обязали великого Ронсара и других известных при дворе поэтов. Все подготавливалось к торжественному дню прибытия двора.

И вот в конце марта 1561 года король и королева прибыли в Шенонсо. Уже наступила ночь. Замок осветили зарева выстрелов. В честь Екатерины и ее сына палили тридцать пушек, выстроенных на берегу реки. Кортёж на всем его пути встречали местные жители, арендаторы и слуги. Некоторые держали флаги из черной тафты с белой каймой в знак траура по умершему Генриху II. Дорогу устилали букеты фиалок и левкоев. И отовсюду неслись крики: "Да здравствует король!" На триумфальных воротах, ведущих к замку, была надпись: "Божественному Франциску, сыну божественного Генриха и внуку божественного Франциска, доброму и счастливому королю". Далее стояли две колонны выше человеческого роста, увенчанные золотыми львиными головами, из пастей львов лилась вода, падавшая в каменную раковину. Когда процессия, перейдя мост, приблизилась к замку, навстречу королю вышла юная дева в лавровом венке — она символизировала славу короля. Потом на балконе появилась девушка с копьем и мечом, изображавшая Палладу. поприветствовав короля, она осыпала его и приближенных венками, гирляндами и букетами цветов. Так закончился тот вечер. Все было пышно и невероятно роскошно.

Последовав в замок, король подписал ряд важных указов и удалился в опочивальню, а на следующий день праздник продолжился. На реке Шер разыграли поединок на воде: в нем участвовали более пятидесяти барок! А потом — охота, балы. Празднества продолжались до 6 апреля.

Но несчастья преследовали Екатерину. Вскоре Франциск II умер в Орлеане, и на Екатерину снова свалились государственные заботы, ведь Карлу IX, провозглашенному королем, было всего десять лет! А между тем страну сотрясали религиозные войны. Все это забирало ее силы и время, отдаляло от Шенонсо. Наконец заключили мир с протестантами, и в марте 1563 года Екатерина вернулась в замок на Луаре. Она разбила еще один сад, посадила оливы из своей родной Тосканы, построила (по проекту Делорма) над мостом двухэтажную галерею, где устраивались балы и торжественные приемы, собрала богатую библиотеку. В поместье королева приказала устроить шелкоткацкую мастерскую (крестьяне разводили шелковичных червей), поставить вольеры с редкими птицами и завела зверинец с экзотическими зверями. Екатерина, дама со вкусом и с деньгами, так преобразила Шенонсо, что его стали называть "земным раем".

Жизнь в Шенонсо проходила в атмосфере нескончаемых праздников, интриг и коварных козней. Екатерина окружила себя своими детьми и пышной свитой, в которой был и знаменитый "летучий эскадрон" очаровательных фрейлин. Эти дамы, столь же остроумные, сколь и прекрасные, разыгрывали театральные представления. Изображая нимф и пастушек, они соблазняли высокопоставленных гостей королевы, выведывали их тайны и обо всем докладывали Екатерине. В истории Франции остался праздник с переодеваниями, которые королева организовала для своего сына Генриха III и его друзей в мае 1577 года. Этот праздник оброс легендами и стал скандальным символом той эпохи. Генрих, окруженный своими фаворитами, появился в женском платье, чрезмерно декольтированном и открывавшем грудь. Его приятели — герцог Анжуйский и другие — также были в дамских нарядах. Им прислуживали полуголые, с распущенными волосами и готовые на все фрейлины из "летучего эскадрона", одетые, наоборот, в мужские костюмы. Они предоставляли гостям королевы разные услуги: пели, беседовали, танцевали, услаждали их плоть. Среди этих дам были Маргарита Наваррская, будущая королева Марго; Луиза де Водемон, супруга Генриха; мадам де Гершевий, по прозвищу Юница; отважная мадам Шатоннеф, одна из любовниц короля, незадолго до того заколовшая своего неверного мужа; графиня де Монсоро, героиня романа Дюма, и много еще других красавиц. А когда наступил вечер, аллеи парка засияли в свете фейерверков, а на реке вспыхнули огоньки на плотках, и всем стало совсем хорошо. Звучали сладостные звуки скрипок, рекой лилось вино, обворожительные и доступные женщины сводили с ума распаленных мужчин, и то тут, то там виднелись парочки, удалявшиеся от шумного общества, дабы насытить свои порочные аппетиты...

Екатерина умерла в начале 1589 года, в другом королевском замке недалеко от Шенонсо. В течение тридцати лет эта необыкновенная женщина правила страной, руководя своими сыновьями-королями. Ее смерть потрясла страну, оставшуюся в руках неумного, развратного и циничного Генриха III, а Шенонсо перешел к королеве Луизе, его жене. Генриху III, в отличие от предшественников любившему не фавориток, а фаворитов, погрязшему в пороке, не думавшему ни о своем народе, ни о судьбе страны, суждено было умереть вскоре после смерти матери — 2 августа 1589 года его заколол некий Жак Клеман, монах-доминиканец. Луиза, узнав о гибели мужа, навсегда облачилась в белое — траурные цвета королев, с тех пор ее прозвали Белая дама. Луиза, несмотря на все бесчинства своего супруга, очень его любила. Бог

не дал им детей (говорили, что причиной тому — пороки и недуги короля), и смерть мужа стала для нее страшным ударом. Она никого не хотела видеть, спрятавшись от мира в Шенонсо. По приказу вдовствующей королевы всю мебель первого этажа обтянули черным, потолки и стены расписали скорбными символами смерти, а в часовне проводили погребальные мессы. Теперь в Шенонсо не слышались музыка и смех, зато появились монашки из близлежащего монастыря урсулинок, возносившие вместе с королевой бесконечные молитвы Всевышнему. Королева скончалась 29 января 1601 года, завещав Шенонсо Сесару де Вандому, законному сыну Генриха IV и Габриэль де Эстре. В замке поселилась теща Сесара, герцогиня де Маркер, она прожила в Шенонсо двенадцать лет, присматривая за поместьем. Герцогиня была чрезвычайно набожна, настолько, что поселила в замке дюжину мадам Дюпен, которые жили в Шенонсо еще одиннадцать лет после смерти своей благодетельницы.

В 1773 году герцог де Вандом Бурбонский продал Шенонсо некоему Клоду Дюпену, богатому финансисту. Супруги Дюпен, люди со средствами, отреставрировали замок, и он вновь приобрел блеск и изящество. Каждую осень они приезжали сюда из Парижа, привозили друзей, шум и веселье. Мадам Луиза Дюпен, большая поклонница искусств, организовала в Шенонсо салон, который быстро вошел в моду. Здесь стали бывать многие знаменитости того времени. Среди гостей мадам Дюпен, развлекавшейся в свободное время написанием "Трактата о счастье", были Бюффон и Монтескье, Мариво и Вольтер, а Жан-Жак Руссо стал секретарем Дюпена и наставником его сына. "...мы провели осень в Турени, в Шенонсо... Время, проведенное в этом замке, — дивное; обильно и вкусно ели — я разжирел, как монах. Очень много музицировали. Я сочинил несколько вокальных трио, весьма благозвучных. ...Сыграли комедию. Я написал ее здесь..." — позже вспоминал Руссо. Его воспитанник, молодой Дюпен, был страшно избалован, и неудивительно, что из него вырос настоящий хулиган и бандит.

Мадам Дюпен, окруженная преданными и искренне любившими ее слугами, тихо скончалась в Шенонсо в 1799 году. Замку счастливо удалось не пострадать во время революции. Аббат Леконт, приходской кюре, сумел убедить повстанцев, что разрушение замка не пойдет на пользу революции. "Послушайте, ведь между Моришаром и Блере есть только один мост, и вы хотите его разрушить! Тогда вы враги общественного блага!" — обратился он к наиболее разгоряченным головам.

Последний наследник Дюпенов продал имение в 1863 году мадам Пелуз. Эта дама с любовью и тщанием отреставрировала замок, намереваясь придать ему облик, который он имел при Диане де Пуатье и Екатерине Медичи. В 1847 году в Шенонсо побывал Густав Флобер, и ему показывали кровать, на которой спала Диана де Пуатье, старинные портреты, доспехи и оружие и охотничий рог, якобы принадлежавший Франциску I, и посуду, с которой ела Екатерина Медичи. Наверное, тогда и началась туристическая история Шенонсо.

После разорения семейства Пелуз Шенонсо было конфисковано Земельным кредитом и в 1888 году продано Анри Менье, одному из самых богатых промышленников конца XIX века.

В 1914 году Францию захлестнула Первая мировая война. Пришла она и на живописные берега Луары. И Гастон Менье, сенатор департамента Сены и Марны, решил оборудовать в Шенонсо госпиталь. Он разместил в замке более 2000 раненых, привез врачей и медсестер... Не обошли стороной Шенонсо и события Второй мировой войны — в замке находился связной пункт для местных партизан, маки.

А сегодня Шенонсо, по-прежнему владения семейства Менье, открыт для посетителей, и каждый, купив билет, может побывать в этом удивительном замке, замке на реке: погулять по саду и цветникам Дианы де Пуатье, заглянуть в "Комнату пяти

королев", в спальни Дианы, Екатерины Медичи, увидеть, на каком вертеле готовили блюда для королевских пиров, и конечно же сфотографироваться рядом с восковыми фигурами знаменитых обитателей замка — Дианы де Пуатье и ее царственного любовника Генриха II, с Екатериной Медичи и ее очаровательными бойцами "летучего эскадрона", с мадам Дюпен и ее гостями Руссо и Вольтером и почувствовать, как великая история великой страны становится частью истории вашей собственной жизни. ■

SPECIALRADIO ПРЕДСТАВЛЯЕТ ▼

RECOMMENDED RECORDS

SPECIALRADIO MEDIA PROJECT

**САМАЯ
ПОЛНАЯ
ЛЕТОПИСЬ
СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО РОКА
НА КОМПАКТ-ДИСКАХ**

**УНИКАЛЬНОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ
МУЗЫКАЛЬНОЕ
ИЗДАНИЕ**

Брат "Новый Книжный"

Журнал Смена 12/2003

ТБК

911

79705 Цена

44.00

1895427

**ПОДПИСНОЙ
ИНДЕКС
ПО КАТАЛОГУ
«РОСПЕЧАТЬ»
83049**

www.specialradio.ru